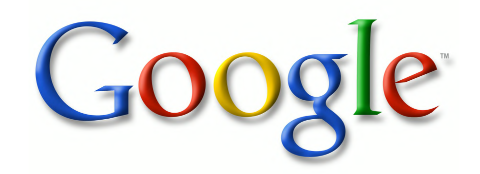
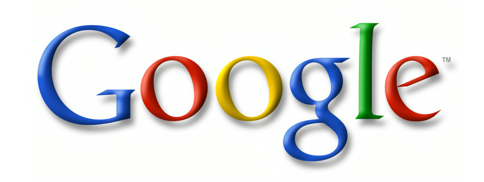
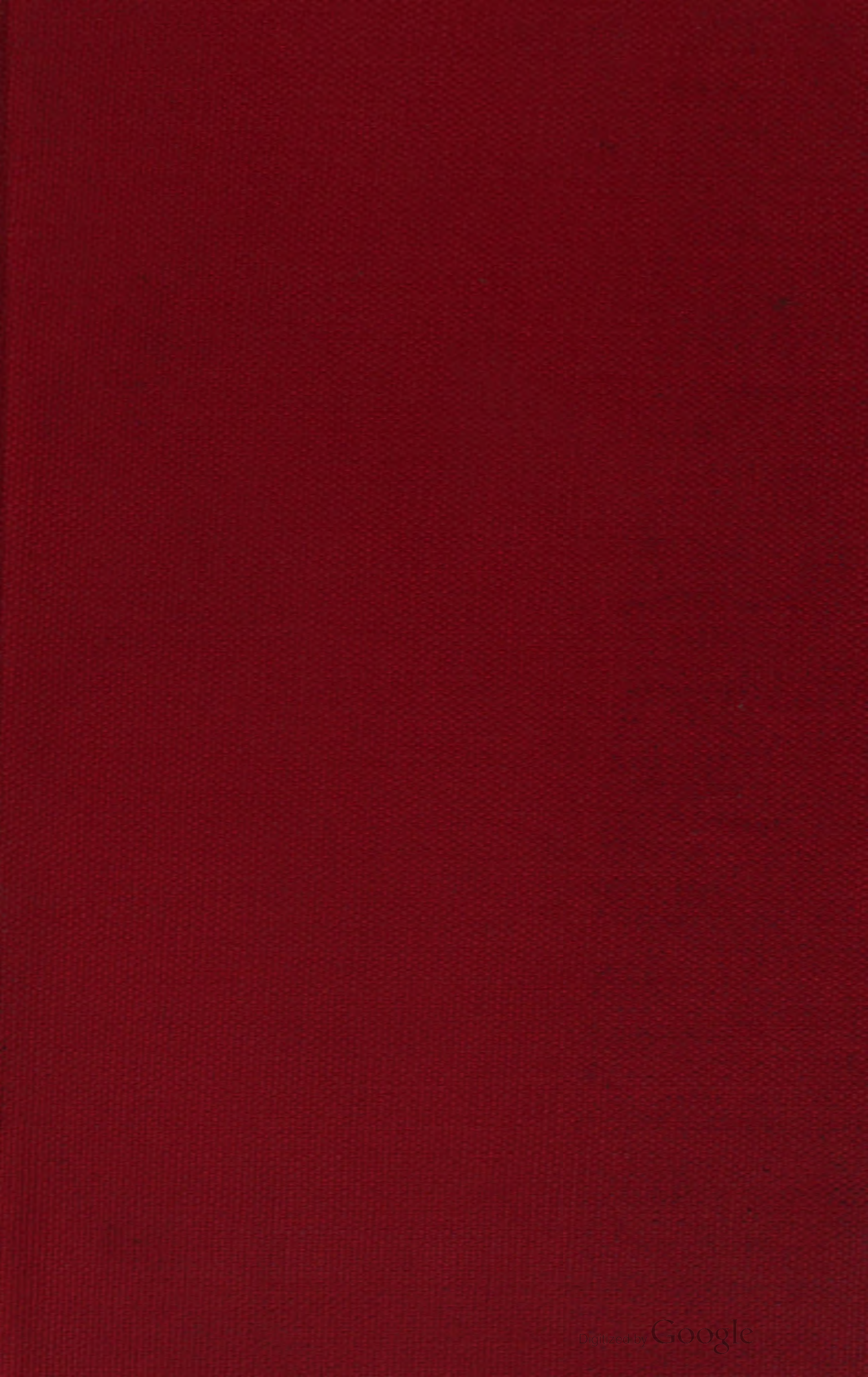
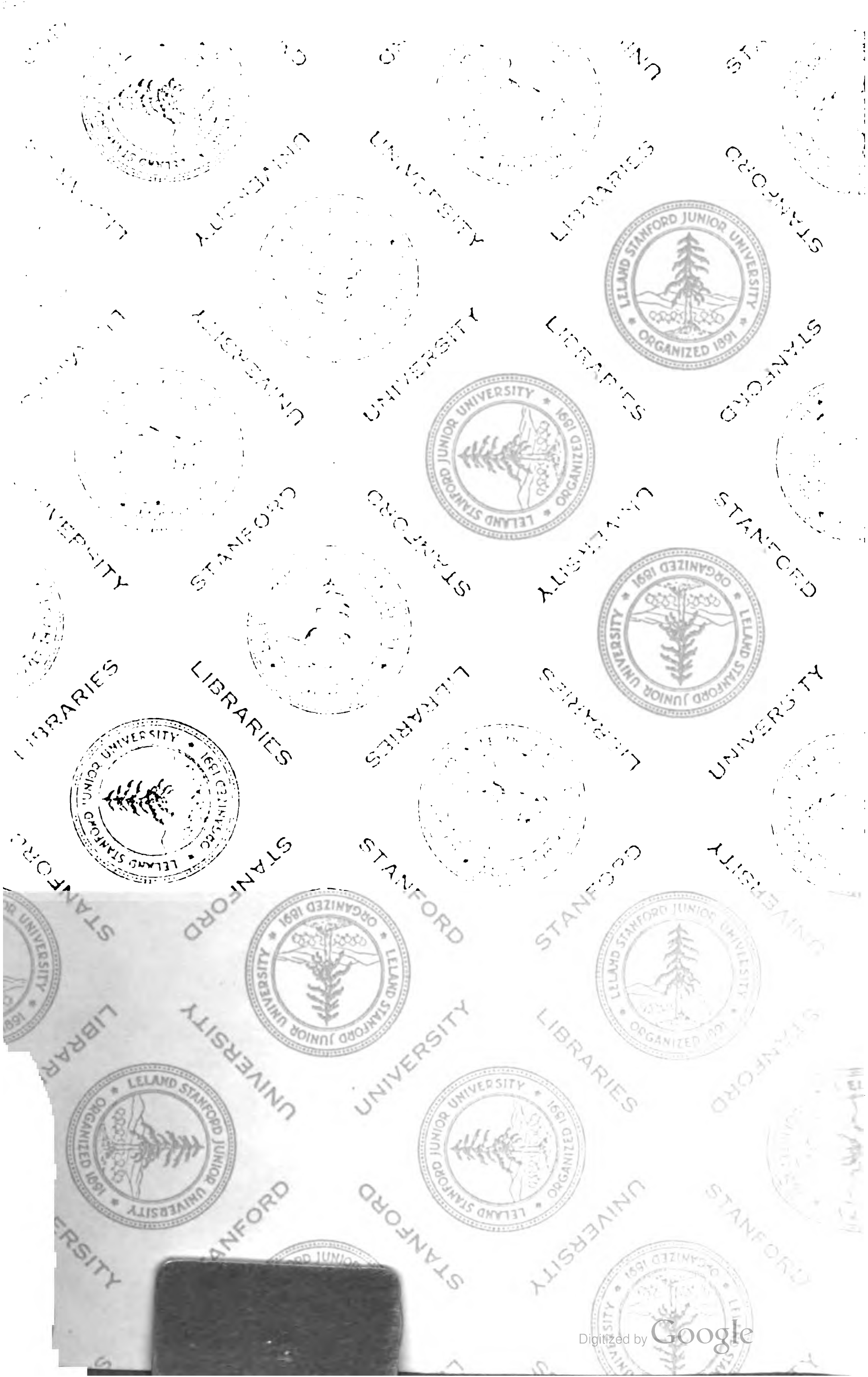
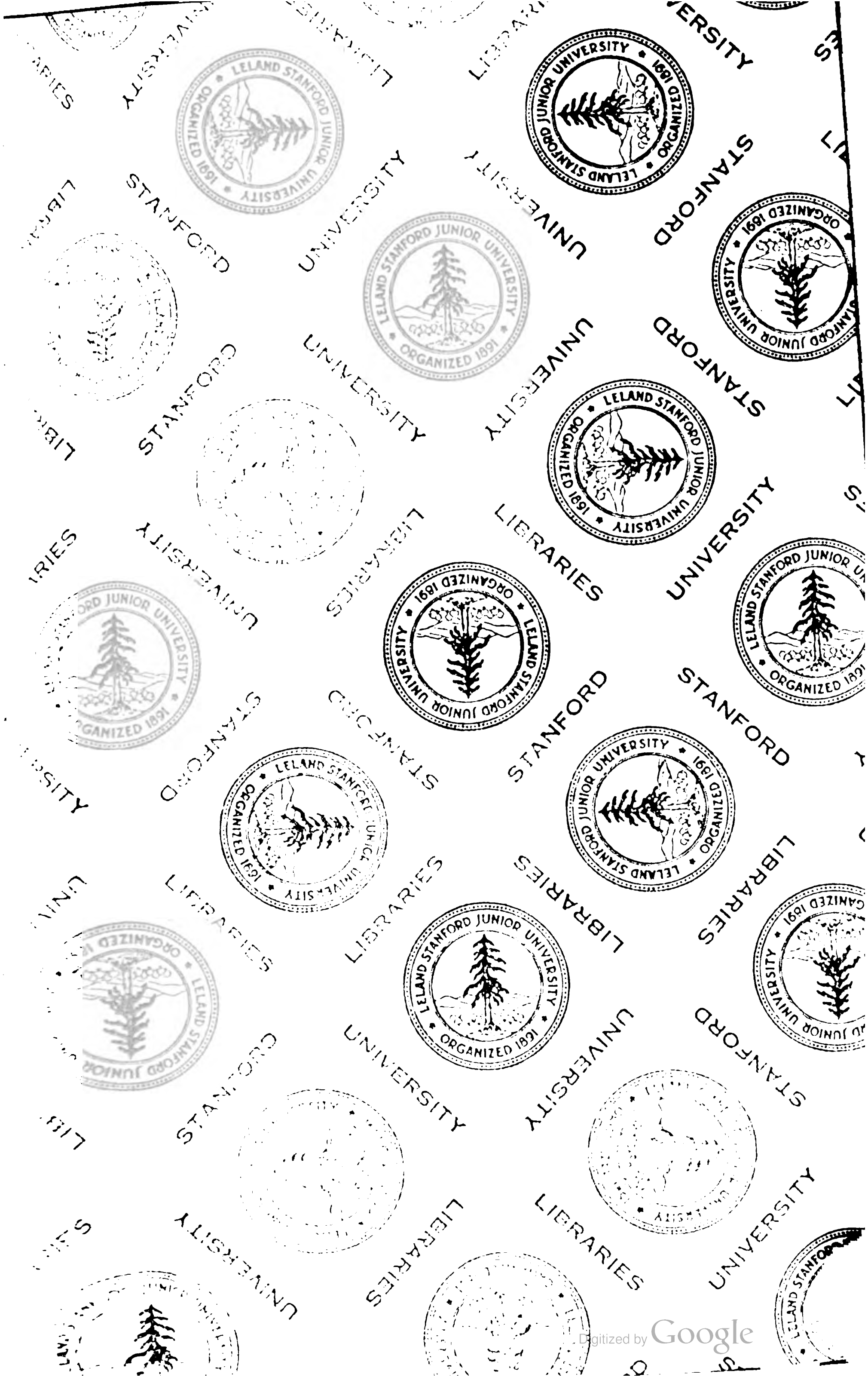

А. С. ШИШКОВЪ.

СОБРАНІЕ

ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

ЧАСТЬ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1818.

ПЕЧАТАНО:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Мая 12 дня 1817 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ (*).

Книга сія на Россійскомъ языкѣ давно уже извѣстна подъ названіемъ *дѣтской библіотеки*. Оная есть отчасти переводъ, отчасти же подражаніе изданной отъ господина *Камле* на Нѣмецкомъ языкѣ книги, называемой *kleine kinder-bibliothek*. Я преложилъ оную еще въ молодости моей, по прозбѣ бывшаго тогда Президента Академіи Сергѣя Герасимовича Домашнева. Потомъ отдалъ оную заступившему мѣсто его Президенту Ея Сіятельству Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, по приказанію которой и была оная напечатана. Я намѣренъ былъ надъ преложеніемъ сей полезной для дѣтей книжки трудиться далѣе, ибо на Россійскомъ языкѣ едва ли составляла она третью долю противъ Нѣмецкаго подлинника, но какъ я по службѣ моей неоднократно отлучался изъ Россіи, и притомъ главную часть жизни моей посвятилъ на сочиненія и переводы морскихъ книгъ, то сіи обстоятельства и отвлекли меня отъ упражненія въ Россійской словесности, а особливо отъ стихотворенія. Между тѣмъ вышеупомянутая книжка моя простымъ своимъ слогомъ увеселяла дѣтей и наставляла ихъ въ благонравіи; они многіе изъ ней спи-

(*) Сіе предувѣдомленіе написано было къ прежнему сей книги изданію, съ картинками.

шки наизусть читали, и родители ихъ принимали оную благосклонно, такъ что въ теченіи шестнатцати или семнатцати лѣтъ была она троекратно издана, токмо не мною; ибо я о послѣднихъ двухъ изданіяхъ не имѣлъ уже ни какова свѣдѣнія. Также къ двумъ моего перевода частямъ прибавлены въ прозѣ еще двѣ части, не знаю кѣмъ переведенныя. Наконецъ видя, что всѣ сіи изданія не весьма исправны, и разсуждая, что таковое сочиненіе не старѣется, поелику всегда ново и полезно для возрастающихъ вновь дѣтей, вздумалось мнѣ въ первый еще разъ издать оную самому, перемѣня чужеязычное названіе ея въ Руское, исправя недостатки, и прибавя къ прежнимъ сказочкамъ многія новыя, въ стихахъ и въ прозѣ, и все сіе украся картинками, изображающими содержаніе басенокъ; ибо извѣстно уже изъ опытовъ, что картинки возбуждаютъ въ дѣтяхъ любопытство и приманиваютъ ихъ къ разсматриванію и чтенію сочиненій насаждающихъ въ младые умы ихъ сѣмена добродѣтелей. Такимъ образомъ издаваемая нынѣ книга сія, хотя, также какъ и прежняя, состоять будетъ въ двухъ частяхъ, однакожъ можетъ почесться за совершенно новую, первое по причинѣ тщательнаго изданія и присовокупленныхъ къ ней украшеній,

а второе потому, что сіи двѣ части съ прибавленіемъ новыхъ басенокъ почти вдвое больше двухъ прежнихъ частей. Я почту себя весьма щастливымъ, когда принесу чрезъ то нѣкоторую отечеству моему услугу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

СОБРАНІЕ

ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

Колыбельная пѣсенка, которую поетъ Анюта, качая свою куклу.

На дворѣ овечка спитъ,
Хорошохонько лежитъ,
Ба́ю ба́юшки, баю̀.
Не упрямится она,
Но послушна и смирна,
Ба́ю ба́юшки баю̀.
Не сердита, не лиха,
Но спокойна и тиха,
Ба́ю ба́юшки баю̀.
Щиплетъ ходючи траву
На зеленомъ на лугу,
Ба́ю ба́юшки баю̀.
Весела почти всегда,
И не плачетъ никогда,
Ба́ю ба́юшки баю̀.
Ласки къ ней отмѣнной въ знакъ,
Гладитъ ту овечку всякъ,
Ба́ю ба́юшки баю̀.

Такъ и ты моя душа,
Будь умна и хороша,
Баю баюшки баю.
Естьли хочешь, чтобъ любя
Всѣ лелѣяли тебя.
Баю баюшки баю

БРАТЪ и СЕСТРА.

Сестра: Мнѣ моя куколка всево на свѣтѣ дороже.

Братъ: Не повѣришь какъ я свою лошадушку люблю.

Сестра: О ты моя дорогая куколка!

Братъ: О ты моя золотая лошадушка!

Сестра: Тебя мнѣ матушка подарила.

Братъ: Тебя мнѣ батюшка пожаловалъ.

Оба: О любезные родители! мы васъ еще больше любимъ, нежели подарки, которыми вы насъ такъ охотно увеселяете; мы васъ больше всево любимъ.

ПѢСЕНКА.

При спеленаніи дитяти:

Хоть матушка тебя,
Анюта пеленаетъ;
Не плачь, она любя
Добра тебѣ желаетъ.

Пеленка хошь и жметъ,
Какъ бышь: она полезна,
Покой швой бережетъ,
Анюшушка любезна.
Въ дни зрѣлой красошы
Уже не пеленою
Хранима будешь шы,
Но машерней рукою.

Не сѣшуй, коль она
Покажешся сурова;
То шакже пелена
Для сердца молодова.

ДВѢ СОБАКИ.

Змѣйка завистливая и Соколка добросердечная.

У одного господина были двѣ собаки разныхъ нравовъ.

Соколка, вѣрная и доброхошная собака, сшерегла дворъ: а Змѣйка злая и зависшливая, любима будучи имъ, находилась всегда при немъ въ горницѣ.

Соколка сердечно радовалась, когда господинъ ея ласкалъ Змѣйку; а Змѣйка всегда начинала ворчашь, когда бѣдной ея шоварищъ осмѣливался приползашь къ ногамъ господина своего, чшобъ шакже получишь ошъ него маленькую ласку.

Когда бывало Змѣйкѣ дадутъ кусокъ мяса, то Соколка помахиваетъ хвостомъ, и такъ радуется, какъ бы она сама его получила.

Естьли же напротивъ того Соколкѣ бросятъ кость, то Змѣйка подниметъ такой лай, какъ будтобы домъ горѣлъ: тогда добросердечная Соколка, чтобъ избѣжать ссоры, обыкновенно уступитъ ей недоглоданную кость и побредетъ въ свою канурку.

Господинъ, примѣтя это, сталъ не любить Змѣйку.

Въ одинъ день сидя за столомъ кинулъ онъ имъ обѣимъ вдругъ, Змѣйкѣ кусокъ мяса, а Соколкѣ кость.

Лишь только увидѣла завистливая Змѣйка, что товарищъ ея также нѣчто получилъ, кинула съ серцовъ свое мясо и бросилась на Соколку, чтобъ отнять у нея кость.

Та, по доброму сердцу своему, уступила ей и хотѣла итти опять въ свою канурку.

Однако господинъ кликнулъ ее назадъ, и давъ ей кусокъ мяса, которой Змѣйка бросила, сказалъ:

,,Ѣшь, добрая собака! справедливость требуетъ, чтобъ ты этотъ кусокъ имѣла, потому что у тебя отняли твою кость.,,

Змѣйка вытаращила глаза.

,,И какъ ты, продолжалъ господинъ, добросердечна и уступчива, а та завистлива и нахальна; то будь напредки у меня всегда

въ горницѣ, а она вмѣсто тебя пускай стережетъ дворъ.

,,Возмите, привяжите ее на цѣпь.,,

Сказано, сдѣлано. Змѣйку привязали на цѣпь, а Соколка осталась въ домѣ.

Тогда-то можно было прямо видѣть какое великое различіе между добрымъ сердцемъ и злымъ.

Какъ скоро доброхотная Соколка получала себѣ лакомой кусочикъ, то никогда одна не съѣдала его, а относила всегда часть въ кануру къ Змѣйкѣ, и махая хвостомъ давала ей знать, чтобъ она ѣла.

Также часто ночью добровольно приходила она къ ней въ канурку, чтобъ сдѣлать ей товарищество, и нѣсколько ее на морозѣ посогрѣть.

Но злая и завистливая Змѣйка, вмѣсто благодарности за такія дружескія услуги, всегда на нее ворчала и огрызалась.

Чтожъ напослѣдокъ сдѣлалось?—Зависть и досада на Соколкино щастіе такъ ее измучили, что она скоро издохла.

ПѢСЕНКА КЪ ДОЖДИКУ.

Вася.

Капь на землю, дождикъ, капь!
Хлѣбъ на нивахъ пропадаетъ,

Вянутъ, вянутъ всѣ цвѣты.

Мишюша.

Кань на землю, дождикъ, кань!
Древеса стоятъ уныло,
Сохнетъ, сохнетъ зелень вся.

Вася.

Въ полѣ скотъ ослабѣвая
Томно на небо глядитъ.

Мишюша.

Червь на травкѣ истлѣвая
Безъ движенія лежитъ.

Оба.

Ахъ! не дай цвѣткамъ увянуть,
Червячку въ травѣ истлѣть,
И деревьямъ всѣмъ засохнуть.
Кань на землю дождикъ, кань!

Продолженіе:

Вася.

Вотъ и дождикъ, вотъ и онъ!
Пьютъ цвѣточки увядавши,
Пьютъ сухія сѣмена!

Мишюша.

Дождикъ льется, посмотри!
Пыль съ листочковъ омываетъ,
Оживляются древа.

Вася.

Скотъ отъ зноя утомленный
Къ нему радостно рычитъ.

Мишюша.

Червь на травкѣ изнемогшій
Насыщается и пьетъ!

Оба

Ты сего создавшій червя,
Всяку травку, весь сей скотъ,
Всѣ древа и всѣ цвѣточки,
Будь благословенъ Творецъ!

Три златоперыя рыбки.

Нѣкто доброй человѣкъ имѣлъ у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая.

Онъ пустилъ ихъ въ чистой прудокъ, и будучи до нихъ добръ, любовался смотря на ихъ свободу.

Часто садился онъ на берегу сего прудка, и бросалъ имъ хлѣбной мякишъ въ воду: тогда сіи прекрасныя рыбки приплывали и ѣли этотъ мякишъ.

Въ это время онъ имъ всегда говаривалъ: ,,Рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, естьли хотите жить всегда такъ щастливо, какъ вы теперь живете.

„Не ходите сквозь рѣшетку изъ этова маленькаго въ большой смежной съ нимъ прудъ, и не плавайте поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ.„

Но рыбки словъ его не разумѣли. Тогда этотъ доброй человѣкъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ это какъ нибудь растолкую, и сталъ подлѣ рѣшетки.

Какъ скоро которая нибудь изъ нихъ приходила туда и хотѣла проплыть сквозь рѣшетку, то онъ хлопалъ по водѣ палочкою, чтобъ она испугалась и ушла назадъ.

Тоже самое дѣлалъ онъ, когда которая нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чтобъ она опять ушла на дно.

Теперь чаю онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

Тогда сіи три пригоженькія рыбки сплылися вмѣстѣ и качаютъ головками, и не могутъ понять, для чего этотъ доброй человѣкъ не хочетъ, чтобъ онѣ сквозь рѣшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали.

„Самъ онъ ходитъ по верху, сказала изъ нихъ одна, для чегожъ намъ не всплывать иногда къ верху?

„И для чего быть здѣсь въ заперти? сказала другая; что намъ сдѣлается, естьли мы на часокъ въ большой прудъ погулять выдемъ?

Конечно это злой человѣкъ, повторила первая; онъ насъ не любитъ, и не хочетъ, чтобъ мы жили весело.

,,Я на него не посмотрю, примолвила вторая, и пойду себѣ погуляю въ большомъ пруду.

,,А я, сказала опять первая, всплыву между тѣмъ на верхъ и тамъ на солнышкѣ поиграю.,,

,,Но третья злато перая рыбка была благоразумнѣе ихъ и такъ размышляла.

,,Доброй этотъ человѣкъ конечно имѣетъ какія нибудь причины намъ то запрещать.

,,По всему видно, что онъ насъ любитъ.

,,За чѣмъ бы ему приносить къ намъ такъ часто хлѣбной мякишъ, и утѣшаться смотря какъ мы его ѣдимъ?

,,Нѣтъ, онъ конечно не злой человѣкъ, и я все то буду дѣлать, что ему угодно, не взирая на мое незнаніе, для чего онъ этова хочетъ.,,

Такимъ образомъ добринькая эта рыбка осталась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили что сказали.

Одна переплыла сквозь рѣшетку въ большой прудъ, а другая всплывъ поверхъ воды играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣялись надъ третьею сестрою своей, что она къ нимъ пристать не хотѣла.

Но что сдѣлалось?

Лишь только первая рыбка вышла въ большой прудъ, то бросилась на нее щука и ее проглотила.

А другую увидѣла чайка, пустилась внизъ, схватила ее въ когти, и понесла клевать.

Осталась только третья благоразумная рыбка.

Добродушной хозяинъ радовался нашедъ ее такъ послушною, и приносилъ ей каждое утро самой лучшій кормъ.

Такимъ образомъ жила она всегда въ удовольствіи и достигла до глубокой старости.

ПРЕКРАСНЫЯ ПЛАТЬЯ.

Маленькая Аннушка доселѣ носила полотняное платьице и коженыя башмачки, а волосы у нея сами собою были кудрявы.

Однажды была она вмѣстѣ съ другими дѣтьми, которыя какъ большія госпожи наряжены были, и это ей очень понравилось.

Батюшка сударь, сказала она возвратясь домой, подарите мнѣ шолковое платьице и шитыя башмачки, такъ какъ я у другихъ дѣтей видѣла, и прикажите мнѣ также причесать волосы.

Пожалуй изволь, сказалъ ей отецъ, ежели это тебѣ нравится, только, я думаю, ты этимъ скоро наскучишь.

„Для чего, батюшка сударь? спросила Аннушка.

Для того, сказалъ отецъ, что ты всегда должна будешь опасаться, чтобъ не изодрать и не замарать твоего прекраснаго платья.

А оно вѣть много денегъ будетъ стоить, и не льзя его вымыть, ежели однажды замарается.

„О я уже буду беречься!

Очень хорошо, инъ пускай такъ, сказалъ отецъ: и велѣлъ ей все сдѣлать, что принадлежитъ къ наряду.

Какъ малютка отъ радости прыгала, когда всѣ сіи разноцвѣтныя вещи на нее надѣли!

Послѣ обѣда назначено было итти гулять и Аннушка въ томъ числѣ.

Пришли на одинъ лугъ, гдѣ было премножество цвѣтовъ, вкругъ которыхъ пестрые бабочки летали.

Мальчики и дѣвочки побѣжали всѣ туда рвать цвѣтки и ловить бабочекъ.

Аннушкѣ хотѣлось также съ ними побѣгать, однакожъ ей показали, что трава была нѣсколько мокра, и что она свое платье замочитъ, ежели туда побѣжитъ.

Итакъ должно ей было остаться одной и дожидаться, покуда другіе нарвавъ довольное число цвѣтковъ возвратились назадъ.

Потомъ надобно имъ было итти черезъ маленькіе кустики.

Аннушка, идучи всегда осторожно, чтобъ не зацѣпиться за терновникъ и не изодрать своего прекраснаго платья, принуждена была оставаться нѣсколько позади, между тѣмъ какъ прочіе дѣти бѣгали и прыгали по кустамъ.

Вдругъ услышали превеликой крикъ.

Прибѣжали назадъ и нашли, что Аннушка высокимъ своимъ головнымъ уборомъ зацѣпилась за низинькой сучокъ и не могла никакъ освободиться.

Помогли ей въ томъ; но какъ она волосами очень запуталась, то въ распутываніи не прошло безъ боли, и уборъ ея весь былъ смятъ.

Недалеко отошли еще, какъ стала она жаловаться, что шнуровка ее весьма жметъ.

Она бы желала возвратиться домой, чтобъ разшнуроваться; но несправедливо было хотѣть, чтобъ всѣ дѣти оставили для нея свои забавы.

Итакъ не могши далѣе итти, она принуждена была остаться на одномъ мѣстѣ и дожидаться, покуда всѣ дѣти возвратятся назадъ.

Тутъ-то ей было скучно! и она часто думала: ахъ! батюшка мой говорилъ мнѣ правду.

Спустя нѣсколько времени прибѣжали всѣ назадъ и кричали ей: поскорѣй, поскорѣй, Аннушка! дождь будетъ, большая туча поднимается.

Такимъ образомъ бѣдняшка, не смотря на то, что шнуровки и узкіе башмаки великую боль ей дѣлали, принуждена была бѣжать изъ всей мочи.

Но при всемъ ея стараніи не могла поспѣть за другими, которыя легко были одѣты.

Всякую минуту зацѣплялась она то платьемъ, то рукавами, то растрепаннымъ своимъ головнымъ уборомъ.

Между тѣмъ нашла туча и полился сильный дождь въ самое то время, какъ другія дѣти прибѣжали уже домой.

Аннушку замочило всю; она потеряла одинъ башмакъ въ грязи, и насилу могла дотащиться до дому.

Надобно ей было переодѣться, и она увидѣла, что наряды ея никуды болѣе не годятся.

Сдѣлать ли тебѣ завтра другое шолковое платьице? спросилъ у нея отецъ, видя, что она неутѣшно плакала.

Нѣтъ, нѣтъ, батюшка сударь! отвѣчала она.

Я вижу теперь, что дѣти худо дѣлаютъ, когда думаютъ быть умнѣе отца и

матери: позвольте мнѣ носить мое прежнее платьице и простите мнѣ мою глупость.

ПѢСЕНКА НА КУПАНЬЕ.

Ребята, намъ въ полѣ
Отъ солнца сгорѣть,
Дня жарка мнѣ болѣ
Нѣтъ мочи терпѣть.
Мы можемъ собраться
Въ другой разъ сюда.
Купаться, купаться,
Теперь череда.

Вонъ мягкой травою
Покрытъ бережокъ,
И тамъ надъ водою
Я вижу кустокъ;
Туда раздѣваться
Скорѣе пойдемъ,
Плескаться, плескаться
Водою начнемъ.

Кто далѣ не смѣетъ,
У краишка стой;
А кто не робѣетъ,
Ступай тотъ за мной.
Не бойтесь идите,
Здѣсь омутовъ нѣтъ:

Смотрите, смотрите,
Какъ Миша плыветъ.
По самыя груди
Иду въ глубину.
Эй! добрые люди
Прощайте: нырну!
Какое приволье
Купаться въ рѣкѣ!
Раздолье, раздолье,
Въ какомъ холодкѣ!

Смотрите, Петруша
Плыветъ на спинѣ;
А тамъ вонъ Андрюша
Верхомъ на бревнѣ.
Эй братъ! не свалися
Съ коня своего:
Держися, держися,
Прилягъ на него.

Взгляните, кружками
Здѣсь въ кучкѣ стоятъ,
И воду руками
Полощутъ, мутятъ:
Какіе же визги
У нихъ и содомъ!
А брызги, а брызги
Летаютъ кругомъ!
Ахъ! вонъ тамъ двѣ утки
Близъ кустика ждутъ,

За ними малюшки
Ихъ дѣши плывушъ:
Равняешся съ крошкой,
А быстро глядишъ;
За мошкой, за мошкой,
Смошри какъ бѣжишъ.

А шамъ, гдѣ песочикъ,
Овечки лежашъ,
Сосшавя вѣночикъ
Вкругъ малыхъ ягняшъ.
И звѣрю и пшицѣ,
По жаркимъ шоль днямъ,
Въ водицѣ, въ водицѣ,
Пріяшно, какъ намъ.

Ну полно купашься,
Я бѣлъ и легокъ.
Пора одѣвашься,
Пора на лужокъ.
На милой муравкѣ
Хочу полежашь;
По шравкѣ, по шравкѣ
Хочу пробѣжашь.

КЪ МАШѢ НА ЕЯ ГОЛУБКУ.

Видишь, Маша, какъ голубка
Любишъ дѣшушекъ своихъ:

Для спасенія ихъ жизни
Не щадитъ себя самой;
Пищей ихъ своей питаетъ,
Отдаетъ изъ зоба имъ . . . .
Мать горящая любовью
Не похожаль на нее,
Какъ младенца умиленно
Держитъ на своихъ рукахъ,
И при малой самой боли
Сострадаетъ купно съ нимъ?
День и вечеръ весь въ заботѣ,
Часто по ночамъ не спитъ,
И лишается покою,
Чтобъ дитятѣ дать покой.
Такъ-то за тобою, Маша,
Ходитъ матушка твоя:
Ты любя ее сердечно
Богу благодарна будь.

БОЖІЯ ЛЮБОВЬ.

Дитя.

Отъ чего это, батюшка, что вы меня такъ любите?

Отецъ.

Богъ въ сердце мое вложилъ къ тебѣ любовь.

Дитя.

По этому Богъ такъ милосердъ, что

онъ меня столько же какъ вы, или еще и больше любитъ.

~~~~~~~~~~

Злодѣйствующій котъ и невинно страдающая Шавка.

Злой котъ, по имени *Урчало*, находилъ гнусное удовольствіе въ томъ, чтобъ досаждать всегда простосердечной Шавкѣ.

Какъ скоро принесутъ кушанье, то вспрыгнетъ онъ на столъ, утащитъ все, что ему попадется въ лапы, и уронивъ нарочно кусокъ подлѣ Шавки, выскочитъ въ окошко.

Служители вошедъ и увидя лежащей подлѣ Шавки кусокъ кушанья, считали ее всегда за вора и безъ всякой вины бѣдную сѣкли.

Иногда *Урчало*, бывши съ нею одинъ въ горницѣ, столкнетъ рюмку, или чашку, или другой какой ломкой сосудъ, и самъ убѣжитъ по обыкновенному.

Тогда Шавку снова сѣкутъ, считая ее въ томъ виновницею.

Она съ терпѣніемъ сносила побои, помышляя сама въ себѣ: когда нибудь невинность моя откроется.

Однажды лежала она въ сараѣ близъ курятника.
~~~~~~~~~~

Не подалеку отшуда поставлена была пасть на лисицу, задушившую двухъ курицъ на канунѣ шого дня.

Къ пасти привязана была мершвая курица для приману лисицы.

Ургало, помышляя всегда о новыхъ плушовсшвахъ, увидѣлъ эшу курицу и вздумалъ подвести Шавку опяшь подъ побои.

„Я унесу эшу курицу, думалъ онъ, и подброшу ее къ глупой Шавкѣ, чтобъ ей за эшо вздули спину.„

Такимъ образомъ крался онъ шихо для исполненія своего намѣренія.

Но лишь дотронулся воровскими своими лапами до курицы, какъ крышка упавъ переломила ему крестецъ.

На крикъ прибѣжали къ нему люди; но уже нашли его мершвымъ.

Изъ сего всякъ легко догадашься могъ, что и прежнія всѣ шалости отъ эшова коша происходили, и что бѣдная Шавка невинно за него шерпѣла.

И какъ послѣ въ самомъ дѣлѣ нашлось, что по смерти его ничего уже подобнаго не случалось, то и наградили Шавку за всѣ прешерпѣнныя ею неправедно муки.

ДОБРОСЕРДЕЧНАЯ НАТАША.

Наташа смирная не хочетъ
Съ Петрушей начинать игру,
И какъ о томъ онъ ни хлопочетъ,
Не можетъ преклонить сестру:
Въ великую его досаду
Приводитъ таковой отказъ,
И хочется ему хоть разъ
Съ ней вмѣстѣ пробѣжать по саду;
Но зря ее упорну въ томъ,
Угрозы къ прозьбамъ пріобщаетъ,
Дубинку толстую хватаетъ,
На коей ѣздилъ онъ верьхомъ;
И къ бо̀льшему Наташѣ страху
Ударить бѣдную съ размаху
Грозитъ по головѣ - - - - - - И ахъ!
Что только въ шутку затѣваетъ,
То, будучи въ такихъ сердцахъ,
На самомъ дѣлѣ исполняетъ!
Свершился жалостный ударъ:
Наташинъ крикъ въ саду раздался:
Петруша смертно испугался,
Простылъ тотчасъ въ немъ прежній жаръ,
И вмѣсто гнѣвнаго движенья,
Явились слезы сожалѣнья.
Упалъ онъ къ сестринымъ ногамъ,
Словами нѣжными ласкаетъ,
Цѣлуетъ ту, и плача самъ,
Ее онъ плакать унимаетъ:

„Сестрица, душинька, прости!
„Виновенъ я передъ тобою;
„Возьми дубинку и отмсти,
„Ударь меня два раза тою.„
Въ слезахъ Наташа вопіетъ:
„Ахъ нѣтъ, голубчикъ братецъ, нѣтъ!
„Раскаянья твово довольно.
„Тому не льзя ужъ пособить,
„А вѣдая, какъ это больно,
„Я не могу тебя такъ бить!

ВЕЛИКОДУШІЕ ОСМИЛѢТНЯГО ОТРОКА.

Бѣдной работникъ Данила имѣлъ у себя шестерыхъ дѣтей, и трудно было ему доставать для нихъ пищу.

Къ нещастію время настало худое и хлѣбъ сдѣлался вдвое дороже прежняго.

Данила день и ночь препровождалъ въ трудахъ, однако не могъ столько получать денегъ, сколько потребно ему было для прокормленія сухимъ хлѣбомъ голодныхъ дѣтей.

Онъ созвалъ малютокъ своихъ и со слезами говорилъ имъ:

„Дѣтушки, хлѣбъ такъ вздорожалъ, что со всею моею прилѣжностью не могу я вырабатывать столько, сколько вамъ надобно для насыщенія вашего.

,,Посмотрите, вотъ за какой хлѣбецъ долженъ я отдавать всѣ деньги, которыя въ цѣлой день выработаю.

,,Не подасадуйте, естьли я впередъ по немногу вамъ удѣлять стану.

,,Этова конечно будетъ мало, и вы не можете быть сыты,, но покрайней мѣрѣ никто изъ васъ не умретъ съ голоду.,,

Бѣдной отецъ не могъ болѣе говорить, смотрѣлъ на небо и проливалъ горькія слезы.

Дѣти его вмѣстѣ съ нимъ плакали, и каждой изъ нихъ мыслилъ: о боже нашъ! помоги намъ бѣднымъ ребятишкамъ, помоги бѣдному нашему отцу и не дай намъ умереть съ голоду.

Потомъ отецъ, раздѣля малый хлѣбецъ на шесть равныхъ частей, далъ каждому изъ дѣтей своихъ по частицѣ.

Одинъ изъ нихъ по имени Мишюша, не хотѣлъ своего кусочка взять, говоря:

,,Я не могу ѣсть, батюшка; я нездоровъ. Скушайте вы мою долю, или раздѣлите ее братцамъ.,,

Бѣдное дитя! говорилъ отецъ, обнимая его, да что тебѣ сдѣлалось?

Не знаю, сказалъ Мишюша, только я очень боленъ; я пойду лягу на свою солому.

Пошелъ и легъ.

Отецъ тужа о немъ побѣжалъ на другое

утро къ лѣкарю и просилъ, чтобъ онъ сжалясь помогъ больному его сыну.

Лѣкарь этотъ былъ доброй человѣкъ, тотчасъ прозбу его исполнилъ, хотя и зналъ, что ничего за труды свои не получитъ.

Онъ пришелъ къ больному отроку, пощупалъ у него пульсъ; но не могъ ни мало дознаться о его болѣзни.

Однакожъ хотѣлъ ему нѣчто прописать:

„Не дѣлайте, сударь, этова, сказалъ Митюша; я ничего не приму.

Не примешь? а для чего? спросилъ лѣкарь.

Митюша.

Не спрашивайте у меня, я вамъ не могу этова сказать.

Лѣкарь.

Не можешь сказать? А! Митюша, Митюша! мнѣ кажется ты не доброй малой.

Митюша.

Я право, сударь, не для худова чево это дѣлаю.

Лѣкарь.

Хорошо, я не буду тебя принуждать; да только скажу это твоему отцу.

Митюша.

Ахъ! ради бога, сударь, прошу васъ, не давайте знать объ этомъ батюшкѣ.

Лѣкарь.

Ты чудной малой! но мнѣ надобно непремѣнно увѣдомить твоего отца, ежели ты самъ не скажешь мнѣ, для чего не хочешь принять лѣкарства.

Мишюша.

Ахъ Боже мой! такъ нельзя мнѣ объ этомъ умолчать. Покрайней мѣрѣ прикажите братцамъ моимъ и сестрицамъ выттти отселѣ вонъ.

Лѣкарь велѣлъ дѣтямъ выттти, и тогда Мишюша говорилъ ему:

,,Видите, сударь, въ это сдорожалое время бѣдной мой отецъ не можетъ вырабатывать въ сутки болѣе одного хлѣбца.

,,Онъ всегда его раздѣляетъ намъ; мы получаемъ по маленькому кусочку, а самому себѣ онъ и совсѣмъ ничего не оставляетъ.

,,Мнѣ такъ было жаль видѣть бѣднаго батюшку, братцевъ и сестрицъ, претерпѣвающихъ голодъ, что я хотѣлъ лучше самъ ничего не ѣсть, дабы они могли кусочикъ мой раздѣлять между собою.

,,Вотъ для чего притворился я больнымъ и сказалъ, что ничего ѣсть не могу.

,,Но ради бога не сказывайте объ этомъ батюшкѣ.,,

Лѣкарь отерши слезы свои сказалъ:

,,Да развѣ тебѣ ѣсть не хочется, мой другъ?

Мишюша.

Ахъ, какъ не хочется; я очень голоденъ, да лучше я хочу бышь самъ безъ пищи, нежели видѣть башюшку и брашцевъ голодными.

Лѣкарь.

Но шы умрешь, ежели ничего кушашь не сшанешь.

Мишюша.

Знаю, сударь: да я и желаю умерешь: у башюшки однимъ сыномъ будешъ насъ меньше, шакъ и забошы у него убавишся, а я у Бога просишь сшану, чшобъ онъ ему и брашцамъ моимъ ниспослалъ хлѣбъ насущный.

Добросердечной лѣкарь былъ внѣ себя отъ сожалѣнія и радосши, слыша сего великодушнаго ошрока.

Онъ обнялъ его и прижавъ крѣпко къ своей груди сказалъ:

,,Нѣшъ мой другъ, шебѣ умерешь не должно; всеобщій нашъ ошецъ, всемогущій ,,будешъ пещися о шебѣ и о швоихъ.

,,Благодари его, пославшаго меня къ вамъ: ,,я скоро возвращусь.

Сказавъ сіе побѣжалъ домой, ошкуда велѣлъ человѣку несши за собою различной пищи, и поспѣшалъ иншш обрашно къ голодной сей семьѣ.

Посадилъ ихъ всѣхъ съ Мишюшею за столъ и накормилъ до сыта.

Коль пріятно было благодѣтельному лѣкарю на сіе смотрѣть!

Отходя отъ нихъ сказалъ онъ Мишюшѣ, чтобъ онъ не печалился; что онъ будетъ о нихъ имѣть попеченіе.

Въ самомъ дѣлѣ добродушной лѣкарь это сдѣлалъ: онъ присылалъ къ нимъ каждой день столько пищи, что всѣ они могли быть довольны.

Другіе добрые люди услышавъ о томъ тоже дѣлали.

Иной посылалъ къ нимъ пищу, другой деньги, третій платья, такъ что въ короткое время они больше имѣли, нежели имъ было надобно.

Напослѣдокъ самъ Государь провѣдалъ, какое великодушное намѣреніе Мишюша имѣлъ противъ отца своего и братьевъ, и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Онъ велѣлъ старика Данилу къ себѣ позвать и сказалъ ему:

„Ты имѣешь у себя добраго сына.

„Потому думаю я, что ты и самъ доб-
„рой отецъ.

„И для того велѣлъ я тебѣ ежегодно
„давать по сту рублей.

„Дѣти твои, особливо Мишюша, будутъ
„во всѣхъ полезныхъ наукахъ и художе-

,,стахъ наставлены; и когда они что либо ,,доброе выучатъ, то обѣщаюсь я имѣть о ,,нихъ попеченіе.,,

Данила восхищенный радостію пошелъ домой, палъ на колѣни и благодарилъ Бога, давшаго ему толь добронравнаго сына.

СТРАХЪ ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Вонъ облаки идутъ!—Катюшинька! Катюша!
Куда ты дѣлася?—кричалъ бѣднякъ Павлуша,
И робко вкругъ себя, луною освѣщонъ,
Одинъ въ густомъ саду оглядывался онъ.
Малютка ихъ сестрица,
Пребойкая изъ всѣхъ ихъ птица,
Умѣла обольстить его:
,,Не бойся, братецъ, ничего,
Пойдемъ въ садъ къ дядюшкѣ. (Они такъ называли Сосѣда своего, имъ дальнюю родню)
Мы тамъ бы поиграли:
Смотри-какая ночь! не уступаетъ дню:
На чистомъ небѣ нѣтъ ниже малѣйшихъ пятенъ;
Вода какъ зеркало, и воздухъ такъ пріятенъ!
Побѣгали бы мы, повеселились тамъ:
Что дома дѣлать намъ?
Гдѣ взять игрушекъ бѣднякамъ?
А дядюшка богатъ ужасно;
Въ саду его прекрасно;

Спасибо, что гулять не запрещають въ немъ.
Пойдемъ, Павлушинька, пожалуйста пойдемъ!„
Такою ласкою къ нему вшилася въ душу,
Взманила робкаго Павлушу;
Пошелъ гулять онъ съ ней.
Катюша непужлива,
Смѣла, рѣзва, шутлива;
Послѣдуя веселости своей,
Надъ братомъ пошутить вдругъ вздумалося ей:
Межъ тѣмъ, какъ онъ на свѣтъ луны позазѣвался,
Она тихонько скокъ,
Ушла и спряталась въ кустокъ.
Павлуша мой одинъ остался,
Кольнулъ его сердчишко страхъ:
Всѣ вещи у него въ глазахъ
Съ большими кажутся носами;
Къ томужъ луна покрылась облаками,
И у! какъ стало вдругъ темно!
Не льзя не испугаться:
Повсюду тишь, вездѣ черно,
Садъ густъ, листочки шевелятся.
Павлушу ужасъ взялъ, Павлуша мой,
Не знаетъ какъ уйти домой;
То ухо протянувъ онъ слушаетъ, робѣетъ,
То вдругъ сестрѣ кричитъ;
Но та въ кусту сидитъ, молчитъ;
То хочетъ побѣжать—но тамо кустъ чернѣетъ,

На самомъ томъ пути,
Куда ему итти.
Межъ тѣмъ изъ облаковъ луна проглянетъ паки,
Проглянетъ и опять за нихъ уйдетъ:
Тутъ въ страхѣ новые являются призраки,
То флюгеръ на бесѣдкѣ тамъ скрыпнетъ,
То мышь летучая въ глаза пырнетъ,
То вдругъ покажется чего и нѣтъ.
Павлуша мой трясется, воетъ,
Въ немъ сердце ноетъ.
Катюша сжалясь наконецъ,
Выходитъ изъ куста, хахочетъ изъ всей мочи,
И брату говоритъ! хорошъ ты молодецъ!
А тотъ отвѣтствуетъ: ты очень хороша!
Оставила меня средь этой темной ночи;
Тебѣ смѣшно, а у меня дрожитъ душа.
Ахъ, братецъ, ты какой! кто этакъ трруситъ?
Съ дубинкой стоя ты
Пустой пугаешься мечты,
Неужъ-то тѣнь тебя укуситъ?
,,Ахъ, Катинька, голубушка моя!
Вонъ тамъ—ну право я—
Я вижу—ахъ!—,,что видитъ ты такое?—
Не знаю что-то вонъ большое!
Сестрица, душинька, ей ей,
Тамъ что-то шевелится,
Вонъ и рога торчатъ, и съ зади хвостъ тащится!
Уйдемъ отсель скорѣй,, —

И! братецъ, это кустъ малины,
И тѣнь качающихся липъ густыхъ;
Пойдемъ, я покажу тебѣ причины
Твоихъ боязней всѣхъ пустыхъ.
Туда, насильно взявъ его волочитъ,
Сама хахочитъ,
И говоритъ ему: ну видишь ли теперь,
Что твой съ рогами звѣрь,
Котораго ты такъ пугался и страшился,
Не звѣрь, не домовой, не лѣшаго лицо,
Одно простое деревцо?
Павлуша устыдился,
И долженъ былъ ей слово дать,
Въ потемкахъ не бояться,
Но бѣгать съ ней, смѣяться,
Рѣзвиться и играть.
Условились, уговорились,
И только лишь бѣжать пустились,
Какъ нѣчто тамъ въ прудѣ,
Вдругъ хряснуло, упало,
Заохало, забормотало,
И плещется въ водѣ:
Съ деревъ отъ толь стадами
Вороны поднялись, летятъ, шумятъ крилами.
Прошелъ Павлушинъ смѣхъ;
Кто хочетъ, тотъ имѣй отвагу;
Ему не до утѣхъ,
А какъ бы дать скорѣе тягу.
Но Катя говоритъ ему: куда?
Чу! слышишь? нѣчто стонетъ,

Тамъ человѣкъ конечно тонетъ,
Пойдемъ, пойдемъ туда.
„Сестрица, душинька, нѣтъ право, я не смѣю:
Ну есть ли это волкъ, или еще медвѣдь?
Отъ страха одного мы можемъ умереть.„—
Какой ты трусъ! дай палку мнѣ свою, я съ нею
Пойду одна.
Беретъ, и какъ стрѣла летитъ она,
Летитъ и робости не знаетъ:
Самъ Богъ ее сопровождаетъ
И свѣтитъ ей луна.
Не долго безъ нее Павлуша колебался,
Сжалъ сердце и домой, какъ заяцъ, убирался:
Она пришла къ пруду: глаза ея тамъ зрятъ,
Что чьи-то ноги лишь торчатъ,
А голова сокрыта подъ водою.
Какими средствами спасать?
У краишка пруда находитъ мѣсто стать,
Хватается за кустъ рукою,
Цѣпляетъ за сапогъ клюкою,
И надсѣдаяся влечетъ,
Ручьями потъ съ нее течетъ,
Трудится, силится, въ послѣдокъ успѣваетъ,
И на берегъ его щастливо извлекаетъ.
То былъ Николушка, единородный сынъ
Ихъ дяди богача, пригожій какъ павлинъ.
Катюша взявъ его качаетъ,
Цалуетъ, тормашитъ, зоветъ;
Онъ вскорѣ чувства получаетъ,

Глаза вскрываетъ, возстаетъ.
Веселой, радостной ногою,
Соединенно тутъ,
Рука съ рукою,
Къ отцу они идутъ.
Съ восторгомъ сей, обнявъ Катюшу,
Готовъ свою отдать ей душу:
Тобою, говоритъ, я вижу свѣтъ,
Смертельну безъ тебя я чувствовалъ бы муку:
Проси что хочешь ты, тебѣ отказу нѣтъ.
Катюша покраснѣвъ цалуетъ дядю въ руку.
Три раза онъ велитъ
Ей смѣло объявить, чего она желаетъ;
Три раза Катинька глазенки потупляетъ,
И наконецъ едва губами шевелитъ:
„Мой братецъ ужъ великъ день отъ дня становится,
Пора ему учиться.“— —
Изрядно, мы ему учителя наймемъ;
(А тотъ дрожа, какъ листъ отъ грома,
Сидѣлъ на печкѣ съ носомъ дома);
Но ты заботишься о братѣ лишь своемъ,
А дочери моей себѣ не прочишь мѣста.
Тебя, какъ дочь свою, велю я воспитать;
Когда же выростешь и будешь ты невѣста,
Тогда потщусь тебѣ приданое я дать.—
Нѣтъ, батюшка сударь! тутъ вскрикнулъ Николаша,
Когда мы доживемъ до этихъ дней,
Катюша будетъ наша:
Я самъ женюсь на ней.

ЯГНЕНОКЪ.

Ягненокъ былъ рѣзовъ,
Ягненка машь журила
И говорила:
Не будь, мой сынъ, шаковъ;
Когда ни есть во время грозно
Бѣды шебѣ не миновашь;
Тогда шы вспомнищь машь,
Да вспомнишь позно.
Ягненокъ былъ упрямъ,
Не вѣря симъ словамъ,
И шамъ и сямъ,
По камнямъ, по кусшамъ,
Онъ прыгалъ и скакалъ дошолѣ,
Покуда съ горемъ и сшыдомъ,
Бѣдняжка сшавши хромъ
Усѣлся поневолѣ.

О дѣши! помнише, чшо скорби и бѣды
Сушь часшо лишняго веселія плоды.

ВѢРНАЯ СОБАКА.

Послушайше дѣши, даже и звѣри благодарны бываюшъ своимъ благодѣшелямъ, шо кольми паче намъ шаковыми бышь надлежишъ.

Они любятъ своихъ господъ и бываютъ имъ преданы и вѣрны, токмо одинъ родъ болѣе другаго.

Изъ оныхъ собаки паче всѣхъ себя отмѣняютъ: сіе изъ слѣдующей печальной повѣсти увидите:

Нѣкоторому купцу надлежало съѣздить въ одно мѣстечко, для полученія тамъ немалаго числа денегъ, которыми долженъ ему былъ одинъ тамошней купецъ.

Онъ поѣхалъ верьхомъ и вѣрная собака (она прозывалась Стрѣлка) по обыкновенію за нимъ бѣжала.

Получа деньги возвращался онъ съ великимъ удовольствіемъ домой.

Въ пути отвязалась у него киса, въ которой былъ мѣшокъ съ деньгами, и упала на земь.

Купецъ будучи въ глубокихъ мысляхъ того не примѣтилъ, но увидѣла это его собака.

Она попытала сперва, не подниметъ ли зубами кисы, чтобъ нести ее за своимъ господиномъ; однако нашла, что она для нея тяжела.

Для того погналась она опять за нимъ; и стала бросаться на лошадь, такъ громко и неотступно лая, что купецъ не зналъ чему то приписать.

Онъ закричалъ на нее, но безполезно; онъ ударилъ ее плѣтью, но и тѣмъ не унялъ.

Вѣрная Стрѣлка продолжала выть, лаять и бросаться, словно какъ бы насильно хотѣла господина своего стащить долой; и какъ сей отгонялъ ее плѣтью, то напала она на лошадь, и кусаньемъ и лаяньемъ хотѣла ее принудить возвратиться назадъ.

Купецъ испугался и подумалъ, что она взбѣсилась: онъ любилъ Стрѣлку, и жаль было дойти до необходимости ее застрѣлить.

Долго старался онъ подкликать ее къ себѣ и усмирить, но видя, что ни мало въ томъ не успѣваетъ, схватилъ напослѣдокъ пистолетъ и отворотясь отъ нея по ней выстрѣлилъ.

Бѣдная собака упала сперва, потомъ очнувшись съ великимъ страхомъ и визгомъ поползла къ нему.

Сей не могши отъ жалости на нее смотрѣть ударилъ по лошади и ускакалъ.

Отскакавъ нѣсколько не могъ онъ стерпѣть, чтобъ не оглянуться и не посмотрѣть на бѣдную собаку, жива ли она еще. И какъ обернулся назадъ, то и примѣтилъ тотчасъ, что не достаетъ у него его кисы.

Тутъ уже не трудно было ему догадаться для чего Стрѣлка лаяла на него такъ неотступно. Жестокосердой я! вскричалъ онъ, и оборотя лошадь свою поскакалъ назадъ, бо-

лѣе для бѣдной застрѣленной имъ собаки, нежели для потерянныхъ денегъ.

Онъ уже не нашелъ ее на томъ мѣстѣ, на которомъ застрѣлилъ; но по кровавому слѣду ея увидѣлъ, что она уползла далѣе: съ великимъ сожалѣніемъ ѣхалъ онъ по сему слѣду, и наконецъ къ неописанной печали своей нашелъ вѣрную Стрѣлку лажащую при той кисѣ, которую онъ потерялъ, и до которой она съ истощеніемъ послѣднихъ силъ своихъ едва доползти могла.

Онъ скочилъ тотчасъ съ лошади долой, съ тѣмъ намѣреніемъ, что не можетъ ли ей еще помочь.

Но ахъ! . . умирающая собака, въ знакъ любви своей къ нему, только смогла полизать у него руку . . . . и издохла.

БѢЛИНЬКОЙ ГОРНОСТАЙКО.

Изъ стада многихъ горностаевъ,
Одинъ былъ бѣлинькой такой,
Такой пригожей горностайко,
Что всѣхъ превосходилъ другихъ.
Собою очень онъ маленекъ,
Притомъ и нѣженъ былъ весьма;
А кожица на немъ такая,
Какъ мягкой бархатецъ была.
Однажды мать ему сказала:
Послушай дитяшко мое,

Еще ты молодъ, неискусенъ,
Не знаешь въ свѣтѣ никово;
Въ немъ твари есть весьма лихія,
Тебѣ беречься должно ихъ.
Намъ кошка первая злодѣйка,
Злодѣйка также намъ Сова;
Онѣ всегда насъ надзираютъ;
Смотри, не попадися имъ!
Но этотъ бѣлой горностайко,
Щитая умненькимъ себя,
Пожалуйте не опасайтесь,
Съ усмѣшкой матери сказалъ,
Я бѣгать право ужъ умѣю!
Изрядно, дорогой сынокъ.
Но чтоже вскорѣ съ нимъ случилось?
Пошелъ онъ какъ то ввечеру
Безъ матушки своей покушать,
И прыгалъ и рѣзвился тамъ.
А какъ отшолѣ возвращался,
Откуда ни взялась Сова,
И горностайку цапъ когтями,
Схватила, сжала, понесла.
Какое сдѣлалъ я безумство,
Пищалъ бѣдняжичка въ когтяхъ,
Когда бы матушки послушалъ,
Не умиралъ бы я теперь!
Но сколько онъ ни плакалъ горько,
Не могъ слезами пособить;
Сова безъ жалости клевала
И съѣла наконецъ ево.

НАБОЖНЫЯ ДѢТИ.

Аннушка и Андрюша любили горячо своихъ родителей, и отъ нихъ также горячо были любимы.

Съ нѣкотораго времени повадились оба они, какъ скоро позавтракаютъ, бѣгать въ садъ, и не прежде, какъ по пробытіи тамъ нѣсколькихъ минутъ, возвращались назадъ для начинанія своихъ упражненій.

Отецъ и мать ихъ не мало тому удивлялись.

Прежъ сего обое дѣти весьма были прилѣжны, и часто въ половинѣ завтрака уходили, чтобъ тѣмъ скорѣе поспѣть къ трудамъ и ученію.

А теперь, кажется, будто не имѣютъ они большой охоты ни за дѣломъ сидѣть, ни учиться, потому что всегда напередъ въ садъ бѣгаютъ.

Сіе добрыхъ родителей ихъ весьма печалило: ибо, говорили они, ежели дѣти наши полюбятъ праздность, то изъ нихъ ничего добраго не выдетъ.

Отецъ иногда спрашивалъ ихъ: зачѣмъ вы, дѣти, такъ рано всегда уходите? это бы можно было и тогда сдѣлать, когда перестанете учиться.

Однакожъ дѣти молчали и ничего не сказывали, что они въ саду дѣлаютъ.

Напослѣдокъ машь вознамѣрилась ипщи за ними въ слѣдъ, чтобъ узнашь, за чѣмъ они шуда бѣгаюшъ.

На другое ушро увидѣла она, что Аннушка и Андрюша побѣжали въ густую бесѣдку, которая на концѣ сада стояла.

Она пошла за ними.

И какъ она подошедъ тихо къ бесѣдкѣ стала къ сторонѣ, откуда сквозь зеленую чащу могла нѣсколько видѣть во внутренность оной, Боже мой! что почувствовало тогда матернее сердце ея, когда она дѣтей своихъ съ воздѣтыми къ небу руками стоящихъ колѣнопреклонно на землѣ увидѣли!

Она отъ радости не могла опомниться, услыша, что Аннушка повторяла тихонько молитву, которую Андрюша такимъ образомъ говорилъ:

„Господи, господи, дай нашимъ родителямъ долгую жизнь.

„Мы ихъ очень любимъ, и хотимъ, чтобъ они глядя на насъ радовались, когда мы выростемъ велики.

„Ахъ, господи! наставь насъ быть смирными и добропорядочными, чтобъ батюшка и матушка каждой день нами утѣшались.

„Услышь насъ, милостивой боже! а мы охотно станемъ исполнять, что въ твоихъ заповѣдяхъ написано.„

Послѣ сей молитвы оба они вскочили,

поцаловались и побѣжали скоро и съ великимъ удовольствіемъ домой.

Мать ихъ радостными слезами облилася. Она спѣшила придти къ своему супругу, и прижавъ его съ горячностію къ сердцу, расказала ему все, что видѣла и слышала; и тогда оба они такое чувствовали удовольствіе и блаженство, какъ будто бы они были въ раю.

РѢЗВАЯ КОЗА.

Охотница была коза
Великая рѣзвиться,
На мѣстѣ никогда
Козѣ не посидится.
Лишь выбѣжитъ на дворъ,
Скакать и прыгать рада;
Тынъ, яма, ровъ, заборъ,
Ничто ей не преграда.
Рѣзвушку эту мать
Частехонько журила,
Но не могла унять,
Чтобъ дочка не шалила.
Одиножды коза
Дорогу взявши пряму
И выпуча глаза
Прыгнула черезъ яму:
Нещастливой скачокъ!

Бѣдняжка получила
Такой себѣ толчокъ,
Что ногу изломила.
На крикъ ея къ ней мать
Не медля прибѣжала,
И такъ увѣщавать
Ее въ печали стала.
Когда бы мой совѣтъ
Не презрѣнъ былъ тобою,
Дочушечка мой свѣтъ,
Была бы ты съ ногою.
А дочка говоритъ:
Когда бы я то знала,
Какъ ножинька болитъ,
Во вѣки бъ не скакала.
Берегись доколь бѣда
Тебя не постигаетъ,
Раскаянье тогда
Уже не помогаетъ.
Коль разъ узнавъ напасть
Кому случится снова
Идти въ такуюжъ пасть,
Проступка онъ такова,
Вкусивъ того весь вредъ,
Не сдѣлаетъ впередъ.

КЪ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВУШКѢ.

Скачи, Анютушка, играй,
Всегда въ забавахъ упражняйся,
Младыя лѣта провождай,
Рѣзвись, пляши и утѣшайся.
Пусть радости въ груди твоей
И всѣ веселья обитаютъ,
Тебѣ пусть свищетъ соловей,
Тебѣ цвѣтки благоухаютъ.
Гдѣ ступитъ ножка лишь твоя,
Вездѣ тамъ пусть растутъ цвѣточки;
Ты пѣсенки всегда поя
Плети изъ нихъ себѣ вѣночки.
Не вѣчно будешь ты играть;
Съ весною дней твоихъ простися . . . . .
Доколѣ время есть скакать,
Скачи, малютка, веселися!

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ МИТЮША.

Старикъ Благонравъ при захожденіи солнца сидѣлъ подлѣ своей хижины.

Маленькой его сынокъ Митюша выбѣжавъ изъ лѣску остановился вдали, и утирая себѣ глаза взглядывалъ часто на небо.

Отецъ этому удивился.

Кликнулъ его къ себѣ. Митюша услышавъ голосъ своего родителя тотчасъ послушал-

ся и прибѣжалъ къ нему, а Благонравъ съ ласкою посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Что тебѣ сдѣлалось, моя душинька? спросилъ у него старикъ, глядя ему въ глаза, которые отъ слезъ покраснѣли. Не ушибся ли ты?

Мит: Нѣтъ.

Благ: Да о чемъ же ты плакалъ?

Мит: Такъ.

Благ: Не льзя такъ плакать; кто нибудь тебѣ досадилъ.

Мит: Не спрашивайте меня объ этомъ, батюшка.

Благ: Для чегожъ не спрашивать; развѣ у тебя есть что нибудь такое, чего ты отцу сказать не хочешь?

Мит: Нѣтъ, сударь . . . . . да я не отъ досады плакалъ.

Благ: Такъ по этому отъ радости; чтожъ тебя такъ обрадовало?

Мит: Вотъ батюшка, вы меня теперь принуждаете вамъ сказать, а сами анагдась говорили, что естьли удастся сдѣлать какое нибудь добро, то не надобно тѣмъ хвастать.

Благ: Такъ, мой другъ; однакожъ отъ меня тебѣ таиться не хорошо, а должно мнѣ сказывать все, что съ тобою ни случится, дабы я могъ порадоваться,

естьли ты впрямь что нибудь доброе сдѣлалъ.

Мит: Коли вы тово хотите, батюшка, такъ я долженъ васъ послушаться.

Часъ тому назадъ, какъ пошелъ я къ братцу на пасство и понесъ ему ужинать. Идучи сквозь лѣсокъ услышалъ я, что въ кусту нѣкто ворошится: я подошелъ тихонько, чтобъ посмотрѣть, кто тутъ такой.

Анъ это былъ бѣдненькой старичокъ; онъ сидѣлъ на землѣ опершись рукою на беремя дровъ, которое подлѣ него лежало. Лице у него было сухощаво и блѣдно, а глаза отъ слезъ покраснѣли.

Стоя за кустомъ услышалъ я, что онъ печально самъ съ собою разговариваетъ.

,,Боже мой! говорилъ онъ, умилосердись ,,надъ моею скудостiю!—бѣдная жена! бѣд-,,ныя ребятишки! — но я не могу больше, ,,силъ моихъ нѣтъ!,,

Сказавъ сiе сунулся онъ головою на дрова.

Я постоялъ тутъ еще немного, и какъ увидѣлъ, что онъ заснулъ, то подкрался полегоньку и положилъ ему въ головы всю пищу, которую я несъ къ братцу.

Послѣ того побѣжалъ я къ матушкѣ, выпросилъ свою пищу и отнесъ ее къ братцу.

Проходя назадъ мимо тово куста, гдѣ

лежалъ старикъ, разбудилъ я его своимъ шумомъ.

Что я вижу! вскричалъ онъ, увидя передъ собою хлѣбъ, яицы и молоко. Не ангелъ ли божій былъ здѣсь и захотѣлъ спасти меня и ребятишекъ моихъ, отъ смерти!

Но кто бы ты таковъ ни былъ, доброд ѣтельная душа! которой оставилъ мнѣ сію пищу, Богъ благослови, Богъ награди тебя!— Слезы при сихъ словахъ катились у него по лицу.

Ахъ нещастный! продолжалъ онъ, какъ найду я теперь дорогу изъ лѣсу? Богъ пошлетъ ко мнѣ проводника, чтобъ я дѣтей своихъ насытилъ.

Говоря сіе всталъ онъ, поднялъ ношу свою съ великимъ трудомъ, и побрелъ согнувшись и охая домой.

Я забѣжалъ нарочно впередъ и воротился къ нему на встрѣчу.

Здорово, дѣдушка! сказалъ я идучи мимо его; чаю тяжело тебѣ нести такое беремя? дай мнѣ свою корзиночку съ хлѣбомъ и съ яицами и положи на плечо ко мнѣ руку, я тебя поведу.

Старикъ съ радостнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и положа ко мнѣ на плечо руку сказалъ: Богъ послалъ тебя, дитя мое, вывесть меня изъ сего лѣсу, въ которомъ я заблудился.

Я спросилъ у него, куда идти ему надобно, и вывелъ его изъ лѣсу.

Идучи дорогою раскazывалъ онъ мнѣ со слезами, какъ, во время сна его, Богъ нечаянно показалъ надъ нимъ свое милосердіе, и какъ онъ сожалѣетъ, что не вѣдаетъ, кто таковъ былъ его благодѣтель.

Денно и нощно, говорилъ онъ, дѣти мои будутъ за него молить Бога; онъ ихъ отъ голодной смерти избавилъ.

Также и тебя, дитя мое, примолвилъ онъ, станутъ они воспоминать всегда съ благодареніемъ, что ты помогъ мнѣ выдти изъ лѣсу и придти къ нимъ прежде, нежели они померли съ голоду.

Я довелъ его почти до самой хижины.

А теперь представилъ я себѣ радость бѣдныхъ этихъ ребятишекъ; какъ чаю они прыгали, когда увидѣли, что отецъ ихъ возвратился домой и принесъ имъ нѣчто покушать! Размышленіе о семъ привело меня въ такую жалость, что я заплакалъ.—

Я изъ послушанія къ вамъ расказалъ это, батюшка; а то бы отъ меня ни одинъ человѣкъ о томъ не услышалъ.

Тутъ онъ умолкъ, а Благонравъ прижалъ его съ горячностію къ своей груди.

Теперь умру я спокойно, сказалъ онъ, ибо знаю: что оставляю по себѣ сына, которой добродѣтеленъ будетъ и щастливъ.

ДИТЯ РАЗСУЖДАЮЩЕЕ ЗДРАВО.

Мы ребятишки
Любимъ играть;
Наши умишки
Мягки какъ воскъ:
Много надъ нами
Можетъ примѣръ:
Что ни увидимъ
Мы у большихъ,
Тоже за ними
Дѣлать хотимъ,
Лишь соразмѣрно
Силѣ своей.
Вмѣсто сердитыхъ,
Рѣзвыхъ коней,
Мы на дубинкахъ
Ѣздимъ верьхомъ;
Домы огромны
Строимъ изъ картъ;
Малой прудочикъ
Море для насъ;
Сложимъ бумашку,
Вотъ и корабль!
Весело правда
Такъ намъ играть,
Лучше однакожъ
Естьли бы насъ
То веселило,
Польза въ чемъ есть;

Естьлибъ увидя
Книги въ рукахъ,
Мы ребятишки
Сами читать
Маленьки книжки
Стали всегда.
Вишь какъ велики
Выростемъ мы,
Наши дубинки
Въ печь полетятъ,
Домы огромны
Всѣ упадутъ,
Прудъ ужъ не моремъ
Будетъ прудомъ;
Вмѣсто тяжелыхъ,
Грозныхъ судовъ,
Будутъ бумажки
Плавать однѣ:
Такъ все исчезнетъ,
Все пропадетъ;
Лишъ не исчезнетъ,
Не пропадетъ,
Что мы читали
Въ книжкахъ своихъ.

НЕ СКОРО ДА ЗДОРОВО.

Два мальчика побѣжали къ яблоку, которое издалека увидѣли они на землѣ.

Мое оно будетъ, сказалъ Федюша, я прытче тебя бѣгаю; и говоря сіе уже дѣйствительно нѣсколькими шагами опередилъ своего товарища.

Но что сдѣлалось?

Какъ онъ отъ великаго спѣху не смотрѣлъ передъ собою, то спотнувшись на колышекъ, который лежалъ на дорогѣ, упалъ и ушибся больно.

Ктожъ получилъ яблоко?

Не скорой, да осторожной.

ДИТЯ,

добрымъ наказаніемъ исправленное.

Имѣя на спинѣ велику ношу дровъ,
Согбенъ подъ оною бѣдняга Добросердъ,
Дорогой идучи печально размышляетъ:
Севодни изъ лѣсу я поздо возвращаюсь,
Позднѣе нежели во всѣ другіе дни;
Жена моя теперь я думаю въ слезахъ,
И съ нею можетъ быть Петруша вмѣстѣ плачетъ,
Не зная моему медленію причины.
Любезное дитя! онъ весь родился въ мать,

И естьли милость Богъ надъ нимъ свою
продлитъ,
Подобно будетъ ей онъ тихъ и добронравенъ;
Я всю мою лишь въ немъ надежду полагаю.
Теперь они меня я чаю оба ждутъ.
Когда я съ ношею предъ ними появлюсь,
Съ какою радостью и чувствіемъ сердечнымъ
Ласкать они меня мнѣ бросятся на шею!
Такъ мыслитъ Добросердъ и въ свой шалашъ
пришелъ.
Жена его тогда рукой облокотясь
Въ слезахъ и горести сидѣла на постѣлѣ,
Петруша передъ ней тутъ стоя на колѣняхъ,
Вздыхая у нее бралъ руку цаловать,
Которую она стараяся отнять
Казалося ему на то не позволяла.
Не плачьте, Добросердъ пришедши имъ вѣ-
щаетъ,
Вотъ сколько я вамъ дровъ севодня нарубилъ.
Но вы не скажите мнѣ оба ничего?
Петруша, ты меня никакъ не обласкаешь?
За трудъ не получу себѣ я поцалуя?
Не ужъ то наказать за поздной мой приходъ
Хотите вы меня? но я невиноватъ,
Изъ лѣсу выходя вотъ что со мной случилось:
Лишь только я дрова связавши поднимаю,
Пришелъ туда старикъ; бѣдняшка чуть до-
брелъ,
Изъ той деревни вонъ, что внизъ рѣки лежитъ.
Здорово, старичокъ, сказалъ я поклонившись,

Мнѣ кажется ужъ ты гораздо утомился.
Ахъ Боже мой! .... онъ мнѣ симъ вздохомъ
отвѣчалъ,
И больше говорить отъ слабости не могъ.
Безсильному помочь кто въ нуждѣ отречется,
Тотъ въ Богѣ своего помощника лишится.
Я сжался надъ нимъ свое беремя свергъ,
Схватилъ скорѣй топоръ и дровъ ему насѣкъ,
Межъ тѣмъ онъ отдохнувъ немного укрѣпился;
Тогда связавъ я ихъ взвалилъ къ нему на плечи:
О какъ меня старикъ за то благодарилъ,
Въ душѣ своей мой домъ стократъ благословя!
Потомъ идти домой я съ ношей торопился,
Но снѣгъ мнѣ помѣшалъ.... о чемъ же ты
вздыхаешь?
Не ужъ-то я еще передъ тобой неправъ,
Любезная жена?
,,Нещастливой отецъ!
Какова родила тебѣ я злова сына!,,
Петруша золъ? ..... Ахъ нѣтъ онъ такъ
добросердеченъ!
Онъ нѣсколько рѣзовъ, то съ лѣтами пройдетъ;
Какъ выраститъ великъ......
,,Онъ будетъ лютъ какъ звѣрь!,,
Не будетъ онъ таковъ, я за это ручаюсь...
Но ты молчишь, сынокъ, не взглянешь и
робѣешь?
Конечно сдѣлалъ ты худое что нибудь?
,,Худое самое.,,
Въ немъ есть однакожъ стыдъ,

Хоть это хорошо при дѣлѣ нехорошемъ.
Чтожъ сдѣлалъ онъ?

Ябъ лучше умолчала:
Печальнымъ и тебя я сдѣлаю сказавъ.,,
Я знать хочу, скажи.

,,Смотря не йдешь ли ты
Я часто на верьху окошко открывала;
Въ него влетѣла вдругъ пригоженькая птичка,
Озябши бѣдная чуть чуть могла порхать;
Тихонько подошедъ поймала я ее
И въ пазуху къ себѣ согрѣться посадила.
Гляжу, бѣжитъ къ мнѣ Параша со слезами;
Она спошкнулася и палецъ у себя
Упавши занозила. Я бросилася къ ней,
А птичку подержать Петрушѣ поручила.
Межъ тѣмъ какъ я у ней занозу вынимаю
И плачущу ее стараюсь утѣтать,
Петруша съ птичкою укрылся въ уголокъ
И тамъ. . . . . . ,,

Что сдѣлалъ онъ?

,,У бѣдной етой птички
Всѣ перья ощипалъ.,,

Всѣ перья ощипалъ?

,,Да!
Оставилъ у нее лишь крылышки одни.
И выбросилъ ее на стужу изъ окна.
О естьлибъ видѣлъ ты какъ бѣдная порхала,
Какъ мучилась она и какъ она стонала!
Я вспомнить не могу безъ жалости о томъ.
Подумай ты себѣ, какъ выростетъ великъ,

Какую будетъ онъ имѣть злонравну душу!
Вотъ что меня крушитъ. . . . Какъ ты въ его былъ лѣта,
Ты не былъ столько золъ: я часто говорила:
Петруша мой въ отца и жалостливъ и добръ,
Но вотъ онъ сталъ каковъ, о Боже, Боже мой!,,
Любезная жена, не плачь и успокойся,
Господь на небесахъ молитвы добрыхъ внемлетъ;
Когда нашъ сынъ злодѣй, Онъ будетъ милосердъ;
Возьметъ его отъ насъ.. Поди сюда, мой сынъ,
Смотри, какъ ты отца и мать свою печалишь!
Ты плачешь? плачь со мной. . . Подай свою мнѣ руку,
Приложь къ груди моей: ты прежъ сего въ ней жилъ,
Ты въ сердцѣ былъ моемъ и я тебя любилъ;
А нынѣ, нынѣ я. . . . о сынъ неблагодарный,
И отческой любви ни мало недостойный,
Еще тебя люблю, и въ горестной душѣ,
Котору ты крушишь, жалѣю о тебѣ!
Пойдемъ, жена, сберемъ ощипанныя перья,
И здѣсь передъ собой на стѣнкѣ ихъ повѣсимъ:
Когда мы горячо любить его начнемъ.
На перья взглянемъ мы и скажемъ межъ собой:
Жестокія сердца любови недостойны.

Ты чаешь, сынъ! . . . . . Сиди, сиди въ моихъ колѣняхъ. . . . .
Ты чаешь, что морозъ ту птичку къ намъ загналъ?
Нѣтъ, Богъ ее послалъ, чтобъ мы ее спасли,
Онъ тварей всѣхъ щадитъ равно какъ человѣковъ,
А ты былъ такъ жестокъ! . . . ну естьли безъ одежды
На цѣлу ночь тебя поставлю я на снѣгъ?
Ты это заслужилъ, но былъ бы я тогда
Жестокосердъ какъ ты. . . Поди ко мнѣ, поди,
Ты весь дрожишь, не бось; не плачь и успокойся;
Еще любовь моя къ тебѣ не охладѣла,
Поступокъ только твой противенъ мнѣ весьма.
О сынъ, любезный сынъ! я съ матерью твоей
При старости тобой ласкался утѣшаться,
А ты. . . . . ты гонишь насъ во гробъ! . . . .
„Ахъ, ахъ простите!
„Прости мнѣ, папинька! ахъ маминька, прости!
„Не буду ужъ таковъ, не буду я впередъ.
„Все дѣлать доброе, все доброе я стану,
„И право, право ужъ я васъ не опечалю!„
Легко смягчаются родительски сердца:
Петруша былъ прощенъ, Петруша сталъ хорошъ;
Не притворялся онъ родителямъ въ угодность,

Но въ самомъ дѣлѣ сталъ и тихъ и добро-
нравенъ.
Однажды онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ печально
вверьхъ,
Гдѣ перышекъ пучокъ на ниточкѣ висѣлъ:
Мать видя то пошла и лѣсницу сыскала,
,,Взойди, Петрушинька, она ему сказала,
Взойди по лѣсницѣ и перышки сними;
Брось ихъ скорѣй въ огонь, ты скученъ видя
ихъ.
Отецъ твой на сіе конечно согласится:
Нѐ правдаль Добросердъ?,,
Съ охотой позволяю.
,,Брось, душинька, ихъ въ печь; пускай они
горятъ
Проклятыя въ огнѣ!,,
,,Нѣтъ, матушка, нѣтъ, нѣтъ!
,,Пускай они мнѣ то всегда напоминаютъ,
,,И естьли Богъ велитъ мнѣ вырости велику,
,,И буду я когда своихъ имѣть дѣтей,
,,Тогда съ слезами я на перья показавъ,
,,Смотрите, имъ скажу, я нѣкогда былъ
злобенъ,
,,Имѣлъ жестокой нравъ, нежалостливу душу,
,,А что исправился, за то благодарю
,,Я Бога и честныхъ родителей совѣтъ.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ДЕРЗКАЯ МОЛОДАЯ МУХА.

Эта молодая муха съ машерью своей сидѣла неподалеку ошъ горшка, въ кошоромъ была горячая похлебка.

Сшарой мухѣ надлежало ошлучишься, и для шого ошлешая сказала она своей дочкѣ: ,,Сиди на мѣсшѣ, покуда я не возвращусь.

Для чего, машушка? спросила у нее осшринькая дочка.

,,Я опасаюсь, ошвѣчала сшарушка, чшобъ шы не подлешѣла близко къ эшому кипячему колодезю. (Она чрезъ сіе разумѣла горшокъ).

Молодая.

А для чего бы не могла я къ нему близко подлешашь?

Сшарая.

Для шого, чшо шы шуда упасшь и ушонушь можешь.

Молодая.

Для чего упасшь?

Сшарая.

Причины я шебѣ сказашь не могу, но повѣрь моему свѣденію: всякой разъ когда бывало случалось мухѣ лешѣшь черезъ шакой колодезь, изъ кошораго паръ идешъ, видала

я, что она туда упадетъ и никогда уже изъ него не выдетъ.

Старушка думала, что она довольно сказала въ предосторожность своей дочкѣ, и полетѣла.

Но дочка подергивая носикомъ сама съ собою разсуждала:

„Куда право старухи всѣ какія хлопотуньи!

„Не льзя будто мнѣ сей невинной имѣть „забавы, чтобъ перелетѣть черезъ этотъ „парной колодезь!

„Словно какъ бы я была безкрылая, или „бы не довольно имѣла у себя смысла, „чтобъ остерегаться!

„Словомъ, матушка сударыня, что бы „ты ни изволила мнѣ проповѣдывать о „твоемъ свѣдѣніи, однакожъ я для забавы „вкругъ этова колодезя полетаю.

„Посмотримъ, кто меня туда втянетъ!

Сказавъ сіе вострушка моя была такова.

Но едва стала она пролетать поверхъ горшка, какъ исходящій изъ него паръ отнялъ у нея всѣ чувства.

Она упала въ кипятокъ и только лишь сіе сказать успѣла:

„Нещастливы тѣ дѣти, которыя почитаютъ себя разумнѣе старыхъ людей.

ЖЕЛАНІЕ ЧТОБЪ ПРИШЛА ВЕСНА.

Приди, любезный Май, приди,
Одѣнь листочками древа,
Вели на берегу рѣки
Фіялкамъ маленькимъ цвѣсти!

О какъ мнѣ хочется опять
Фіялочку въ поляхъ узрѣть!
О какъ мнѣ хочется теперь
На мягкой травкѣ погулять!

Хоть можно множество забавъ
И въ зимнемъ времени найти:
Снѣжки по вечерамъ катать,
Бросать комочками изъ рукъ,

Класть разны домики изъ картъ.
Кататься въ санкахъ, выѣзжать,
Въ гулючки, въ фанты иногда
И въ жмурки также поиграть;

Однако же когда весной
На вѣтвяхъ птички запоютъ
И станемъ въ полѣ прыгать мы;
Забавы ужъ не тѣ пойдутъ!

Анютина печаль меня
Всего жесточѣе крушитъ;
Какъ хочется бѣдняшкѣ ей
Дождаться полевыхъ цвѣтковъ!

Игрушекъ сколько ни давай
Не льзя ее развеселишь;
Сидишъ на креслицахъ своихъ,
Какъ словно пшичка на гнѣздѣ!

Ахъ, естьлибъ стало вдругъ шепло,
И выросла въ лугахъ трава! —
Приди нашъ Маюшка драгой,
Приди, ребяшокъ насъ ушѣшь.

Приди и принеси съ собой
Фіялочекъ побольше къ намъ,
Побольше шакже соловьевъ
И рябинькихъ кукушечекъ!

МАЛЕНЬКОЙ САДОВНИКЪ.

Николаша часшо слыхалъ ошъ своего башюшки, чшо дѣши не могушъ знашь, чшо для нихъ полезно или вредно, и чшо для шого надлежишъ имъ всегда совѣшывашься съ шѣми, которые ихъ сшарѣе.

Но онъ сего или не разумѣлъ хорошенько или забывалъ.

Дали имъ съ брашомъ его Андрюшею по грядочкѣ, чшобъ каждой изъ нихъ имѣя свой маленькой садикъ, сѣялъ въ немъ и садилъ чшо̀ ему угодно.

Андрюша вспомнивъ шогда слова своего

отца сказалъ садовнику: Яковушка! присовѣтуй мнѣ, что посадить въ мой садикъ.

Яковъ далъ ему кустики, которые никакой въ себѣ пріятности не имѣли и походили на худую траву и на хворостъ. Андрюша по его слову посадилъ ихъ на своей грядочкѣ.

А вамъ, Николай Петровичъ, сказалъ садовникъ, дать ли также что нибудь въ вашъ садикъ?

Не надобна мнѣ такая дрянь, отвѣчалъ Николаша, и усадилъ весь свой садикъ нарванными цвѣтами.

Яковъ далъ ему волю дѣлать что̀ хочетъ.

На другой день увидѣлъ Николаша, что всѣ его цвѣтки завяли, и посадилъ туда другіе, которые онъ снова нарвалъ.

Однакожъ и сіи скоро завяли. Напослѣдокъ наскучило ему сажать всегда свѣжіе цвѣты на мѣсто завялыхъ.

И такъ маленькой садикъ его заросъ весь травою.

Спустя нѣсколько времени увидѣлъ онъ, что у брата его въ садикѣ на кустикахъ нѣчто краснѣется: братецъ, братецъ! закричалъ онъ, что такое это у тебя на кустикахъ?

Тутъ прибѣжали они оба и увидѣли, что это была самая вкусная земляница.

Ахъ! сказалъ Николаша, для чего я не велѣлъ этой травы посадить въ моемъ садикѣ!

Потомъ спустя еще нѣсколько времени увидѣлъ онъ у своего брата въ садикѣ на хворостахъ нѣчто подобное прежнему; а какъ они съ нимъ отвѣдали, то нашли, что это была самая сладкая малина.

Ахъ! сказалъ опять Николаша, для чего я также и хворостовъ этихъ не велѣлъ посадить у себя въ садикѣ!

Ѣшь! сказалъ ему братъ, какъ бы они твои были. Но—примолвилъ Яковъ—не презирайте, сударь, впредь совѣтовъ людей старыхъ и знающихъ.

ОСЕЛЪ И ВЕРБЛЮДЪ.

Оселъ.

Здорово братъ, верблюдъ!

Верблюдъ.

Я братъ тебѣ? прямой ты шутъ!

Оселъ.

А для чегожъ тебѣ я братомъ быть не смѣю:
Я спину какъ и ты навьюченну имѣю.

Верблюдъ.

Пусть такъ; но можешъ ли твоя спина
Быть равнымъ бременемъ съ моей отягчена?

Оселъ.

Я съ ношею твоей шутя пойду чрезъ гору!

Верблюдъ.

Безумецъ! но она и мнѣ лишь только въ пору.

Оселъ.

Пожалуй перестань пустое лепетать;
Подай ее сюда, я съ ней могу плясать.

Верблюдъ.

Изрядно, господинъ оселъ, возмите.
Вотъ вамъ она!

Оселъ.

Ой, ой! пропалъ я! помогите!

Верблюдъ.

Кто за достоинствомъ гоняется большихъ,
Тотъ чувствуй, какова при томъ и тягость
их.

КАРТОШНЫЕ ДОМИКИ.

Поди братецъ сказалъ Петрушѣ бѣлокурой Ѳединька, поди помоги мнѣ мой домъ построить, а тамъ я тебѣ твой построить помогу.

Что мнѣ нужды до твоего дому, отвѣчалъ Петруша; я строю свой, а ты съ своимъ какъ хочешь дѣлайся.

Ѳединька строилъ. Но какъ они оба за однимъ столомъ сидѣли, и часто его толкали, то всегда домики ихъ рушались.

Не толкай столъ! говорилъ съ досадою Петруша.

Да какъ же мнѣ быть? отвѣчалъ Ѳединька: вишь я тебѣ сказывалъ, складемъ сперва одинъ домикъ; вольно тебѣ было этова не хотѣть.

Въ спорѣ они нѣсколько разгорячилися; всякой желалъ свою работу скорѣе окончить, и столъ шатался еще больше.

Вдругъ Петрушинъ почти уже готовой домикъ обрушился и упалъ.

Онъ хотѣлъ ево подхватить, и толкнулъ нечаянно столъ, отъ чего и Ѳединькинъ домикъ также повалился.

Сестрицы ихъ сидя въ углу хохотали. Онѣ всѣ четверо принялись за работу на похвалу, кто изъ нихъ по признанію матушкину поставитъ лучшей домикъ. Не простячки ли вы, кричали онѣ имъ; сами вы похвалу свою упустили.

Вонъ идетъ матушка: у насъ уже все сдѣлано, для того, что мы другъ другу помогали; а у васъ еще ничего нѣтъ, потому что вы между собою были несогласны.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Въ восторгѣ радостномъ вскричала
Елена дочерямъ своимъ:
Подите, дѣти, посмотрите,
Какое утро Богъ намъ далъ!
Какъ солнечны лучи прекрасны!
Помолимся Творцу небесъ.
Тогда съ весельемъ прибѣжали
Четыре маленькія къ ней
Ея всѣ дочки сиротинки,
Которыя лишась отца,
Безъ помощи и безъ покрова,
Въ великой жили нищетѣ:
Такую участь добродѣтель
Имѣетъ часто на землѣ.
Сія любезная семейка
Кругомъ обстала мать свою,
Она молитву имъ читаетъ,
Онѣ безмолвіе храня
Словамъ благочестивымъ внемлютъ,
И купно съ нею изъ очей
Ліютъ богопріятны слезы.
Молитва кончилась. Ихъ мать
Объемлетъ кажду сердолюбно
И говоритъ намъ Богъ отецъ:
Вы помня то смиренны будьте,—
Приближился полудня часъ,
Голодны дѣтки закричали:
Любезна маминька, пора,

Дай намъ чево нибудь покушать!
Печально возстаетъ она,
Идетъ задумчиво къ поставцу
И ищетъ пищи для дѣтей. . . .
О Боже! пусто все! ни хлѣба,
Ни чорствой даже корки нѣтъ!
Смущенна, горестна, безмолвна,
Недвижимо стоитъ она
И взоры обратить не смѣетъ;
А сердце, сердце страждетъ въ ней
И томна грудь ея трепещетъ!
Приходитъ старшая тутъ дочь,
И слезы матерни ліются
На бѣдное сіе дитя!

,,О чемъ, ахъ маминька, ты плачешь?
,,Знать пищи нѣтъ у насъ. Не плачь!
,,Сама читала ты недавно,
,,Что Богъ спаситель нашъ сказалъ:
,,Тебя въ бѣдахъ я не оставлю;
,,Отецъ небесный нашъ сказалъ!
,,Тебя я въ скорби не покину.

Съ горячностью объемлетъ мать
Сію любезную сиротку:
Такъ, жизнь моя, конечно такъ,
Господь терпѣнье испытуетъ,
Онъ сирыхъ не оставитъ насъ.
Сказала такъ, и такъ то было.
О естьлибъ не былъ въ мірѣ Богъ.

Коль страшно былобъ человѣку
На свѣтѣ человѣкомъ быть!

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ НАТАШИ, МАТЕРИ ЕЯ И СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦЫ НАТАШИНОЙ.

МАТЬ.

Куда ты деньги свои дѣвала?

НАТАША.

Я ихъ отдала, матушка.

МАТЬ.

Кому?

НАТАША.

Одному мальчику.

МАТЬ.

Развѣ онъ тебѣ какую услугу показалъ, или ты сжалилась надъ бѣднымъ его состояніемъ?

НАТАША.

Нѣтъ, сударыня.

МАТЬ.

Такъ по этому наградила его за какое нибудь доброе дѣло?

НАТАША.

Напротивъ, матушка; я для того отдала ему ихъ, чтобъ онъ впредь худова не дѣлалъ. Вить всѣ птички принадлежатъ Богу?

МАТЬ.

Конечно, равно какъ и всѣ прочія твари, Имъ созданныя.

НАТАША.

Ну, такъ этотъ мальчикъ унесъ у Бога птичку и мнѣ ее продать хотѣлъ. Бѣдная эта птичка билась у него въ рукахъ и кричала, а онъ зажималъ ей носокъ, видно опасаясь, чтобъ Богъ не услышалъ и на него за то не разгнѣвался.

МАТЬ.

Что же ты сдѣлала?

НАТАША.

Я отдала этому мальчику всѣ свои деньги, а птичку пустила на волю. То-то чаю она теперь радуется! (*Прыгаетъ сама отъ радости*).

МАТЬ.

Такъ душа моя; и тебѣ одолжена она за свою свободу.

НАТАША.

Можетъ быть мальчикъ этотъ принужденъ былъ отъ недостатка это сдѣлать.

МАТЬ.

Можетъ быть.

НАТАША (*сопровождательницѣ своей*).

Такъ я и хорошо сдѣлала, что всѣ деньги ему отдала.

СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦА (*матери*).

Мы между собою споримъ. Наташа безъ счету всѣ свои деньги отдала мальчику, не спросивъ что онъ за птичку хочетъ, а я говорю, что ей сего дѣлать не надлежало.

НАТАША.

Кто изъ насъ правъ матушка?

МАТЬ.

Ты не совсѣмъ права, душа моя; ну естьлибъ послѣ того попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же птичкою, а у тебя бы денегъ уже больше не было?

НАТАША.

Тогда бы я къ вамъ пришла, матушка.

МАТЬ.

А естьлибъ у меня не было?

НАТАША.

Ну—тогда—

МАТЬ.

Надобно и для того иногда беречь, чтобъ

больше можно было сдѣлать добра. Впрочемъ вотъ тебѣ твои деньги назадъ.

НАТАША.

Благодарствую, матушка.

МАТЬ.

И вотъ тебѣ еще поцалуй за то, что ты такъ жалостлива.

АННУШКА И ПЕТРУША.

Петруша съ Аннушкой осталися одни:
Родители пошли къ обѣдни помолиться.
Межъ тѣмъ какъ дружески бесѣдуютъ они,
Вдругъ стало на дворѣ темненько становиться
И туча поднялась Послушай какъ гремитъ!
Петруша Аннушкѣ со страхомъ говоритъ.
Чего боишься ты, Анюта отвѣчаетъ,
Вить громъ по Божьему велѣнію бываетъ.
Межъ тѣмъ вдругъ молніи простерся быстрый блескъ,
За онымъ слѣдовалъ громовый страшный трескъ:
Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ съ боязнью:
Конечно гнѣвенъ Богъ и угрожаетъ казнью! (*)

(*) Въ прежнихъ изданіяхъ сіи два стиха сказаны были слѣдующимъ образомъ:

,,Богъ гнѣвенъ? Богъ? и неба и земли творецъ?
Какой робенокъ ты! онъ нашъ прямой отецъ.
Мнѣ это сказывалъ сегодня мой родитель;
Неправды вить не скажетъ онъ, ты знаешь
самъ.
,,Конечно такъ; но мнѣ мой сказывалъ
учитель,
Что естьли по его не йдемъ заповѣдямъ,
То онъ, хоть какъ ни милосердъ, но гнѣвъ
покажетъ,
И всякаго за преступленіе накажетъ.
,Пусть такъ; не сдѣлавши худова ничего
Конечно ужъ не я прогнѣвала его,
Севодня матушка меня разцаловала,
За то что заповѣдь я эту твердо знала:
Чти матерь ты свою и своего отца,
Да будешь благодать имѣти отъ Творца.—
Лишь только Аннушка сіе проговорила,
Петруша плакать сталъ.—Что сдѣлалось
съ тобой?

Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ *сквозь слезы:*
Конечно гнѣвенъ богъ и *дѣлаетъ угрозы.*
Сочинитель написалъ ихъ въ молодости, увлеченный худыми примѣрами. Чрезъ упражненіе и опыты почувствовалъ онъ потомъ, что таковыя рифмы (*слезы и угрозы*) не совмѣстны съ чистотою языка, въ которомъ есть слова: *слезы*, *слеза*, *слезливъ*, но не *сліозы*, *сліоза*, *сліозливъ*. Заражать симъ простонароднымъ выговоромъ книги весьма нехорошо. (См. разсужденіе о семъ въ *разговорахъ о словесности*). — Къ сему признанію сочинитель тѣмъ больше почитаетъ себя обязаннымъ, что книгу его читаютъ дѣти, которыя отъ худаго примѣра легко могутъ получить худой навыкъ.

Скажи мнѣ: съ ласкою Анютушка спросила.
Конечно я тебя прогнѣвалъ, Боже мой!
Сегодня по утру я бранными словами,
Ахъ! дядьку огорчилъ: сказалъ онъ со слезами.
Тогда и Аннушка ну вмѣстѣ съ нимъ рыдать.
А молнія межъ тѣмъ сверкнула вдругъ опять,
И громъ ударилъ такъ, что стѣны задрожали
Петруша съ Аннушкой на землю оба пали.
И Богу молятся. Анюта говоритъ:
Молись, Петрушинька, Богъ милостивъ, простит,
Лишь только передъ нимъ ты искренно признайся,
И дѣлать то впередъ уже остерегайся.
Усердная сія молитва обоихъ
Взошла на небеса и Богъ услышалъ ихъ.

РОЗОВОЙ КУСТЪ.

Кто подаритъ мнѣ деревцо въ мой садикъ? говорилъ Миша братцамъ своимъ и сестрицамъ.

Отецъ каждому изъ нихъ далъ по грядочкѣ, чтобъ они садили на ней что хотѣли.

Я не дамъ! я не дамъ! закричали изъ нихъ двое. Я, я тебѣ дамъ, сказала добросердечная Лизанька: какое тебѣ надобно?

Розовой кустъ, отвѣтствовалъ онъ: ты видишь, что мой уже совсѣмъ засохъ.

Хорошо, сказала Лизанька, и взявъ лопатку стала его выкапывать.

Какъ? вскричалъ Миша, у тебя ихъ только два и есть, да и то одинъ маленькой! по крайней мѣрѣ дай мнѣ вонъ этотъ, которой поменьше.

Нѣтъ, нѣтъ, сказала Лизанька; тотъ также завянетъ; а мнѣ все равно, я и у тебя въ садикѣ могу его видѣть, какъ онъ разцвѣтать станетъ.

Миша взялъ кустикъ и былъ очень радъ.

Тогда шелъ мимо ихъ садовникъ и несъ Гишпанскую сирену.

Посадить ли тебѣ ее на мѣсто твоего розоваго кустика? спросилъ онъ у Лизаньки.

,,Естьли она вамъ не надобно,,,

,,Нѣтъ, сказалъ садовникъ, я хотѣлъ ее бросить, для того что садъ и такъ отъ множества деревьевъ загустѣлъ. Выговоривъ сіе посадилъ сирену.

Пришелъ Май: Мишинъ кусточикъ принесъ множество прекрасныхъ розъ.

Лиза получала отъ нихъ себѣ каждое утро по свѣжему цвѣтку на голову и на грудь.

А сирена распустясь такую отъ себя дала тѣнь, что Лизанька въ сильнѣйшій полуденной зной могла подъ нею укрываться— и даже самъ родитель ея приходилъ часто

подъ сіе дерево и въ прохладной онаго тѣни расказывалъ имъ нравоучительныя повѣсти.

КАКЪ НУЖНО БЫТЬ ПОСЛУШНЫМЪ.

Иванушка и братъ его Петруша просили въ одинъ вечеръ у отца своего позволенія идти поиграть въ саду.

Подите, сказалъ имъ отецъ, только никуда оттуда не уходите.

Они пошли и играли нѣсколько времени съ великимъ удовольствіемъ.

Напослѣдокъ Иванушка увидя, что калитка позади сада отворена, сталъ брата своего звать туда,

А батюшка приказывалъ, чтобъ мы ни куда не уходили, сказалъ ему братъ.

О! говорилъ Иванушка, онъ приказывалъ только въ большія ворота на улицу не бѣгать; а сюда идти прогуляться въ кустахъ можно и ничего намъ не сдѣлается

Пойдемъ, братецъ, посмотри какъ здѣсь хорошо! говоря сіе вышелъ онъ за калитку и братъ за нимъ.

Долго бѣгали они взадъ и впередъ по кустамъ, покуда не примѣтили, что уже темно стало.

Тогда хотѣли они воротиться назадъ,

но не знали дороги найти: тут начали они жестоко плакать и кричать.

По щастью отецъ ихъ, услышалъ крикъ, прибѣжалъ и ихъ сыскалъ.

Видите, сказалъ онъ имъ, каково бываетъ съ тѣми, которые совѣтовъ разумныхъ людей не слушаютъ.

Я зналъ, что естьли вы изъ саду выдите, то назадъ не сыщете дороги, и для того не велѣлъ вамъ изъ него выходить.

Теперь ужъ я не пущу вась въ садъ играть, опасаясь, что вы и въ другой разъ тожъ сдѣлаете.

ДѢТСКІЯ ЗАБАВЫ.

У насъ всѣ утѣхи
У малыхъ дѣтей,
Игрушки и смѣхи,
И много затѣй;
Мы бродимъ и ходимъ
Въ лѣсу по кустамъ,
Шалимъ, колобродимъ,
И рѣзвимся тамъ.

Кто сидя кропочетъ
На мѣстѣ одномъ,
Тотъ развѣ быть хочетъ
Сѣдымъ старикомъ?

Какъ весело въ полѣ,
Гдѣ птички поютъ,
Летаютъ по волѣ,
Пшеничку клююшъ.

Теперь насъ ребяшокъ,
Когда сощитать,
Здѣсь будетъ десяткокъ,
Намъ любо играть.
Покуда маленьки
Поскачемъ дружки,
Какъ будемъ стареньки
Повѣсимъ носки.

Эй братцы смотрите,
Вотъ бабочка спитъ,
Тихонько ловите,
Она улетитъ;
Вотъ это вертится
Дружокъ ея знать
Онъ станетъ крушиться,
Пустите опять.

Какъ громко въ долинѣ
Поетъ соловей!
Ахъ вонъ на вершинѣ
Сидитъ онъ ей ей!
Тихонько бѣгите,
Чтобъ онъ не слетѣлъ,
И пѣсни хвалите,
Чтобъ долѣе пѣлъ.

Спустись къ намъ пониже,
Любезной дружокъ,
Дай видѣть поближе
Себя на часокъ.
О какъ ты любезенъ,
Сударчикъ ты мой!
Пожалуйста пѣсенъ
Побольше намъ спой!

Куда онъ дѣвался
Куда вдругъ пропалъ?
Знать онъ испугался:
Зачѣмъ ты свисталъ?
Ахъ вонъ онъ мелькаетъ,
Не хочетъ ужъ къ намъ. . . .
Пускай инъ летаетъ,
Не тронь ево тамъ.

Какіе цвѣточки
Здѣсь миленьки есть,
Мы станемъ вѣночки
Изъ нихъ себѣ плѣсть.
Кто сыщетъ фіялку,
Тотъ будь Генералъ,
Дадимъ ему палку. . . .
Ахъ вотъ я сыскалъ!

Ужъ солнце садится,
Насъ гонитъ домой;
Ахъ дай порѣзвиться,
О солнце, постой!

Пришло разставаться,
Пора ужъ и спать;
Чуръ завтра сбираться
Опять здѣсь играть.

ПЛАЧЕВНАЯ СУДЬБА ДВУХЪ МАЛЬЧИКОВЪ.

Во Франціи въ Парижѣ живетъ купецъ, который предъ недавнымъ временемъ имѣлъ у себя двухъ сыновей.

Оба они родителями своими чрезмѣрно были любимы?

Отцу ихъ, по своимъ дѣламъ, надобно было часто и далеко иногда ѣздить верхомъ.

Для того важивалъ онъ всегда съ собою пару заряженыхъ пистолетъ.

Возвращаясь домой обыкновенно выстрѣливалъ онъ ихъ, или дома разряживалъ, дабы оными не сдѣлалъ кто самому себѣ или кому другому вреда.

Сверьхъ сего дѣтямъ своимъ запретилъ онъ накрѣпко, чтобъ никто изъ нихъ ни пистолетовъ, ни другова какова огнестрѣльнаго оружія отнюдь въ руки не бралъ, потому что дѣти не умѣютъ съ ними обходиться бережно, и легко могутъ самихъ себя или кого другаго застрѣлить.

А главное правило предписалъ онъ имъ, чтобъ они и велики вырасши подобными оружіями никогда не шутили; ибо изъ того уже часто выходили нещастія.

Въ одно время купецъ сей возвратился изъ своего путешествія домой, и какъ надобно ему было вскорѣ опять ѣхать, то онъ на этотъ разъ пистолетовъ своихъ не выстрѣлилъ и положилъ ихъ въ горницѣ.

Онъ ни малаго не имѣлъ подозрѣнія, чтобъ дѣти стали ихъ трогать, понеже онъ имъ то накрѣпко запретилъ.

Но что сдѣлалось? на другой день по утру, какъ отецъ ихъ вышелъ, Николаша съ Фединькой (такъ назывались оба сыновья.) вошедъ въ эту горницу стали рѣзвиться.

Пистолеты лежали на столѣ.

,,Станемъ солдатами играть, сказалъ ,,Николаша меньшому своему брату, взявъ ,,одинъ пистолетъ себѣ, а другой подавая ему.

,,Эй братецъ! отвѣчалъ Фединька, развѣ ,,ты забылъ, что намъ запрещено брать въ ,,руки пистолеты.

,,Это правда, сказалъ Николаша, но вишь ,,мы знаемъ, что они не заряжены; батюшка ,,недавно говорилъ, что онъ ихъ всегда вы- ,,стрѣливаетъ, когда возвращается домой.

,,А испортить мы ихъ также не можемъ. ,,Посмотри какъ уже я хорошо умѣю взво-

,,дишь курокъ.,,—И взвелъ курки у обоихъ ,,пистолетъ.

,,Батюшка чаю съ тѣмъ говорилъ, чтобъ ,,мы заряженныхъ пистолетъ не трогали.—

,,Ну! стань ты тамъ и слушай, какъ я ,,буду повелѣвать; когда я закричу: пали! ,,то ты за это желѣзцо потяни къ себѣ.,,

Такимъ образомъ стали они другъ противъ друга и Николаша повелѣвалъ:

,,Слушай!——къ заряду!——прикладывайся ! пали !,,

Съ симъ словомъ оба вдругъ спустили курки, и оба въ крови своей залившись упали.

На сей сугубой выстрѣлъ прибѣжала къ нимъ смущенная мать; и какое, о Боже, представилось ей зрѣлище !

Безчувственна упала она подлѣ своихъ дѣтей, которые въ то время уже послѣднее дыханіе испускали.

А когда отъ прибѣжавшихъ служителей она приведена была паки въ память, тогда дѣти ея были уже мертвы.

Послѣдовавшій за симъ ужасной вопль материнъ, и безмолвное оцѣпѣненіе прискорбнаго отца, познавшаго, возвратясь домой всю повѣсть изъ единаго на окровавленныхъ сыновъ своихъ воззрѣнія, не можетъ описать никакое перо.

НАСТЮША И НИКОЛАША.

Ник: Скажи, Настинька, такъ ли тебѣ скучно какъ мнѣ. . . . я чуть не плачу.

Нас: О чемъ?

Ник: Видишь мы сколько батюшка и матушка пожаловали намъ опять подарковъ, а мы такъ малы и слабы, что не можемъ имъ за то отплатить.

Нас: Ежели мы всегда будемъ вести себя порядочно, такъ они и довольны будутъ.

Ник: То то меня и печалитъ, что мы еще не такъ тихи и хороши, какъ бы они того хотѣли.

Нас: Богъ намъ поможетъ сдѣлаться лучшими.

Ник: Пойдемъ же помолимся ему и попросимъ, чтобъ онъ ниспослалъ намъ свою святую помощь.

(Становятся на колѣна)

Нас: Боже милостивой! мы бы весьма хотѣли добрымъ своимъ поведеніемъ утѣшать нашихъ родителей.

Ник: Господи! однакожъ мы иногда дѣлаемъ худо.

Нас: Мы объ этомъ тужимъ.

Ник: Весьма тужимъ.

Нас: Для того просимъ тебя, Бога нашего; ты все можешь, всѣмъ помогаешь, помоги намъ вести себя порядочно и не дѣлать худова.

Ник: Помоги намъ, Боже; ты всесиленъ!
Нак: Помоги Господи!
Ник: Помоги намъ. Аминь.

БАБОЧКА.

Нѣгдѣ малая пичуга
Пестра бабочка жила
Середи зелена луга,
И прекрасная была.

У ней крылья голубыя
Въ красныхъ искрахъ всѣ блестятъ
На нихъ краишки златыя
Будто въ яхонтахъ горятъ.

Всякой часъ она летаетъ
Со цвѣточка на цвѣтокъ,
То гвоздику посѣщаетъ,
То ясминовой кустокъ.

Шепчетъ въ уши всѣмъ летая:
Какъ уборъ прелестенъ мой!
Естьли птичка здѣсь такая,
Чтобъ сравнилася со мной?

Хвастовства сего во время
Вдругъ на встрѣчу ей пчела,
Сладкое имѣя бремя
Въ улій медъ она несла.

Бабочка кричитъ гордяся:
Прочь замаранная дрянь!
Пчелка ей на то смѣяся
Въ домъ мой, говоритъ, заглянь,

Естьли знать меня желаешь,
И суди о мнѣ потомъ. . . .
Ты красою щеголяешь;
Я искуствомъ и трудомъ.

ОПАМЯТОВАНІЕ.

Я не хочу безъ тебя идти въ садъ, сказала Параша своему братцу, и для чего не хочешь ты мнѣ сдѣлать удовольствія, когда я тебя о томъ прошу?

Для того, что мнѣ не хочется, отвѣчалъ Николаша, и сѣлъ облокотясь въ креслы.

Параша пошла въ уголокъ и стала плакать.

О чемъ ты плачешь? спросила у нее вошедши мать. Не досадилаль ты ч ъ нибудь брату, нѣчто онъ сидитъ не весел.?

„Да какъ же матушка сударыня, онъ не „хотѣлъ идти со мною въ садъ!„

Правда ли это, Николаша? спросила мать; да не сдѣлалаль она тебѣ чего?

Нѣтъ, сударыня, я передъ нею виноватъ, отвѣчалъ Николаша, и взявъ Парашу

за руку, сказалъ: пойдемъ сестрица, я съ тобой пойду.

Параша отерла тотчасъ слезы и спросила у него съ ласкою: да хочетсяль тебѣ?

~~~~~~~~~~~~

ПЕТРУША,

который спать не могъ.

Въ маленькой своей постелькѣ малютка, Петруша лежа плакалъ, сперва тихонько, а потомъ громче, такъ что отецъ его и мать, спавшіе подлѣ него, то услышали.

„Что тебѣ сдѣлалось, Петрушинька, спросилъ отецъ; мнѣ кажется ты плачешь?

Петр: Ахъ батюшка!

От: Что такое душа моя, скажи намъ.

Петр: Ахъ я боюсь, чтобъ вы эту ночь не умерли!

От: Не дай Богъ — да что тебѣ это вздумалось?

Петр: Ахъ! развѣ вы не знаете —

От: Что такое?

Петр: Ахъ! что я севодня—

От: Ну!

Петр: Былъ непорядоченъ.

От: Такъ чтожъ?

Петр: Вы мнѣ давичь сказали, что я васъ огорчилъ. Я теперь объ этомъ вспомнилъ, и мнѣ подумалось: ну ежели батюшка
~~~~~~~~~~~~

въ эшу ночь умрешъ, а я его шакъ огорчилъ; и ежели ужъ не удасшся мнѣ хорошимъ поведеніемъ опяшъ его ушѣшишь—Ахъ, башюшка сударь, не умрише!

Оm: Развѣ бы шебѣ жаль было, есшьлибъ я шеперь къ общему нашему опщу взяшъ былъ на небо?

Вмѣсшо ошвѣша полились у дишяши горячія по лицу слезы.

Тогда преисполненный жалосшію ошецъ, поднявъ его съ маленькой посшельки и обласкавъ съ горячносшію, положилъ подлѣ себя и его машери, а пошомъ оба они поцалуями своими осушили лице его омоченное слезами.

РАЗМЫШЛЕНІЕ,

во время зимней сшужи.

Среди зимы жесшокой сей,
Мнѣ любо, въ шеплый мѣхъ одѣшу,
Подъ кровлей въ горницѣ моей,
Бышь сышу, веселу, согрѣшу,
И день препроводя въ игрѣ
На мягкомъ сладко спашь одрѣ.

Но горе бѣдному, кошорый,
Насущной пищи бывъ лишенъ,
Одинъ на голой лавкѣ хворый

Валяется отягощенъ,
На стужѣ, въ нуждѣ, безъ одежды,
Безъ помощи, и безъ надежды!

Духъ братолюбія! воспрянь,
Спѣши, возчувствуй чужду муку;
И щедрую отверзя длань,
Дай помощи ему ты руку:
Кто медлитъ брату пособить,
Тотъ не достоинъ щастливъ быть.

ЩАСТЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Пожалуйте, бояре, вы не байте
Съ насмѣшкою о мужикахъ такой,
И что по больше васъ, вы это знайте,
Живемъ довольны сами мы собой.

Въ трудахъ безъ всякихъ прихотей жизнь наша,
Безъ зависти и безъ хлопотъ течетъ;
Ломть хлѣба чорнова, да щи, да каша,
Какъ есть у насъ, тамъ намъ и горя нѣтъ.

Намъ ваши всяки лакомства несладки,
Отъ жиру нашъ животъ не заболитъ;
До вашихъ слизкихъ устрицъ мы непадки,
Мужикъ безъ кислаго лимона сытъ.

Перинъ мы мягкихъ съ скукой и заботой
Слезами ночью, право, не кропимъ;
Но утомленные дневной работой
Въ избѣ своей раскинувшись храпимъ.

Хоть хлѣбъ свой въ потѣ мы лица снѣдаемъ,
Но по трудахъ пріятенъ намъ покой;
Забавны пѣсни громко воспѣваемъ,
Какъ съ поля веселясь идемъ домой.

УДАЛИСЯ ОТЪ ЗЛА И СОТВОРИ БЛАГО, ХОТЯ БЫ ТО БЫЛО ВТАЙНѢ.

Старикъ Честнодумъ съ младшимъ сыномъ своимъ Тимошею пошелъ далеко въ поле гулять. Тогда былъ прекрасный осенній день, но еще нѣсколько жарокъ.

Батюшка, сказалъ Тимоша, идучи мимо одного сада, которой стоялъ середи поля, мнѣ очень пить хочется!

И мнѣ также, душа моя, отвѣчалъ отецъ, да надобно потерпѣть покудова придемъ домой.

Тимоша.

Вонъ стоитъ груша и на ней висятъ множество грушъ.

Честнодумъ.

Вижу, да она въ саду.

Т и м о ш а.

Тынъ не высокъ, можно перелѣзть.

Ч е с т н о д у м ъ.

А что бы намъ сказалъ тотъ, чей это садъ, естьли бы онъ здѣсь былъ?

Т и м о ш а.

О! его здѣсь нѣту; да и никово нѣтъ, кто бы ему пересказать могъ.

Ч е с т н о д у м ъ.

Ты ошибаешься мой другъ; есть нѣкто, который точно это увидитъ и долженъ будетъ наказать насъ за худыя наши дѣла.

Т и м о ш а.

И! да кто это такой?

Ч е с т н о д у м ъ.

Тотъ, которой вездѣ присутственъ, всегда насъ видитъ, всегда знаетъ, что мы дѣлаемъ — Богъ!

Т и м о ш а.

Ахъ! да! я объ этомъ не подумалъ.

Въ самое сіе время всталъ человѣкъ, которой до того лежалъ за тыномъ въ травѣ. Это былъ самъ хозяинъ сада, и онъ сказалъ Тимошѣ:

,,Благодари Бога, дитя, что благоче-

стивой отецъ твой не допустилъ тебя идти въ чужой садъ за овощами.

Знай, что у меня подъ этою грушею поставленъ для воровъ клепецъ, въ которой бы ты конечно попался и цѣлой вѣкъ свой былъ безъ ноги.

Но что напоминаніе отца твоего о невидимомъ Богѣ тебя устрашило, и что отсталъ ты отъ несправедливаго своего желанія, за то пойду и принесу я тебѣ лучшихъ плодовъ съ дерева.,,

Сказавъ сіе пошелъ онъ, потрясъ дерево, и принесъ Тимошѣ цѣлую шляпу хорошихъ грушъ.

Честнодумъ хотѣлъ ему заплатить за нихъ деньги, но онъ не бралъ.

Для чего? спросилъ Честнодумъ.

Для того, отвѣчалъ хозяинъ сада, что томужъ самому Богу, которому не угодно, чтобъ мы дѣлали злое, благоугодно, чтобъ мы дѣлали доброе и помогали ближнему своему всѣмъ, чѣмъ только можемъ.

Честнодумъ пожалъ у него дружески руку, поблагодарилъ его, и пошелъ съ Тимошею далѣе.

Тимоша.

Какой это доброй человѣкъ?

Честнодумъ.

Доброй конечно, да и всѣ тѣ таковы,

которые съ примѣчаніемъ смотря на все-дневныя свои приключенія изъ оныхъ научаются знать, что правосудный Богъ не оставляетъ ничего добраго безъ награжденія и ничего худаго безъ наказанія.

Тимоша.

Не ужъ то бы Богъ наказалъ насъ, естьли бы мы стали рвать груши?

Честнодумъ.

Развѣ ты не слыхалъ, чтобы съ нами случилось.

Тимоша.

Да вить не Богъ поставилъ туда клепецъ.

Честнодумъ.

Не онъ самъ, да безъ его воли и вѣдѣнія ничто не можетъ сдѣлаться.

Господь управляетъ всѣми дѣлами на свѣтѣ, и онъ такъ устрояетъ ихъ, чтобъ они доброму человѣку служили къ награжденію, а худому къ наказанію. Послушай, я раскажу тебѣ одну быль, которая случилась на моей памяти.

Я былъ такъ малъ еще, какъ ты, и жилъ въ домѣ у своего отца, а твоего дѣдушки. Подлѣ насъ жили два сосѣда, одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону; одинъ прозывался Кузнецовъ, а другой Мѣльниковъ.

У Кузнецова былъ сынъ по имени Трофимъ, а у Мѣльникова шакже сынъ по имени Сидоръ.

Позади нашего дому и домовъ нашихъ сосѣдей находились небольшіе садики, которые одинъ отъ другаго отдѣлены были изгородою.

Кузнецова сынъ Трофимъ имѣлъ весьма дурную повадку бросать всегда каменьями, не остерегаясь, чтобъ не ушибить кого нибудь.

Часто дѣлывалъ онъ это бывъ у отца своего въ саду, и бросалъ каменьями то къ намъ въ садъ, то къ сосѣду нашему, такъ что отъ его бросанья не было намъ почти проходу.

Отецъ его примѣтилъ это однажды и запретилъ ему то дѣлать накрѣпко.

Но по нещастію этотъ робенокъ или не вслушивался или забывалъ, что худова дѣлать не надобно, хотя бы никого при томъ свидѣтелемъ не было; ему или не сказывали, или онъ не хотѣлъ того помнить, что Богъ вездѣ присутствуетъ и видитъ все, что мы ни дѣлаемъ.

Однажды былъ онъ въ саду одинъ, и захотѣлось ему опять потвырять каменьями: и какъ онъ зналъ, что отца его нѣтъ дома, то и думалъ, что ему это дѣлать можно.

Въ самое то время другой сосѣдъ нашъ Мѣльниковъ былъ съ сыномъ своимъ Сидоромъ у себя въ саду.

Этотъ Сидоръ имѣлъ за собою тотъ порокъ, что онъ думалъ: довольно коли при людяхъ не дѣлаешь худова, а коли никово нѣтъ, такъ все можно дѣлать, что ни захочешь.

Отецъ его принесъ съ собою заряженное ружье, чтобъ стрѣлять воробьевъ, которые у него всѣ вишни поклевали. Они стояли въ бесѣдкѣ и дожидались, какъ воробьи налетятъ; но вдругъ пришли къ Сидорову отцу сказать, что къ нему гость пришолъ.

Онъ оставилъ ружье въ бесѣдкѣ и сказалъ отходя Сидору: смотри ты не тронь ружья!

Сидоръ остался одинъ. Что мнѣ сдѣлается, думалъ онъ, хотя бы я и поигралъ немного ружьемъ? вить я никово не застрѣлю, да и батюшка же теперь ушелъ домой.

Подумавъ сіе схватилъ онъ ружье и сталъ имъ дѣлать на караулъ. Потомъ захотѣлось ему попробовать, можетъ ли онъ взвести курокъ.

Онъ положилъ на изгороду ружье, дуломъ прямо въ садъ къ Кузнецову, взялъ за курокъ и началъ взводить.

Вь это время Трофимъ на бѣду изъ своего сада бросилъ черезъ изгороду острой камень, и попалъ Сидору въ глазъ. Сидоръ отъ великаго страха и боли выронилъ ружье изъ рукъ, курокъ спустился, дробь полетѣла, и закричали въ обоихъ садахъ: ай, ай, ай!

Сидору вышибли глазъ, а Трофиму вся дробь попала въ ногу; тотъ сталъ кривъ, а этотъ хромъ, и такими остались во весь свой вѣкъ.

Тимоша.

Ахъ бѣдненькіе!

Честнодумъ.

Они конечно оба жалки, особливо потому, что каждый изъ нихъ не только самаго себя, да и другаго вмѣстѣ съ собою сдѣлалъ нещастнымъ.—Однакожъ входя обстоятельно въ дѣло, можно сказать, что это случилось къ общему ихъ благополучію.

Тимоша.

Какъ это, батюшка!

Честнодумъ.

Я тебѣ это растолкую, душинька. Когда бы Богъ не наказалъ сихъ дѣтей, такъ бы они оставаясь на единѣ всегда продолжали дѣлать худое.

Но тутъ они сами собою испытали, что всякое худое дѣло, котораго люди не видятъ, отъ Бога не можетъ быть закрыто, и безъ наказанія упущено не будетъ.

Отъ того оба они поправились, стали смирны и хороши, и удалялись отъ всякаго зла, хотя бы то случилось въ самомъ тайномъ мѣстѣ.

И сего - то самаго Богъ, наказуя ихъ, отъ нихъ желалъ; ибо сей небесный отецъ не для чего инаго наказуетъ насъ, какъ для нашего чрезъ то исправленія.

Т и м о ш а.

Не стану же я дѣлать худова, хотя бы подлинно зналъ, что ни одинъ человѣкъ о томъ не свѣдаетъ.

Ч е с т н о д у м ъ.

Богъ утверди тебя въ сихъ мысляхъ, дитя мое!

Тутъ они возвратились домой.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

Ахъ, ежели бы все зима была! сказалъ Петруша, послѣ того какъ онъ игралъ въ снѣжки и катался на горѣ въ санкахъ.

Отецъ его приказалъ ему сіе желаніе записать въ записную книжку, и онъ то исполнилъ.

Зима прошла, наступила весна.

Петруша стоялъ съ отцомъ своимъ подлѣ одного цвѣтника, въ которомъ розы, лилеи, гіяцинты и нарциссы разцвѣтали; и былъ внѣ себя отъ радости.

Весна цвѣты сіи съ собой приноситъ, сказалъ отецъ, съ ней они и пройдутъ.

Ахъ, ежели бы все весна была! отвѣчалъ Петруша.

Отецъ велѣлъ ему и сіе желаніе записать въ книжку, и онъ записалъ.

Миновала весна, лѣто настало.

Въ одинъ прекрасной день Петруша съ своими родителями и нѣсколько другихъ робятишекъ пошли въ ближнюю деревню и цѣлой день тамъ пробыли.

Вокругъ ихъ видна была зеленая пажить и долины, множествомъ цвѣтовъ испещренныя, и луга, на которыхъ индѣ играли ягнята, индѣ бодрые жеребятки прыгали.

Тутъ они ѣли вишни и другія лѣтомъ растущія ягоды и проводили время очень весело.

Не правда ли сказалъ отецъ возвращаяся домой, что и лѣтомъ можно имѣть множество забавъ.

Ахъ! отвѣчалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ всегда было лѣто!

И сіе желаніе записано было въ записную книжку.

Напослѣдокъ пришла осень.

Вся семья отправилась на нѣсколько дней въ виноградные сады.

Не было уже такихъ жаровъ какъ лѣтомъ; но воздухъ былъ благорастворенной и небо свѣтлое.

На лозахъ виноградныхъ висѣли зрѣлые

грозды, на грядахъ лежали благоуханныя дыни, а вѣтви деревъ отъ спѣлыхъ плодовъ къ землѣ приклонялись,

Тутъ-то любо было Петрушѣ, которой до всякихъ овощей великой былъ охотникъ!

Сіе прекрасное время скоро минетъ, сказалъ отецъ; зима уже на дворѣ и осень проходитъ.

Ахъ! сказалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ зима никогда не приходила, и чтобъ все стояла осень!

Право бы ты того желалъ? спросилъ отецъ?

Право, отвѣчалъ онъ.

Но посмотри, продолжалъ отецъ, вынимая записную книжку изъ кармана, посмотри, что здѣсь написано; на, читай!

,,Я желаю, чтобъ всегда зима была.,, А вотъ на этой страницѣ прочитай что написано?

,,Я желаю, чтобъ всегда весна была.,, А вотъ на этой?

,,Я желаю, чтобъ всегда лѣто было.,, Знаешь ли ты, примолвилъ отецъ, чья рука это писала?

Моя, отвѣчалъ Петруша.

А чего же ты теперь желаешь?

,,Я желаю, чтобъ всегда была осень.,, Но это очень чудно, сказалъ отецъ, зимою ты желаешь всегдашней зимы, весною всег-

дашней весны, лѣтомъ всегдашняго лѣта, а осенью всегдашней осени?

Подумай, чему изъ сего слѣдовать должно.

,,Что всѣ времена года хороши.,,

Конечно такъ; что всѣ они преисполнены радостію, преисполнены разными для насъ дарами, и что Богъ лучше умѣетъ управлять свѣтомъ, нежели мы слабые человѣки!

Естьли бы прошлая зима въ твоей волѣ состояла, то бы у насъ ни весны, ни лѣта, ни осени не было.

Ты бы землю покрылъ вѣчнымъ снѣгомъ, для того только, чтобъ играть въ снѣжки и кататься съ горы въ санкахъ; и сколькихъ же безчисленныхъ другихъ удовольствій ты бы насъ лишилъ.

Щастливы мы, что не въ нашей волѣ состоитъ управлять свѣтомъ, мы бы съ полученіемъ власти сей тотчасъ его разрушили.

ПЕТРУШИНЪ ОТВѢТЪ.

Дорогой школьникъ шелъ
И финикъ онъ нашелъ:
Къ сластямъ ребята падки,
А финики вишь сладки,
Такъ школьникъ финикъ съѣлъ,
И финикъ школьнику гораздо полюбился,

А въ немъ нашелъ онъ кость.
Мой школьникъ въ мысли углубился:
Знать эти ягоды, онъ мыслитъ, могутъ
рость;
Конечно это сѣмя;
Чѣмъ размножается ихъ племя;
Такъ эту косточку я въ землю посажу,
И погляжу,
Что изъ того родится;
Авосьлибъ ихъ у насъ и много расплодится.
Пришелъ домой и прямо въ садъ
Бѣжитъ мой школьникъ безъ огляду,
Потѣетъ и копаетъ гряду,
Какъ будто ищетъ кладъ.
Отецъ его на эту пору
Зашелъ и сына зритъ въ трудахъ,
Какъ кротъ копаетъ нору,
И держитъ косточку въ зубахъ.
Узналъ отецъ трудовъ причину
И говоритъ онъ сыну:
Мой другъ! напрасно трудъ твой пропадетъ:
Ты финики сажаешь;
Долгонько ихъ прождешь! знать ты еще не
знаешь,
Что это дерево едва чрезъ двадцать лѣтъ
Съ плодами поспѣваетъ.
Узнавъ по голосу отца,
Привсталъ, и стерши потъ съ лица,
Петруша отвѣчаетъ:
Коль время наградитъ мои труды,

Чего я ожидаю,
Такъ я съ того, что нынѣ насаждаю,
При старости вкушу плоды.

РАСКАЯНІЕ.

Мать.

О чемъ ты плачешь, Машинька?

Машинька.

Ахъ, матушка, посмотрите, что я нашла въ Библіи!

Мать.

Такъ ты объ этомъ плачешь? да чтожъ такое, раскажи мнѣ, душинька.

Машинька.

Ахъ, подумайте! они распяли Христа— какіе злые люди!—а Онъ, какое милосердіе!— Онъ и на крестѣ-то за нихъ молится! Они наругались надъ Нимъ, а Онъ, умираючи, говорилъ: Отче! помилуй ихъ, они не вѣдаютъ что творятъ.

Мать.

Нравится тебѣ это, что Христосъ и за враговъ своихъ молился?

Машинька.

Конечно, сударыня. Какъ чаю молитва Его была пріятна Богу! — и я думаю Онъ вподлинну этихъ людей простилъ.

Мать

А ты вчера разсердилась на Ивана за то, что онъ изломалъ у тебя игрушку, такъ что и простить ему не хочешь; разсуди же, душа моя, хорошо ли это?

Тутъ Машинька отъ стыда закрыла лице свое ручонками и прижавшися къ матери горько заплакала.

ПОДАРОКЪ ТЕТКѢ ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЕНИНЪ.

Севодня множество мнѣ къ радостямъ причинъ:
Севодня, тетушка, день вашихъ именинъ,
Изъ всѣхъ моихъ вещей желалъ бы я конечно,
Вамъ лучшую отдать, любя васъ такъ сердечно.

Ни чѣмъ я не могу такъ много дорожить,
Чего бъ вамъ не хотѣлъ отъ сердца подарить.
Но какъ ни хочется, однако это чудно,
Есть вещи у меня, а выбрать очень трудно.

Вѣнокъ ли изъ цвѣтовъ мнѣ пестринькихъ
сплесть,
И тетушкѣ моей любезнѣйшей поднесть:
Изъ розъ и васильковъ, которы разцвѣ-
таютъ? —
Но ахъ! цвѣты, цвѣты такъ скоро увядаютъ!

Съ ясминами ль кустокъ мнѣ дать въ пода-
рокъ ей,
И выбрать лучшинькой? — Но нѣтъ! любви
моей,
Любви толь искренней, любви чистосер-
дечной,
Кустокъ есть слабой знакъ, весьма не-
долговѣчной.

Ахъ, вотъ что! парочку прекрасныхъ пти-
чекъ вамъ,
Чтобъ пѣли здѣсь онѣ, я, тетушка, отдамъ;
Вчера на гнѣздышкѣ поймалъ я ихъ легонько,—
Но ахъ! лишь чиркаютъ онѣ, и то тихонько!

Такъ чтожъ мнѣ подарить? одно еще, одно:
Вотъ сердце вамъ мое! хоть молодо оно,
Однако же цвѣтку подобно не увянетъ,
Покуда будетъ жить, всегда любить васъ
станетъ.

ФІЯЛКА И ТЕРНОВОЙ КУСТЪ.

Ни мало не гордяся
Своею красотой,
Растя и веселяся,
Довольная собой,
Фіялочка въ лѣсочкѣ
Не въ пышносши была,
При шерновомъ кусшочкѣ
Смирнехонько цвѣла.

Одинождьт шерновникъ
Сказалъ цвѣшку сему:
Я знаю кшо виновникъ
Веселью швоему;
Конечно шы щишаешь,
Здѣсь краше нѣшъ шебя,
О какъ шы мало знаешь
Бѣдняжечка себя!

Взгляни какъ роза рдѣешъ
Красиво средь луговъ,
Царицы видъ имѣешъ
Она между цвѣшовъ!
Тебя здѣсь и не видно,
Не слышенъ запахъ швой!
Какъ можешь шакъ безсшыдно
Ты хвасшашься собой?

Фіялочка смиренно
На рѣчь сказала шу:

Я здѣсь уединенно
Въ спокойствіи цвѣту;
За многимъ не гоняюсь,
Завидовать порокъ;
Довольно коль щитаюсь
Я добринькой цвѣтокъ.

Хотя не проливаю
Я запахъ въ цѣлый лугъ,
Однако наполняю
Имъ малый свой округъ;
Не рѣдко оставляетъ
Румяный розовъ цвѣтъ
Пчела и прилетаетъ
Съ меня брать сладкій медъ.

Отъ солнечнаго зноя
Пастушка утомясь,
Для хлада и покоя
Въ мѣста сіи склонясь,
Не рѣдко воздыхая
Творца благодаритъ,
Что сладко отдыхая
Фіялочку въ нихъ зритъ—

Сосѣдушка, пріятель,
Не должно намъ роптать;
Вселенныя Создатель
Умѣлъ кому что дать.
Безумно наше чванство

Прошиву Божьихъ дѣлъ:
Онъ розѣ далъ убранство,
Мнѣ малой бышь велѣлъ.

РѢЗВЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица:

Господинъ Златогоровъ.
Николаша, Златогорова десятилѣтній сынъ.
Фединька, племянникъ Златогоровъ, сирота, воспитываемый имъ, однихъ лѣтъ съ Николашею.
Маша, дочь Златогорова, девяти лѣтъ.
Лизанька } двѣ маленькія барышни, пріѣхав-
Анюта } шія въ гости къ Машѣ.
Федотка, осмилѣтній мальчикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

Николаша и Фединька.

Фединька, (*сидя за столомъ и пишучи.*)

Братецъ! не ужъ-то ты цѣлой часъ все играть будешь?

Николаша. (*рѣзвясь и прыгая кругомъ по горницѣ.*)

Еще немножко!

Ѳединька.

Но ты забылъ, что въ четыре часа надобно намъ отдать переводъ свой любезному нашему Ивану Карповичу?

Николаша.

Еще крошечку!

Ѳединька.

Предоброй учитель! какъ онъ всегда радуется, когда видитъ насъ прилѣжными.

Николаша.

Ну еще немножко, крошечку!

Ѳединька.

Вотъ ужъ три четверти бьетъ; мнѣ осталось дописать только два слова, такъ я и готовъ. Вотъ и конецъ!

Николаша. (*бѣжитъ къ столу.*)

Какъ? ужъ три четверти било? ахъ какая бѣда! какъ мнѣ успѣть!

Ѳединька.

Вить я тебѣ говорилъ.

Николаша.

Теперь я стану какъ можно спѣшить; авосьлибо еще успѣю. — Смотри! ужъ три строки написалъ! — вотъ какъ у насъ матушъ! то-то любо! (*при сихъ словахъ вскакиваетъ отъ радости, опрокидываетъ чернильницу и заливаетъ свою бумагу*). О какая бѣда! что я сдѣлалъ!

Фединька.

Какой ты шалунъ, Николаша!

Николаша.

Право это не нарочно.

Фединька.

Не нарочно? объ этомъ никто и не думаетъ; кто станетъ нарочно это дѣлать? —однакожъ отъ шалости, братецъ, отъ великой рѣзвости. Этотъ порокъ сильно въ тебѣ укореняется.

Николаша.

Я поскорѣе снова начну; можно еще успѣть. (*пишетъ опять нѣсколько строкъ; качается на стулѣ, размышляя о словахъ, и опрокидывается на взничъ*) ай!

Фединька.

Опять новая шалость! Николаша, Николаша, вить ты этакъ голову себѣ проломишь можешь!

Николаша.

Проклятой стулъ!

Фединька.

Скажи лучше: проклятая рѣзвость и бѣдной стулъ! посмотри, ты его изломалъ: матушка за это спасибо не скажетъ.

Николаша.

Пропалъ я! какъ мнѣ быть со своимъ переводомъ?—братецъ голубчикъ! не оставь меня, дай мнѣ списать съ твоего перевода.

Фединька.

Списать? да какая тебѣ отъ этова польза!

Николаша.

Ну чтобъ учитель на меня не осердился.

Фединька.

Не ужъ ли ты думаешь, что онъ этова не примѣтитъ? да хотя бы и не примѣтилъ, какъ смѣть отъ него это утаить? стыдно! вить то хотѣть его обманывать.

Николаша (заплакавъ.)

Да какъ же быть, — что мнѣ скажетъ Иванъ Карповичь, когда ты ему свой переводъ покажешь, а я нѣтъ?

Фединька.

Послушай, братецъ! все что я для тебя сдѣлать могу, состоитъ въ томъ, что я не хочу въ глазахъ любезнаго нашего учителя быть лучше тебя: вотъ смотри! (издираетъ свой переводъ). Пойдемъ теперь на верхъ и скажемъ откровенно Ивану Карповичу, что мы севодня лѣнивы были, и что завтра постараемся быть прилѣжнѣе.

Николаша.

Ну спасибо тебѣ, братецъ! (цалуетъ его въ плечо).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Маша

Маша.

Фединька! Иванъ Карповичь позволилъ тебѣ остаться здѣсь въ низу. Лизанька съ Анютою будутъ ко мнѣ въ гости, и мы хотимъ, чтобъ и ты былъ съ нами.

Николаша.

А обо мнѣ ты не просила?

Маша.

Нѣтъ братецъ!

Николаша.

Для чегожъ нѣтъ? онъ тебѣ только двоюродной братъ, а я родной.

Маша.

То то и худо, что ты родной братецъ, а поступаешь такъ, что любить тебя не льзя столько, какъ двоюроднаго.

Николаша.

Да что я тебѣ сдѣлалъ?

Маша.

Со мною можешь ты обходиться какъ хочешь, я не о себѣ говорю; но мнѣ жаль, что ты самъ себѣ вредишь, дѣлая то, что ни одинъ человѣкъ не хочетъ быть съ тобою вмѣстѣ.

Николаша.

Чтожъ такое я дѣлаю?

Маша.

Что ты дѣлаешь? все безъ разсудку: безъ ума шалишь, безъ пути рѣзвишься. Когда ты войдешь въ горницу, то можно объ закладъ ударишься, что какая нибудь непріятность случится: либо ты что нибудь изломаешь, либо раздерешь, либо замараешь, либо такой шумъ поднимешь, что уши прокричишь, либо помѣшаешь намъ играть, либо начнешь браниться. Всѣ посторонніе дѣти за тѣмъ не ѣздятъ къ намъ въ домъ, и это чудо, что Лизанька съ Анютою севодня сюда пріѣхать обѣщали. Скажи правду, Фединька, хорошъ ли онъ и каково поведеніе его?

Фединька.

Я надѣюсь, что онъ исправится. Такъ ли Николаша.

Николаша.

Вѣрно такъ; во всю мою жизнь впередъ таковъ уже не буду.

Фединька.

Прости ему и позабудь, сестрица, его проступки! я пойду съ нимъ къ Ивану Карповичу и попрошу, чтобъ онъ позволилъ ему остаться съ нами въ низу, я ручаюсь

за него, что онъ будетъ себя вести порядочно. (*уходитъ съ Николашею*).

Маша.

Я желаю, чтобъ это такъ было.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Маша. (*одна*)

Братецъ Өединька очень хорошъ!—коли бы братецъ Николаша таковъ же былъ! (*она ставитъ стулья по мѣстамъ, вытираетъ столъ, и чищаетъ лоскутки бумаги, лежащіе на полу*). Теперь кажется все порядочно?—мнѣ думается—(*стучатся въ двери, и она бѣжитъ туда*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маша, Лизанька и Анюша

Маша.

А! здравствуй, милая Лизанька! здравствуй милая Анюшушка! (*обнимаются и цалуются*).

Лизанька.

Мнѣ кажется, я ужъ цѣлой годъ съ тобою не видалась!

Анюша.

Въ самомъ дѣлѣ давно ужъ: почти три недѣли.

Маша.

Безъ малова: въ прошедшее воскресенье было ровно двѣ недѣли, какъ я у васъ была.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Прежнія, Фединька и Николаша.

(Фединька учтиво кланяется гостямъ; Николаша прыгая и распѣвая вбѣгаетъ въ горницу, и не смотря на пріѣзжихъ барышенъ вскакиваетъ на стулъ, стоящій подлѣ его сестры).

Николаша. *(поетъ.)*

Лай, лай, лай, веселись Николай!
Башъ, башъ, башъ, севодни шабашъ!

(онъ хочетъ вскочить на плечи къ сестрѣ своей, которая не могши его удержать присѣдаетъ, отъ чего онъ упадаетъ со стула и сбиваетъ ее съ ногъ долой).

Фединька.

Николаша, Николаша! что ты опять напроказилъ? *(всѣ они прибѣгаютъ поднимать Машу).*

Николаша.

Ничего, бездѣлица! *(повертывается на одной ногѣ и начинаетъ опять прыгать).*

Лизанька.

Ахъ, моя душа! не ушиблась ли ты?

Маша.

Кажется нѣтъ. Не осердитесь, мои ми-

ля, что это случилось: вы видите, что не я этому причиною.

Анюша. (*цалуя ее*).

Нѣтъ ничего, коли только ты не ушиблась.

Маша.

Нѣтъ, ужъ прошло. Сядемте, мои милыя. (*Фединька для каждой изъ нихъ ставитъ стулъ*).

Лизанька.

Не трудитесь!

Фединька:

Никакова труда нѣтъ!

Маша.

Фединька охотно это дѣлаетъ. (*подаетъ ему руку въ знакъ ласки*). Я бы желала, чтобъ братецъ Николаша такъ услужливъ былъ, какъ онъ.

Николаша.

О! я буду севодня очень услужливъ: ты увидишь это. (*дѣвка приноситъ чайной приборъ*). Напримѣръ я стану разливать.

Маша.

Чтобъ опять что нибудь изломать! пожалуй оставь это мнѣ. (*наливаетъ и подаетъ сахарницу кругомъ*). Кому угодно сахару?

Лизанька.

Благодарствую, моя душа! мы привыкли пить безъ сахару.

Николаша.

Такъ инъ я за всѣхъ возьму. (*хватаетъ кусокъ за кускомъ, такъ что сестра напослѣдокъ принуждена отдернуть отъ него сахарницу прочь*).

Маша.

Какъ тебѣ не стыдно, Николаша!—

Николаша.

Я пошутить хотѣлъ. Ты увидишь, что мнѣ столько не надобно—(*хочетъ сахаръ положить назадъ въ сахарницу, но поступаетъ при томъ такъ неосторожно, что до половины выпитую чашку свою проливаетъ Анютѣ на платье*).

Анюта.

Ахъ, боже мой!—какъ я пришедъ домой покажусь матушкѣ? что мнѣ дѣлать?

Маша.

О какой бѣшеной! (*къ Николашѣ*) да ужъ по крайней мѣрѣ не стой какъ столбъ: принеси поскорѣе стаканъ воды. (*прежде нежели Николаша съ мѣста тронулся, Ѳединька уже побѣжалъ за водою*),

Лизанька.

Говорятъ лучше всего бѣлымъ платкомъ вытереть. Вотъ у меня чистой платокъ—(*онѣ подходятъ къ Анютѣ: Лизанька держитъ, а Маша вытираетъ. Между тѣмъ Николаша, словно какъ бы ему до случившагося никакой нужды не было, продолжаетъ пить чай и*

выливаетъ всѣ сливки изъ молошника къ себѣ въ чашку. Фединька приноситъ стаканъ воды).

Лизанька.

Теперь ужъ не надобно воды; благодаримъ тебя, милой Фединька. Мы ужъ вытерли, послѣ можно замыть.

Маша.

Кажется теперь хорошо: посмотри, Лизанька, почти ничего не льзя примѣтить.— (*показываетъ ей залитое мѣсто у платья*).

Лизанька.

Чуть видно, а когда высохнетъ, такъ и совсѣмъ будетъ не примѣтно,

Анюта.

Ну слава Богу! а я было испугалась: новое платье, и матушка за него дорого заплатила.

Маша.

Сядемъ опять, мои милыя; (*къ Николашѣ*) а ты пожалуй будь отъ насъ подалѣе. (*хочетъ наливать, но находитъ молошникъ пустымъ, и смотритъ на Николашу*). Это право такъ невѣжливо, какъ не льзя больше! (*къ Фединькѣ*) Подумай, между тѣмъ какъ мы тамъ хлопотали, онъ всѣ сливки изъ молошника выпилъ! (*Фединька взглядываетъ на него съ неудовольствіемъ*). Ахъ! я было и забыла. Севодни одна изъ дѣвушекъ нашихъ именинница, она

давича принесла ко мнѣ прекрасной крендель,—(*Фединькѣ, которой всталъ со стула и хочетъ идти*) прикажи его къ намъ подать, да также и сливокъ еще принести.

Лизанька.

Для меня не надобно: я ужъ столько напилась чаю, что не хочу больше.

Анюта.

А я такъ напугалась, что не могу пить.

Маша.

Чтожъ намъ дѣлать? не поиграть ли не множко?

Лизанька.

По мнѣ пожалуй. Да во чтожъ мы станемъ играть?

Николаша.

О! я много знаю игоръ! въ жмурки — въ гулючки—въ короли—

Лизанька.

Съ вами играть мы не хотимъ.

Николаша

Для чего?

Лизанька.

Для того, что мы любимъ глаза свои, носъ, руки и ноги.

Маша.

Вотъ Фединька идетъ—у него спросимъ, во что играть.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Прежніе и Фединька.

Лизанька.

Мы васъ дожидались, чтобъ вы сказали, какую намъ игру начать.

Фединька.

Я оставилъ на дворѣ маленькаго музыканта; ежели вы хотите, такъ онъ намъ что нибудь съиграетъ или споетъ.

Маша.

Маленькаго музыканта? маленькаго музыканта? да кто онъ такой? откуда ты ево взялъ?

Лизанька.

Это очень, очень хорошо! съ Фединькой право весело быть вмѣстѣ: онъ умѣетъ какъ угождать.

Анюта.

А я какъ люблю, когда поютъ или танцуютъ!

Фединька.

Да мы же еще и добро сдѣлаемъ: это бѣдной деревенской мальчикъ, которой ходитъ съ гудкомъ и сбираетъ милостыню. Я посулилъ ему пять копѣекъ, и онъ обѣщалъ мнѣ за это цѣлой часъ играть.

Лизанька.

Нѣтъ! нѣтъ! пусть всякая изъ насъ дастъ ему особливо что нибудь.

Анюта.

Всякая, всякая особливо.

Фединька.

Такъ позвать его сюда?

Маша.

Позови, позови, да гдѣ онъ?

Фединька.

Тамъ у воротъ стоитъ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДМОЕ.

Прежніе.

(*Дѣвка приноситъ крендель. Николаша хочетъ ухватить его съ тарелки, однако Маша ему въ томъ препятствуетъ*).

Николаша.

Ну что? я хотѣлъ только его раздѣлить!

Маша.

Оставь это на мое попеченіе; ты бы также хорошо раздѣлилъ какъ сливки. (*разламываетъ крендель на четыре куска, подноситъ двумъ гостьямъ, беретъ сама, и тарелку съ остальнымъ кускомъ ставитъ на столъ*).

Николаша.

Это мнѣ? (*хочетъ взять съ тарелки*).

Маша. (*отнимая прочь оную*).

Погоди, еще Фединька не кушалъ. На вотъ тебѣ по поламъ со мною! (*отламываетъ отъ своего кренделя и даетъ ему*).

Анюта.

Прекрасной крендель! оставте пожалуйста Фединькѣ, а не то, я ему свой кусокъ отдамъ.

Лизанька.

И я свой.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Прежніе, Фединька и Федошка съ гудкомъ.

Фединька.

Вотъ я привелъ къ вамъ своего музыканта.

Маша.

Откудова ты мальчикъ?

Федошка.

Изъ деревни Скудихи.

Лизанька.

Есть ли у тебя отецъ и мать?

Федошка.

Мачка померла, а бачка живъ еще.

Анюта.

За чѣмъ же ты сюда пришелъ?

Федошка.

Вишь ты, бачка хворъ; работать никому; исть ницаго; такъ я брожу съ гудкомъ, да хлибъ добываю.

Маша.

Ну-ка съиграй намъ что нибудь.

Федошка.

Пожалуй изволь, боярышня; только я не горазно въ ихтомъ смышлiонъ; маракую да не много.

Фединька.

Играй, какъ умѣешь! для насъ ты довольно хорошо будешь играть. (*Федотка налаживаетъ свой гудокъ, Анюта между тѣмъ подаетъ Фединькѣ тарелку съ остальнымъ кускомъ кренделя, которую онъ принявъ держитъ въ рукахъ. Федотка пробуетъ смыскомъ, начинаетъ играть и припѣваетъ*).

Парнишко я бидной,
Гудить не горраздъ:
Грошишко кто мидной
Мнѣ смилуясь дастъ,
Тому, мой гудоцыкъ,
Спасибо ты спой.
Што хлибца кусоцыкъ
iонъ далъ намъ съ тобой.
Своимъ прибобудкомъ
Михей говоритъ:
Съ пустымъ де жолудкомъ
Струна не брянцитъ.

Фединька.

Ага бѣдняжка! видно ты голоденъ: на вотъ тебѣ кусокъ кренделя.

Федошка.

Нитъ, боярцынокъ: это самъ ишъ. Мнѣка дай ломтикъ цорнова хлиба съ солью.

Фединька.

Возми когда тебѣ дають. Черной хлѣбъ я и самъ какъ и ты ѣсть умѣю.

Федошка.

Ну инъ спасибо! только я итова не стану топерь исть: отнесу бидному бачкѣ своему: іонъ обрадуется.

Маша.

Бѣдному отцу? жаль мнѣ, что я уже свой кусокъ съѣла!

Лизанька.

Для чего ты не пришелъ сюда немножко поранѣе?

Анюта.

У меня еще половинка осталась. На! отдай и это отцу своему.

Федотка.

Ой нитъ, прикрасная боярышня! ишъ сама. Полно ему и одново итова полизать— вешь ито не цорной хлибъ.

Анюта.

Съѣшь самъ этотъ кусокъ.

Федошка.

Нитъ, нитъ; ужъ кали милость твоя такая, такъ я лущце возму оба съ собою; заверну въ платъ. (*ищетъ*). Ека парень! платчишко свой забылъ въ жупанѣ. Кабы клоцокъ бумашки.—

Маша.

Постой, я тебѣ дамъ чистой платокъ.

Между тѣмъ пусть крендель твой полежитъ покамѣстъ на окнѣ.

Федошка.

Дильно, преузорочная, дильно; спасетъ тебя Богъ! ну топерь я гудитъ стану?

Фединька.

Съиграй-ко, съиграй намъ еще что нибудь.

Федошка.

Исть у меня заздравная писенка; яна не наша крестьянска, не такъ што бы оцень толковита; однако я всю знаю набумъ. Бачкѣ моему написалъ ее какой-то грамотей. (*играетъ на гудкѣ и припѣваетъ*):

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ,
Работалъ и трудился,
И хладъ и зной сносилъ.
Терпя различны муки
Боролся я съ судьбой,
Мои суровы руки
Не знали что покой.

Я солнечнаго всходу
Ни разу не проспалъ,
Въ жестокую погоду
Укрыться не искалъ;
Но плугомъ раздирая
Утробу я земли,

То дрогнулъ промокая,
То весь горѣлъ въ пыли.

За разными трудами
Меня зрѣлъ солнца бѣгъ,
Здѣсь твердыми стѣнами
Одѣлъ я дикій брегъ;
Тамъ каменные домы
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть крышку изъ соломы
Имѣя для своихъ.

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребенъ,
Я солнечнаго зноя
И свѣта былъ лишенъ;
Въ количествѣ премногомъ
Я злато находилъ,
Но въ рубищѣ убогомъ
Весь вѣкъ мой проводилъ.

Однакожъ въ это время,
Бывъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Сихъ тягостныхъ трудовъ;
Безъ всякаго излишку
Довольно собиралъ,
Кормилъ свою семьишку,
Пилъ, ѣлъ, и сладко спалъ.

Но младость промелькнула,
Ее ужъ больше нѣтъ,
Скорбь лютая согнула
Упругій мой хребетъ.
Мой одръ, гдѣ я стоная,
Убогъ, лежу и сиръ,
Злой смерти ожидая;
Сталъ нынѣ весь мой міръ!

(Дѣти слушаютъ со вниманіемъ, приходятъ постепенно въ жалость, подступаютъ къ нему ближе и утираютъ глаза свои наполненные слезами. Между тѣмъ Николаша прыгаетъ кругомъ, подбѣгаетъ къ тарелкѣ и съѣдаетъ на ней два куска кренделя).

Фединька. *(взлвъ Федотку за руку)*

Бѣдной малой! по этому ты весьма нещастливъ!

Маша.

Отецъ въ нищетѣ, при смерти, а сынъ еще такъ малъ: какое жалостное состояніе!

Федошка.

Нитъ, боярышня: я ужъ таки слава Богу великонекъ: смогу бродить. А какъ исть кусокъ хлиба, такъ мнѣ и полно, и бачку накормлю. Вотъ бида какъ хворость нападетъ: ну тогда Богъ подастъ. А витъ коли господь по душу пошлетъ, такъ и ницаго не надыть, кромѣ ямы, а ямъ-то вездѣ много.

Маша.

Доброй малой! шакъ шы доволенъ своимъ сосшояніемъ?

Федошка.

Я не знаю, боярышня, шшо шы баешь.

Маша.

Ты не шужишь о шомъ, чшо шы бѣденъ?

Федошка.

О цомъ шужишь? лишь бы бачкѣ Богъ далъ здоровья, а шо я и гадки не маю.—Шшо ищо шшо ли мнѣ погудишь?

Фединька.

Какъ вы думаеше? мнѣ кажешся довольно. Надобно ему дашь чшо нибудь. (*ищетъ у себя въ карманѣ денегъ*).

Лизанька.

Посшой, мы всѣ сложимся. Вошъ мои пяшь копѣекъ.

Анюша.

Вошъ и мои.

Маша.

Вошъ, Фединька, два пяшикопѣишника. Ты своего не давай.

Фединька.

Нѣшъ, эшова удовольсшвія я не хочу у себя ошняшь. (*беретъ у всѣхъ деньги и отдаетъ ихъ Федоткѣ*).

Федошка.

Нишъ, ишова много! куда мнѣ сшолько!

шы, бояринъ, посулилъ мнѣ пяшь копѣекъ: съ меня и будишъ.

Фединька.

Возми, возми; мы шебѣ эшо охошно и съ радосшію даемъ. Возми, не ошговаривайся.

Федошка.

Ну коли шакъ, заплаши вамъ господи! (*къ Машѣ*) шы боярышня, хошѣла мнѣ клоцокъ бумашки пожаловашь.

Маша.

Ахъ! чушь было я не забыла. — (*вынимаетъ изъ комода бѣлый платокъ*): Вошъ шебѣ! онъ не множко шонокъ, однако можно въ него завернушь.

Федошка.

Нишъ, нишъ! куды мнѣ шакой дорогой плашъ? я ни смѣю взяшь.

Маша.

Возми не бось, возми! машушка позволила мнѣ ошдашь ево кому хочу.

Федошка.

Ну инъ помилуешъ шебя Богъ, боярышня, помилуешъ Богъ! (*идетъ къ окошку, взять крендель, и между тѣмъ кладетъ гудокъ свой на полъ*).

Маша.

Посшой, я пособлю шебѣ завернушь.

Федошка. (*печально.*)

Да шушошка ницаго нишъ!

Маша.

Какъ? что это? Николаша, Николаша, вѣрно ты.

Николаша. (*смутясь*)

Да, я задумавшись съѣлъ—я забылъ, что это ему отдано было.

Маша.

О какой несносной баловень! фуй, братецъ, какъ это можно.

Федошка.

Не бранись, прикрасная боярышня; ну какъ жо быть; мало ли цаго бываетъ; бида не велика.—Нитъ ли у васъ свижаго яицка, я бы бидному бачкѣ своему отнесъ.

Désinька. (*съ великою досадою.*)

А я дуракъ еще за него просилъ!—сестрица голубушка—дай мнѣ въ займы.—

Маша. (*вынимаетъ изъ кармана кошелекъ, что дѣлаютъ также Лизанька и Анюта.*)

Я тожъ самое думала. На тебѣ!

Лизанька.

На и мои.

Анюша.

На еще и мои—(*каждая по грошу кладетъ Фединькѣ въ руку, которой все отдаетъ Федоткѣ*).

Федошка.

Царь небесный! Царь небесный! О! што ужъ съ лихвой много!

Фединька. (*съ жалостнымъ сердцемъ протягивая ему руку.*)

Какъ бы я желалъ дать тебѣ нѣчто болѣе! но—я такой же сирота, и живу чужими благодѣяніями? — пятикопѣишникъ свой я тебѣ отдалъ.

Федошка.

И! Творецъ мой милосердой!—и! бояринъ, доброй бояринъ! да на штожъ ты себя обижаешь? возми пятакъ свой назадъ.

Фединька.

Не печаль меня и—поди.

Федошка.

Господь пошли шобѣ! Богъ надѣли шобя и здоровьемъ и живошомъ!

Николаша. (*подумавъ нѣсколько.*)

Постой, постой немножко! я пойду и принесу также ему что нибудь. (*сказавъ сіе бѣжитъ къ дверямъ, наступаетъ отъ неосторожности на гудокъ, лежащій на полу, и его раздавливаетъ*). О какая бѣда! (*уходитъ испугавшись*).

Федошка. (*оглянувшись на гудокъ свой.*)

Охти мнѣ, пропалъ я бидной! гудокъ мой! гудокъ мой! охъ што со мною поприщилось! (*дѣти изъявляютъ страхъ свой и печаль*); безталанный я! все мое житье бытье!— цымъ топерь стану я кормить бачку? вись изломался! вись въ кусоцки! што мнѣ ди-

лать? ой! што мнѣ горюхи дилать? (*плачетъ и рыдаетъ неутѣшно*).

Маша.

О какой безпутной шалунъ! — право — я не знаю — у меня ужъ ничего нѣтъ больше — развѣ — Фединька, братецъ! —

Лизанька.

У меня есть еще два грошевика: на тебѣ!

Федошка, (*продолжая плакать.*)

Спасетъ Богъ, моя милосливая боярышня, хоша на што гудка и не купишь. — О бидной бачка мой! — іонъ пятнатцать литъ на іомъ гудилъ. —

Анюта.

На — все что у меня есть! (*высыпаетъ изъ кошелька, но въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ денежекъ и полушекъ.*)

Маша. (*отошедъ къ мѣшечку, въ которомъ работа ея лежала.*)

Вотъ мой серебряной наперстокъ. Поди бѣдной малой, продай его; я могу и мѣдной употребить.

Фединька.

Постой, бѣдняжка! я хочу также тебѣ помочь. (*наклоняется выстегиваетъ у себя серебренныя пряжки и даетъ ему.*) У меня останутся еще томпаковыя. — За это дадутъ тебѣ рубли два или три. Покойница матушка мнѣ ихъ пожаловала. (*Маша по-*

даетъ ему наперстокъ, а Фединька пряжки, но онъ не принимаетъ).

Федошка.

Ника, ника, куды мнѣ съ эстимъ! я ни смѣю: ища бачка подумаетъ, што я ущащилъ гдѣ нибудь, отъ цаво боже упаси!

Маша.

На, я тебѣ говорю, на, возми мой наперстокъ!

Фединька.

На, возми мои пряжки—или я разсержусь—на, возми!

Маша.

Ежели ты не возмешь, то.—

Федошка.

Ну што мни правотко дилать?—о владыко царь мой!—да вить итто, бояре, вамъ самимъ надыть, а вы мника отдаеше?

Фединька.

Пожалуй не заботься: Богъ насъ за эту малость щедро наградитъ. Тебѣ и отцу твоему ѣсть нечево; я благодаря Бога сытъ, и у меня нѣтъ отца, котораго бы кормить надлежало.

Маша.

Поди, поди скорѣе къ отцу своему.

Федошка.

Да возми хошь ты, боярышня, напирстокъ свой назадъ.

Маша.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Лизанька.

Приходи когда нибудь къ намъ, мы тебѣ также что нибудь подаримъ.

Анюта.

Да, да, приходи; а мы живемъ подлѣ самаго мосту.

Федошка.

Заплати вамъ Господи, милосливые мои доброхоты! — Охъ! — только я ни знаю какъ быть — кабы гудишко мой цѣлъ былъ — не взялъ бы я, нитъ, не взялъ бы ни зашто. —

Фединька.

Перестань хлопотать! поди, бѣдняжка, поди, покуда батюшка не пришелъ.

Федошка.

Вашъ бачка? — іонъ топерь сюда буде?

Маша.

Да, поди, поди!

Федошка. (сквозь слезы.)

Охъ! — охъ! што дилать, надытѣ взять! — ну да какъ іонъ васъ за што бранить станетъ? — ау право, то то добрые, то-то милосливые бояре! — (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Маша, Лизанька, Анюта, Фединька.

Лизанька.

Какъ мнѣ жаль вашихъ пряжекъ!

Анюта.

Мы у васъ перенимать станемъ.—

Фединька.

О нѣтъ! не у меня: я самъ это перенялъ у сестрицы.

Маша.

Ежелибъ я тебя не любила, братецъ, такъ бы я не достойна была имѣть у себя такова родственника. Ты своимъ примѣромъ сдѣлалъ меня гораздо лучшею, нежели я была до тѣхъ поръ, покудова ты не жилъ у насъ въ домѣ.

Фединька. (*зажимая ей рукою ротъ.*)

Эй Машинька! какъ тебѣ хочется меня стыдить?—однакожъ какъ намъ быть, сказать ли батюшкѣ о севоднишнихъ Николашиныхъ поступкахъ? онъ себя очень дурно велъ.

Маша.

Я право не знаю—мы ево опечалимъ—а! да вотъ и самъ онъ.—

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Прежніе; Златогоровъ, Федотка.

(*дѣти нѣсколько смущенно сбираются всѣ въ кучку; Маша и Фединька смотрятъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ на маленькаго Федотку.*)

Златогоровъ. (*къ двумъ гостьямъ.*)

Здравствуйте, мои дорогія! насилу вы къ моимъ дѣтямъ пріѣхали. Здоровъ ли вашъ батюшка и матушка?

Лизанька.

Слава Богу, сударь.

Анюша.

Они приказали вамъ кланяться.

Злашогоровъ.

Эшошъ мальчикъ на дорогѣ увязался за мною и нейдешъ ошъ меня прочь. Я не знаю, чево ему хочешся. (*къ Федошкѣ*) Ну говори, малюшка, что шы мнѣ шакое лепешалъ?

Федошка. (*къ Машѣ и Фединькѣ.*)

Не погнѣвись на меня, мой милосливой боярцинокъ, и шы, моя милосливая боярышня, ради Христа не погнѣвишесь! не могу я ишова гриха на душу приняшь, шшобъ шайкомъ ошъ вашева бачки шшо нибудь у васъ взяшь: я видаю, шшо дишя безъ спросу ошца своего ницаво даваshь не можишъ.

Злашогоровъ.

Чшо шакое вы съ нимъ дѣлали?

Федошка.

Ницаво, цесной бояринъ, ницаво худова! все доброе! — ишошъ боярцинокъ кликнулъ меня съ улицы, шшобъ я на гудишкѣ своемъ посмыцалъ. Тушъ былъ другой боярцинокъ, не шакой доброй какъ ишошъ. —

Злашогоровъ.

Онъ эшо про Николашу говоришъ?

Федошка.

Не погнѣвись, шшо я шакъ баю: шшожъ дилашь, коли надышь сказашь? я здика сшою

и гужу знашъ шы какъ смышлю: милосливыя дитки швои, вошъ ишошъ боярцинокъ и боярышня, пожаловали мни колацика и плашъ во шшо завернушь, да надавали мни шакую куцу денегъ, шшо я и смешы не дамъ.

Злашогоровъ.

Ну?

Федошка.

Ну шушъ пришолъ другой боярцинокъ не шакой доброй какъ ишошъ и съилъ у меня калацъ, кошорой хошилъ было я снесшь къ моему хворому бачкѣ: и шо бы нишъ ницаво, да вишъ шы на биду гудишко мой лежалъ на полу, а іонъ расбижался, да насшупилъ на ево и раздавилъ въ кусоцки.

Злашогоровъ, (*къ Машѣ и Фединькѣ.*)

Правда ли это, дѣши? (*оба они попуплляютѣ глаза.*)

Федошка.

Іонъ не нарокомъ ишо сдилалъ: не сердись на ево.

Злашогоровъ.

Тебѣ за гудокъ швой заплашяшъ, мой другъ, не шужи! все ли шы сказалъ?

Федошка.

Нишъ ища, бояринъ, выслухай меня—я сшою знашъ шы и горько плацу, какъ вошъ ишы дѣшки Твои—Господь Богъ помилуешъ ихъ—съ лихвой хошили вывесшь меня изъ изъяна.—Прикрасная иша боярышня отдала мни

ка свой серебрянной напирстокъ, а доброй итотъ боярцинокъ свои сиребряныя пряжки. Только я не хоцу взять ихъ, нитъ! — бачка мой подумаетъ ища, што я ихъ укралъ! я вслухался, што ты сюда идешъ, то и хотилъ тобѣ объ итомъ сказать: я видаю, што у робятъ своему быть нецаму, и безъ отца брать у нихъ не пригожо. Нитъ, владыко меня отъ итова сохрани! хоша бы гудишко мой и пропалъ—охъ! мой гудокъ! охъ! биднои бачка!

Златогоровъ.

Боже мой—я не знаю—тебя ли мнѣ, или васъ, любезныя мои дѣти, обнять прежде?—но нѣтъ! тебя, безпорочная душа, тебя прежде!—подойди ближе, дай мнѣ прижать тебя къ моему сердцу!—въ совершенной бѣдности—въ крайней нищетѣ—и такъ честенъ! (*обнимаетъ его*).

Федотка.

Цаму дивитца, бояринъ? бачка мой цасто мнѣ баитъ „живи правдою, не завидуй цужому, и помни всегда эту прибабудку: тотъ не богатъ, у ково много палатъ: а тотъ не убогъ, ково любитъ Богъ.“ Вотъ кабы ты кормилецъ мой смиловался, да купилъ мнѣ другой гудишко, такъ бы и вся бида прошла.—На, возми назадъ напирстокъ свой и пряжки!

Златогоровъ.

Знаешь ли что мальчикъ? останься съ нами: ты вотъ этому боярчинку (*указывая на Федиҥьку*) служить будешь, а тамъ посмотримъ.

Федошка.

Итому кормильцу? — ты въ забылъ баешъ? — о! я радъ умереть съ имъ! (*бѣжитъ съ великою радостію поцаловать руку у Фединьки, но вдругъ останавливается и говоритъ печально*), а ктожъ бидново бачку моево кормить станетъ? я буду здѣсь набивать брюхо, а iонъ одинъ голодной сидѣть будетъ? — нитъ кто не дило!

Златогоровъ.

Предоброй малой! кто твой отецъ?

Федошка.

Хворинькой старицокъ; iонъ цуть живъ и ужъ не сможетъ бродить: я своимъ гудишкомъ хлибъ ему добываю, не въ доволь правда, ну да цаво иногда не добуду, такъ Богъ терпѣнье дастъ.

Златогоровъ.

Хорошо! я и отца твоего также пристрою; у меня не подалеку отсель въ деревнѣ выстроена для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ моихъ больница, гдѣ за ними смотрятъ и всякое попеченіе имѣютъ; я тамъ ему дамъ мѣстечко.

Ѳ е д о ш к а. (*съ радостнымъ крикомъ бѣгая въ чрезвычайномъ восторгѣ по горницѣ.*)

О царь мой небесный!—машь пресвятая Богородица!—бачка! бачка! я шебѣ радость принесу!—нишъ не смогу больше! серцо у меня въ пазухѣ шакъ и прыгаешъ!—пустише! побѣгу, побѣгу къ нему! — о сердешной мой бачка!—о—хъ! о!—(*уходитъ*).

З л а ш о г о р о в ъ. (*утираетъ себѣ глаза и у дѣтей текутъ слезы по лицу.*)

О любезныя дѣши мои! какой для насъ щасшливой день! вамъ благодаренъ я за эшу радосшь. (*садится*). Подише ко мнѣ, дайше мнѣ себя обняшь! (*всѣ брасаются къ нему и нѣсколько минутъ продолжается душеумилительное молчаніе*) Ты, Ѳединька, (*положа на щеку къ нему свою руку, которую сей съ великимъ жаромъ цалуетъ.*). Ты ошнынѣ будь сынъ мой, испинный мой сынъ! шы досшоинъ въ сердцѣ моемъ имѣшь одинакое мѣсшо съ другимъ моимъ сыномъ: попеченія мои о шебѣ не будушъ ни въ чемъ различны ошъ попеченій моихъ о немъ. (*обнимаетъ Ѳединьку, которой охвативъ его руками безмолвенъ виситъ у него на шѣи*).—О ежели бы Николаша мой шаковъ былъ какъ шы!—да гдѣ эшошъ шалунъ?

М а ш а.

Когда онъ по неосшорожносши насшупилъ на гудокъ, шо испугался и ушолъ ошсел҄ѣ.

Лизанька.

Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе; Николаша.

(*Николаша входитъ съ потупленными глазами, держа въ рукахъ кусокъ золотаго позументу: взглядываетъ изъ подлобья и видя другихъ дѣтей въ объятіяхъ отца своего, со стыдомъ останавливается*).

Злашогоровъ.

Что ты нейдешь ко мнѣ, Николаша?

Николаша.

Не могу—батюшка!

Злашогоровъ.

Для чего?

Николаша.

Я недостоинъ такой любви отъ васъ, какую вы имѣете къ другимъ вашимъ дѣтямъ.

Злашогоровъ.

Сердце твое тебя въ томъ уличаетъ? (*Николаша плачетъ*) поди ко мнѣ! я знаю все, что ты сдѣлалъ.

Николаша.

Нѣтъ — ежели бы все знали — вы бы не стали говорить со мною такъ милостиво. Накажите меня, батюшка! я заслуживаю быть наказанъ.

Злашогоровъ.

За что?

Николаша. (сначала не можетъ отъ слезъ промолвить.)

Я—во всемъ вамъ признаюсь. — Сперва вмѣсто того, чтобъ сидѣть за переводомъ, я скакалъ все по горницѣ, и затѣмъ урока своего не могъ доканчить.—Growing Фединька былъ такъ добръ, что не желая отличить себя передомною, изодралъ для меня свой переводъ.

Златогоровъ. (ласкаетъ Фединьку.)

Предоброе дитя!

Николаша.

Потомъ выпросилъ онъ мнѣ у Ивана Карповича позволеніе остаться внизу, и отвѣчалъ за меня, что я конечно ничего худаго не сдѣлаю. — Но лишь только сошли мы внизъ, какъ я вспрыгнулъ на стулъ, упалъ съ него и уронилъ сестрицу на полъ.

Златогоровъ.

Этова я не слыхалъ!

Николаша.

Ахъ! это еще не все! послѣ того пролилъ я чашку чаю на Анютино платье, и между тѣмъ какъ другіе старались его вытирать, я о томъ ни мало не заботился, и выпилъ всѣ сливки изъ молошника.

Златогоровъ.

Вѣтреность и скорость твоя не допустили тебя разсудить, что это непристойно и дурно?

Николаша.

Да, батюшка сударь!—потóмъ съѣлъ я крендель убѣднова мальчика, и когда побѣжалъ отселѣ съ тѣмъ, чтобъ принесть ему также что нибудь, то наступилъ на ево гудокъ и раздавилъ.

Златогоровъ.

Что же ты въ сердцѣ своемъ чувствуешь обо всемъ этомъ здраво разсудя?

Николаша. (*всхлипывая.*)

А—ахъ!

Златогоровъ.

Я увѣренъ, что ты все это сдѣлалъ не нарочно и безъ умыслу; однакожъ отъ вѣтрености, отъ прометчивости, отъ того, что ты никогда о дѣлахъ своихъ не размышляешь. Разсуди сколько ты досадилъ другимъ! и какая бы могла произойти изъ того бѣда, ежели бы твое щастіе, или паче милость божеская тебя отъ оной не избавили? себя самого и сестру свою могъ ты убить; бѣдной мальчикъ и отецъ его хворый старикъ отъ тебя лишились бы своего пропитанія: отъ тебя! — подумай это, ты бы причиною былъ ихъ голода, можетъ быть ихъ смерти—ты, мой сынъ!—Дѣтская рѣзвость и необузданность хотя не есть настоящій порокъ, однакожъ дурная, очень дурная привычка, отъ которой часто такое-

же зло приключается, какъ и отъ самого порока. Ежели ты все таковъ будешь —

Николаша.

Нѣтъ, батюшка сударь, нѣтъ, я никогда таковъ не буду!

Златогоровъ.

Дай Богъ, чтобъ ты слово свое сдержалъ.— Да что это у тебя за позументъ въ рукахъ?

Николаша.

Я споролъ ево съ моей старой шляпы, и хотѣлъ отдать этому мальчику. Я по всему дому искалъ васъ батюшка, чтобъ вамъ объ этомъ сказать, но не могъ найти; а другова у меня ничего не было.

Златогоровъ.

Ну это не вина.—Пойдемте, любезныя дѣти, къ матери вашей, и скажемъ ей какой севодни у васъ былъ праздникъ. Какъ я сожалѣю о тебѣ, Николаша, что сердце твое въ нашей радости не примешъ никакого участія!

ДѢВУШКА, ЛЮБИВШАЯ ТЮЛЬПАНЫ.

Одной осмилѣтней дѣвушкѣ нравилась чрезмѣрно въ саду отца ея гряда, усаженная тюльпанами.

Подобно пригожей бабочкѣ перелетывала она отъ одного цвѣтка къ другому и не могла довольно ими налюбоваться.

Между тѣмъ никогда не пеклась она о кореньяхъ сихъ цвѣтовъ.

Однажды пришла осенью въ садъ къ своему отцу въ то самое время, когда онъ всѣ тюльпаны велѣлъ поломать и осушенныя луковицы снова посадить въ землю.

Съ великимъ смущеніемъ и удивленіемъ смотрѣла она на работу отца своего.

Напослѣдокъ жалкимъ голосомъ сказала ему:

Ахъ, батюшка! что вы это такое сдѣлали?

За чѣмъ вы.... (*тутъ она прослезилась*), за чѣмъ вы всѣ прекрасныя тюльпаны поломали, и вмѣсто ихъ насадили такихъ негодныхъ луковицъ?

Отецъ отвѣчалъ ей, что она не знаетъ для чего это дѣлается, и хотѣлъ ей растолковать, что сіи луковицы суть коренья, изъ которыхъ въ будущую весну новыя тюльпаны вырастутъ; однакожъ Аннушка (такъ называлась сіе дитя) повтореніями жалобъ своихъ не дала ему ни слова выговорить.

Отецъ видя, что она въ сіе время не въ состояніи была его выслушать, велѣлъ ей замолчать и идти домой.

Послѣ того, когда бывало зимою станутъ говорить о цвѣтахъ, то Аннушка всякой разъ вздохнетъ и сама про себя тихонько скажетъ; куда жаль, что батюшка при-

казалъ испортить такую прекрасную гряду съ тюльпанами!

Пришла весна, выросли тюльпаны.

Аннушка не была еще въ саду; совѣтуютъ ей туда идти.

Долго не соглашалась она и говорила, что она съ тѣхъ поръ, какъ поломали тюльпаны, не находитъ въ саду никакова удовольствія.

Напослѣдокъ однакожъ пошла.

Какъ велико было ея удивленіе и радость, когда глазамъ ея вдругъ столько пушистыхъ тюльпановъ представилось!

Сперва въ радостномъ смущеніи стояла она неподвижно, потóмъ бросилась въ объятія къ своему отцу и благодарила его, что онъ велѣлъ вырыть луковицы и насадить опять тюльпановъ.

Отецъ увѣрялъ ее, что этова не было, но что тюльпаны выросли изъ тѣхъ самыхъ луковицъ, которыя она въ прошлую осень видѣла какъ ихъ садили.

Этова она не могла понять, покуда отецъ не показалъ ей того выдернувъ изъ земли одинъ тюльпанъ и съ луковицею.

Тогда Аннушка устыдясь стала у него просить прощенія въ томъ, что прошлую осень такъ безразсудно жаловалась на его поступки.

„Я тебѣ это охотно прощаю, душа моя,

„сказалъ отецъ, видя, что ты теперь узна-
„ла, какъ легко могутъ ошибаться дѣти,
„когда они пересуждаютъ поступки возму-
„жалыхъ людей.

„Я надѣюсь, что сіе приключеніе сдѣ-
„лаетъ тебя такъ осторожною, что ты
„впредь скорѣе въ собственномъ мнѣніи сво-
„емъ усумнишься, нежели станешь хулить
„дѣла такихъ людей, которые и старѣе
„тебя и искуснѣе.

Такъ, батюшка сударь, отвѣчала Аннушка, я впредь конечно такъ поступать буду, и ежели когда покушусь счесть себя разумнѣе другихъ, то тотчасъ вспомню о тюльпанахъ.

Отецъ по просьбѣ ея принужденъ былъ сдѣлать ей вѣеръ, на которомъ съ одной стороны нарисованы были разбросанныя тюльпанныя луковицы, а съ другой прекрасной пукетъ изъ тюльпановъ.

Даже предостерегаетъ она разговоры маленькой своей подружки, (съ симъ добрымъ намѣреніемъ, чтобъ то ей также къ исправленію служило), и когда та начнетъ о чемъ нибудь разсуждать скоро и не подумавши, то она тотчасъ покажетъ вѣеръ и пошепчетъ ей дружески на ушко: сестрица голубушка, а тюльпаны!

НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМЪ УТѢХАМЪ.

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже:
Въ зимній холодъ
Всякой молодъ,
Всѣ игривы,
Всѣ шутливы:
Въ долгу ночку
Къ огонёчку
Всѣ сберутся,
Стары, малы,
Точатъ балы
И смѣются..
А какъ машки
Придутъ свяшки,
Тутъ-то грохотъ,
Игры, хохотъ;
О какіе
Тутъ дурные
На игрищи
Есть личищи!
А плутишкамъ
Ребятишкамъ
Тамъ и нравно

Гдѣ забавно,
Гдѣ пирушки,
Гдѣ игрушки,
И гдѣ смѣхи,
Скачки, пляски,
Пѣсни, сказки,
Всѣ утѣхи.
А снѣжки-то?
Комъ свернися!
А коньки-то?
Стань, катися!
А солазки? —
Эй ребята!
По подвязки
Нада съ брата:
Привяжите:
Ну! везите:
Ѣдемъ въ Питеръ.
Я пусть кучеръ,
Вы лошадки
Рѣзвоноги —
Прочь съ дороги!
Держи право!
Ай ребятки!
Ну ужъ браво!
Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночки;
Не видали
Какъ часочки

Пролетали.
Тольколь дѣла
Что катайся?
Чѣмъ изволишь
Забавляйся:
Отъ ученья
За веселье,
Отъ веселья
За ученье.
Всяко время,
Мнѣ не бремя,
И зимою
Какъ весною,
Слава Богу,
Не скучаю,
Но вкушаю
Радость многу.

~~~~~~~~~~

СОФЬЮШКА И МАТЬ ЕЯ.

Мать.

Для чего Аннушка пошла отъ тебя съ слезами прочь, а ты сидишь одна и такъ пасмурно?—что ты мнѣ не отвѣчаешь?

Софьюшка.

Ахъ! матушка, сударыня—

Мать.

Что такое? ты запинаешься? это не доброй знакъ.
~~~~~~~~~~

Софьюшка.

Ей хотѣлось моей куклы —

Мать.

Ну!

Софьюшка.

А я не дала ей.

Мать.

Не дала? да развѣ куклы съ тобою здѣсь не было?

Софьюшка.

Была.

Мать.

Или тебѣ самой играть хотѣлось?

Софьюшка.

Нѣтъ.

Мать.

Такъ развѣ Аннушка неосторожно поступаетъ съ куклами и ломаетъ ихъ?

Софьюшка.

Нѣтъ, я у нее недавно изломала куклу.

Мать.

Какаяжъ была причина, что ты не дала ей своей куклы?

Софьюшка.

Такъ—мнѣ не хотѣлось.

Мать.

Тебѣ не хотѣлось сдѣлать сестрѣ своей удовольствія? этова я отъ тебя никогда не ожидала.

(Софьюшка плачетъ.)

Машь.

Не плачь; слезами не поможешь. Скажи мнѣ лучше, какъ это было. Сперва прозьба ея шебѣ не понравилась, и шы хошѣла, чшобъ кукла швоя была при шебѣ; шакъ ли?

Софьюшка.

Такъ, машушка.

Машь.

Ты не разсудила, что шы ошказомъ своимъ сдѣлаешь сесшрѣ неудовольсшвіе, шакъ ли?

(Софьюшка плача.)

Такъ сударыня.

Машь.

Но шы видишь, чшо случаешся съ шѣми, кошорые не хошяшъ другимъ дѣлашь удовольсшвія. Она пошла ошъ шебя и заплакала—шы осшалась одна—веселоль шебѣ было?

(Софьюшка плача.)

Нѣшъ, машушка.

Машь.

Ошъ чевожъ невесело? ошъ шово ли, чшо шы сдѣлала хорошо; или ошъ шово, чшо худо?

(Софьюшка плача.)

Ошъ шово, чшо худо.

Машь.

Конечно шакъ: хорошо сдѣлавши не льзя бышь печальну, а худо сдѣлавши не льзя бышь

веселу. Давъ ей свою куклу ты бы сдѣлала ей удовольствіе; такъ ли по твоему?

Софьюшка.

Такъ сударыня,

Мать.

Помнишь какъ она радовалась вчера, когда ты уступила ей свои карты?

Софьюшка.

Помню, сударыня.

Мать.

Вить и тебѣ самой весело тогда было на нее смотрѣть?

Софьюшка.

Весело.

Мать.

А теперь весело ли тебѣ сидѣть здѣсь одной?

Софьюшка.

Ахъ, нѣтъ сударыня.

Мать.

Ну такъ ты видишь, что всевозможнымъ образомъ должно стараться всякому дѣлать угожденіе. Помни впередъ, что когда тебя о чемъ просятъ, а ты могти то сдѣлать и не сдѣлаешь, такъ лишишься собственнаго своего удовольствія. Когда бы ты сестру свою утѣшила, то не сидѣла бы теперь потупя носъ одна въ углу.

УСЛУГИ СНИСКИВАЮТЪ ЛЮБОВЬ.

Услужливой Федюша пошелъ съ сосѣдомъ своимъ Васею искать цвѣтовъ. Оба они на дорогу съ собой взяли по пирожку.

Въ полѣ встрѣтилась съ ними бѣдная женщина, а за нею бѣжалъ мальчишко и плакалъ.

Ахъ, милое дитятко, сказала она Васѣ, пожалуй мальчишкѣ моему кусочикъ пирожка; онъ ужъ цѣлыя сутки ничего не ѣлъ.

Мнѣ самому ѣсть хочется, отвѣчалъ Вася, и отвернулся отъ нее.

Но что сдѣлалъ Федюша?.... Онъ хотя самъ былъ голоденъ, однакожъ видя мальчишку въ слезахъ отдалъ ему весь свой пирожокъ. Мальчишко самъ себя отъ радости не помнилъ, и мать стала за Федюшу Богу молить.

Потомъ мальчишко побѣжалъ и показалъ ему одно мѣсто, гдѣ много было цвѣтовъ. Федюша рвалъ, а мальчишко ему помогалъ.

И такъ Федюша возвратился домой съ большею вязью цвѣтовъ, а Вася съ маленькою.

На другое утро пошли они за тѣмъ же самымъ, и съ ними былъ еще третій мальчикъ, Митюша.

Какъ они отошли нѣсколько, то Митюша сказалъ: братцы! я потерялъ пряжку, пособите мнѣ ее сыскать.

Мнѣ недосугъ, отвѣчалъ Вася, и побѣжалъ далѣе. Федюша, воротился назадъ и сталъ съ Мишюшею искать пряжки.

Они скоро ее нашли, и потомъ также побѣжали за цвѣтками.

Мишюша сколько ихъ ни нашелъ, подарилъ всѣ тому, кто пособилъ ему сыскать пряжку, а другому ничего не далъ.

Такимъ образомъ и въ этотъ день Федюшѣ больше досталось цвѣтовъ, нежели Васѣ; отъ того шелъ онъ веселе домой, а тотъ пасмурно.

На третій день пошли они тудаже искать цвѣтовъ, но на дорогѣ встрѣтился съ ними тотъ мальчишко, которому Федюша отдалъ свой пирожокъ, и у него было много пригожинькихъ цвѣтковъ, которые всѣ подарилъ онъ Федюшѣ; ибо онъ нарочно для него ходилъ ихъ искать.

Вася хотѣлъ было также нарвать себѣ нѣсколько цвѣтковъ, но не нашелъ ни одного. потому что мальчишко уже всѣ ихъ сорвалъ. И такъ у Васи въ этотъ день не было ни одного цвѣтка.

А какъ они возвращались домой, то встрѣтился съ ними маленькой Мишюша.

,,Любезный дружокъ! сказалъ онъ Фединь-
,,кѣ, съ тѣхъ поръ, какъ ты помогъ мнѣ сыс-
,,кать мою пряжку, я такъ тебя полюбилъ,
,,что желалъ бы всегда съ тобою быть вмѣстѣ.

„Пойдемъ пожалуйста къ намъ, у насъ „въ саду севодня будетъ много ребятишекъ „и мы станемъ играть.

„И батюшка мой тебя очень полюбилъ! „онъ велѣлъ мнѣ тебя позвать; онъ самъ „хочетъ севодня съ нами играть, и много „новыхъ игоръ намъ покажетъ.

Фединька съ радостію побѣжалъ къ нему въ садъ; а Вася..... принужденъ былъ съ скукою остаться одинъ, потому что ево туда не звали.

Тутъ узналъ онъ, какъ хорошо быть ласковымъ и услужливымъ противъ каждаго! Онъ сталъ таковъ, и съ того времени также какъ и Фединька сдѣлался всѣми любимъ.

ШУТЪ И ИЗВОЩИКЪ.

Шутъ однажды шелъ черезъ поле.

На пути встрѣтился съ нимъ извощикъ, которой по весьма каменистой и негладкой дорогѣ лошадей своихъ такъ гналъ, что они принуждены были бѣжать во всю прыть.

Могу ли я, спросилъ онъ у шута проѣзжая мимо его, севодня къ вечеру поспѣть въ городъ?

Шутъ отвѣчалъ: ежели ты тише поѣдешь.

Этотъ человѣкъ конечно не въ своемъ

умѣ, подумалъ извощикъ, и погналъ лошадей еще болѣе.

Къ вечеру шутъ возвращаяся по тойже дорогѣ назадъ, нашелъ этова извощика опять почти на томъ же мѣстѣ и въ великихъ хлопотахъ.

Отъ того, что онъ по каменью гналъ, изломалось у него колесо.

И такъ онъ принужденъ былъ съ коляскою остаться на одномъ мѣстѣ и тутъ ночевалъ.

Не говорилъ ли я тебѣ, сказалъ шутъ, что надобно ѣхать тише, ежели хочешь поспѣть въ городъ?—

Этотъ же шутъ имѣлъ чудную привычку смѣяться, когда идетъ на гору, и плакать, когда съ горы на другую сторону спускается.

Для чего бы онъ это дѣлалъ?

Когда я на гору всхожу, сказывалъ онъ, то помышляю о пріятной долинѣ, въ которую съ другой стороны горы спускаться буду, и заранѣе тѣмъ увеселяюсь.

А когда на низъ схожу, то думаю, что, скоро другая гора на пути мнѣ встрѣтится, и напередъ представляю себѣ трудъ, которой буду я имѣть всходя на онуую. Не худо было бы, примолвливалъ онъ къ тому всегда, естьлибъ всѣ люди во время щастія и нещастія своей жизни тожъ дѣлали:

меньше бы они въ щастіи были горды, а въ нещастіи малодушны.

ВЕСНА.

Полно, полно прятать носъ:
Теплый дышетъ вѣтерокъ,
Минулъ холодъ и морозъ,
Распускается листокъ:

Таютъ снѣги на горахъ,
Рѣчки быстрыя текутъ,
Травки и цвѣтки въ лугахъ
Зеленѣяся растутъ.

Вьется ласточка кругомъ,
И, какъ въ морѣ корабли,
Долгимъ тянутся гужомъ
Длинноноги журавли.

Слышенъ птичекъ звонкій гласъ,
Веселится взоръ и грудь:
Всякой день и всякой часъ
Вновь увидишь что нибудь.

Тамъ раскинулся пучокъ,
Тамъ соловушка запѣлъ,
Тамъ явился червячокъ,
Тамъ листочикъ зашумѣлъ.

Изъ простой травинки тамъ
Незабудка стала вдругъ,
Зелень зрится по кустамъ,
Испещренъ цвѣтами лугъ.

Затрубилъ пастухъ въ рожокъ,
Заблеялъ барашикъ мой,
Скачетъ прямо на лужокъ:
Ахъ какъ весело весной!

МОЛОДОЙ БЫКЪ ЛГУНЪ.

Одинъ молодой быкъ имѣлъ дурную привычку всегда лгать.

Когда онъ съ большими быками на паствѣ былъ, то находилъ глупое удовольствіе въ томъ, чтобъ ихъ пугать и надъ ними смѣяться.

Онъ прятался иногда за кусты и вылъ по волчьи.

Старые быки услышавъ вой прибѣгали тотчасъ туда, чтобъ не допустить волка поймать котораго нибудь изъ молодыхъ быковъ.

Однако на томъ мѣстѣ, гдѣ слышанъ былъ вой, ни ково они не находили, кромѣ этова молодова быка лгуна, которой всегда въ сіе время притворялся, будто онъ спитъ.

Они скоро примѣтили, что это онъ

проказничаетъ, и не стали ему съ тѣхъ поръ ни въ чемъ вѣрить.

Въ одинъ вечеръ этотъ молодой быкъ лгунъ, поудалившись нѣсколько отъ нихъ, нечаянно увидѣлъ настоящаго волка, которой изъ за-кустовъ выскочилъ.

Онъ не могши отъ него ни уйти, ни обороняться, поднялъ ужасное рычанье.

Му! му! му! рычалъ онъ; то есть помогите, помогите, волкъ!

Однакожъ изъ старыхъ быковъ ни одинъ не разсудилъ за благо къ нему бѣжать, думая, что онъ ихъ опять обманываетъ.

Тогда голодной волкъ напалъ на него, ухватилъ за горло и началъ его жрать.

Ахъ! умирая сказалъ онъ со вздохомъ, какъ худо бываетъ тѣмъ, которые обманываютъ другихъ!

ФЕДЮША,

которой хочетъ быть Княземъ.

Федюша говорилъ всегда: я хочу быть Княземъ.

Для чего? спрашивалъ у него отецъ.

Тогда всѣ люди стануть мнѣ давать деньги, отвѣтствовалъ онъ, и должны будутъ исполнять мою волю.

Въ одно время идучи по улицѣ случилось Федюшѣ увидѣть, что двухъ разбойниковъ вѣшають. Сіи нещастные привели его въ жалость, и онъ спросилъ у своего дядьки:

За что ихъ умерщвляютъ? гдѣ Князь? и для чего онъ сіе терпитъ?

Сказали ему, что доброй Князь не только сіе терпѣть, но и повелѣвать долженъ.

Для чего это? спросилъ Федюша.

Для того, отвѣчалъ ему, что подданные его не будутъ безопасны отъ разбойниковъ, ежели сихъ не станутъ наказывать.

Онъ это понялъ.

Послѣ сего не слышно было, чтобъ онъ когда нибудь пожелалъ быть Княземъ; а говорилъ всегда, что онъ купцомъ быть хочетъ.

Для чегожъ не Княземъ? спросилъ у него отецъ.

Нѣтъ, отвѣчалъ Федюша, неравно опять придутъ разбойники, и мнѣ надобно будетъ приказать ихъ повѣсить, этова я не могу!

Такъ, моя душинька! сказалъ отецъ, чѣмъ выше степень, тѣмъ труднѣе должности.

Кто благоразуменъ, тотъ дѣлаетъ какъ ты теперь; не тщится быть большимъ человѣкомъ, для того, что съ великими достоинствами сопряжены всегда великіе труды и попеченія.

Сему научиться можно изъ басенки: Оселъ и Верблюдъ. (см. выше, стран. 79).

ХУДЫЯ СЛѢДСТВІЯ НЕОПРЯТНОСТИ.

Тимоша былъ изрядной мальчикъ; учился прилѣжно и слушался своихъ родителей.

Да только имѣлъ тотъ одинъ за собой порокъ, что небережливъ былъ на платье и ходилъ всегда неопрятно.

Иногда у него руки грязны, иногда ногти не острижены, иногда лице замарано, иногда рубашка чорная, иногда чулки опустились, иногда кафтанъ засусленъ либо изодранъ.

Самыя прекрасныя вещицы, которыми отецъ и мать его дарили, въ рукахъ его не долго были прекрасны: онъ ихъ либо запачкаетъ, либо изломаетъ, либо потеряетъ.

Хотя ему и очень чувствительно было слышать, когда бывало его за то осуждали, такъ что онъ нерѣдко отъ того плакалъ, однако такую уже сдѣлалъ къ сей лѣности и нераденію привычку, что всегда въ тотъ же порокъ опять впадалъ.

Въ одинъ день бѣгалъ онъ съ братцами и сестрицами своими по саду и потерялъ пряжку.

Лѣнь ему было подумать хорошенько, не вспомнитъ ли гдѣ это случилось, и пойти туда поискать; а между тѣмъ безъ пряжки бѣгать неловко, башмакъ сваливается.

И такъ сталъ онъ просить пряжекъ у

братца своего Николаши, которой былъ въ сапогахъ.

Услужливой Николаша позволилъ ему взять свои пряжки, и сказалъ гдѣ онѣ лежатъ.

Тимоша побѣжалъ скорѣе домой, схватилъ Николашины пряжки, застегнулъ ихъ кое какъ на скорую руку, спѣша обратно въ садъ, и черезъ часъ мѣста и тѣ опять потерялъ.

Какъ быть? гдѣ взять пряжки? на другой день отецъ его узналъ объ этомъ и сказалъ ему: ну Тимоша! я тебѣ много разъ говорилъ, не будь такой рохля.

Вотъ ты не только свои, да и братнины пряжки потерялъ. Когда ты вещей своихъ беречь не хочешь, такъ будь безъ нихъ. Безъ пряжекъ выходить не льзя: и такъ сиди дома.

Тимоша заплакалъ.

Другъ мой, сказалъ отецъ, самъ ты слезъ своихъ причиною. Мнѣ очень жаль тебя, да нечего дѣлать: купить тебѣ пряжки, это бы было пріучать тебя къ тому пороку, за которой я давно уже тебя осуждаю, и отъ котораго, ежели бы тебя кто отъучить могъ, я бы тому тысячу пряжекъ дать не пожалѣлъ.

Батюшка сударь, сказалъ въ слезахъ Тимоша, я знаю, что я виноватъ, очень виноватъ, и буду конечно стараться исправить

себя; но коли вы не простите меня, и не пожалуете мнѣ пряжекъ, такъ я цѣлое лѣто долженъ буду не выходить изъ горницы.

Я тебя охотно прощаю, сказалъ отецъ, да только не могу тебѣ помочь. Ты самъ на себя навлекъ эту великую бѣду, то и долженъ самъ себя отъ ней избавлять.

Ахъ, батюшка сударь! да какъ могу я это сдѣлать?

Я радъ вмѣстѣ съ тобою думать о способѣ, сказалъ отецъ. Мнѣ помнится—да! врядъ можно ли найти лучше этова способа, мнѣ помнится, мать твоя выучила тебя вязать снурки: ежели ты ихъ столько навяжешь, что продавъ можешь за эти деньги купить себѣ пряжки, тогда надѣнешь ихъ и свободенъ будешь выходить изъ дому.

Какъ ни тяжко было для Тимоши сидѣть дома и вязать снурки въ то время, когда другія дѣти гуляютъ, и хотя этова не могъ онъ сдѣлать скоро, однакожъ радъ былъ, что покрайней мѣрѣ имѣетъ надежду когда нибудь побывать опять въ саду.

Онъ трудился весьма прилѣжно надъ снурками, и не одинъ разъ далъ себѣ вѣрное слово впредь быть осторожнѣе и опрятнѣе.

И дѣйствительно нѣсколько времени послѣ того былъ таковъ; но пряжки были уже куплены, горе прошло, старая привычка беретъ всегда силу надъ тѣми людьми, ко-

торые ей хоть чуть уступають, забывая сколько отъ ней пострадали; Тимоша рѣдко приводилъ себѣ это на память, и такъ опустился опять по прежнему.

Между тѣмъ батюшка его, матушка, братцы, сестрицы, и еще два сосѣда ихъ съ своими семьями, собирались ѣхать къ одному пріятелю своему, которой жилъ отъ нихъ верстахъ въ пятидесяти.

Давно уже сговаривались они ѣхать къ нему въ гости, но все какъ-то не удавалось. Поѣздка эта обѣщевала много пріятности и веселія, а особливо для дѣтей.

Во первыхъ это было въ самую лучшую лѣтнюю пору, когда уже многія ягоды поспѣли; во вторыхъ для лучшаго удовольствія положено было ѣхать рѣкою на большемъ суднѣ; въ третьихъ дѣтей было такое множество вмѣстѣ и всѣ между собою дружны; наконецъ въ четвертыхъ господинъ этотъ, къ которому ѣхали, былъ человѣкъ также семьенистой, жилъ на прекрасномъ мѣстѣ и имѣлъ у себя большой садъ, гдѣ было множество всякаго рода ягодъ, и сверхъ того еще пруды, качели, бесѣдки, рощицы и разныя увеселительныя мѣстечки.

И такъ для дѣтей это былъ большой праздникъ: онѣ очень обрадовались, какъ услышали, что день къ отъѣзду уже назначенъ.

А больше всѣхъ радовался Тимоша, которой друженъ былъ съ дѣтьми этова господина, и которому очень хотѣлось туда ѣхать.

День насталъ, всѣ собрались; пришли сказать, что судно у берегу стоитъ готово: послали за дѣтьми, они всѣ прибѣжали прыгая отъ радости, въ томъ числѣ и Тимоша.

Но какое нещастіе! всѣ дѣти одѣты были порядочно, кромѣ Тимоши, у котораго камзолъ былъ залитъ чернилами, чулки съ дирами, шляпа вся въ салѣ, кафтанъ измаранъ, продранъ и пуговицы на немъ многія оторвались, а другія чуть висѣли.

Отецъ и мать увидя его покраснѣли отъ стыда. Отецъ взялъ его за руку, подвелъ къ большому зеркалу и сказалъ: посмотри на себя, Тимоша, похожъ ли ты на господскаго сына? не всякой ли, взглянувъ на тебя, подумаетъ, что ты поваровъ сынъ, и что должность твоя чистить на кухнѣ кострюли?

Надобно о тебѣ всякому сказывать, что ты сынъ мой: безъ того не повѣрятъ; да притомъ еще и то къ стыду моему долженъ я воображать, что всякой обо мнѣ подумаетъ: вотъ какой отецъ! какъ худо смотритъ онъ за своими дѣтьми!

Жаль мнѣ тебя, но съ собою взять не льзя: ты долженъ остаться дома.

Можно себѣ представить, каково было Тимошѣ услышать сіи слова: онъ весь поблѣднѣлъ, и минуту спустя залился горькими слезами.

Всѣ надъ нимъ сжалились; отецъ, сколь ни считалъ нужнымъ и полезнымъ для него такое наказаніе, однакожъ, видя жестокую печаль его и раскаяніе, хотѣлъ перемѣнить свое слово и взять его съ собою, дождавшись покуда онъ переодѣнется.

Но по нещастію хотя и можно было перемѣнить чулки, однако шляпа такъ была замарана, что трудно было ее вычистить; да притомъ хотя и было у него два кафтана, но другой отданъ былъ портному, которой не успѣлъ еще починить его, для того что онъ также очень былъ засусленъ и изодранъ.

И такъ ни какимъ образомъ не льзя было Тимошу взять съ собою.

Всѣ поѣхали, а онъ одинъ остался дома.

Трудно изобразить скуку его и горесть, какую чувствовалъ онъ во все то время, покуда поѣздка эта продолжалась: какъ ни прекрасна была погода, онъ ни разу не вышелъ изъ горницы, и даже не подходилъ къ окошку.

Печаль его долго и тогда не прошла, когда уже всѣ вазвратились, для того что дѣти безпрестанно между собою разгова-

ривали и воспоминали тѣ веселости, которыя онѣ тамъ имѣли, и всегда твердили: ахъ! какъ жаль, Тимоша, что тебя съ нами не было: что это за садъ! что за веселіе!

Случай этотъ и долговременная печаль Тимошина послужили однакожъ ему въ пользу. Испытавъ худыя слѣдствія неопрятности, онъ принялъ твердое намѣреніе всегда себя осматривать, и мало по малу такъ пріучился къ чистотѣ, что уже никому въ томъ не уступалъ.

Сперва ему нѣсколько трудно было къ тому привыкать; онъ часто забывался, однакожъ вскорѣ приводилъ себѣ на память какъ скучное вязаніе снурковъ, такъ и пріятную для другихъ, а не для него, поѣздку въ гости; и чтобъ чаще напоминать себѣ о томъ, то вытвердилъ онъ слѣдующую пѣсню, которую бывало всегда пѣвалъ.

Дѣти, дѣти! неотмѣнно
Должно чисту быть всегда;
И каменье драгоцѣнно,
Естьли пылію покрыто,
Естьли грязи въ немъ набито,
Не годится никуда.

Чистота имѣетъ свойство
Въ насъ раждать веселый нравъ;
Легкость, здравіе, проворство,

Ловкость, вѣжливость вселяетъ;
Вялость, грубость отнимаетъ,
Тьму приноситъ намъ забавъ.

На источникъ вы взгляните
И съ болотною водой
Воду чистую сравните:
Та подъ тиной въ ямѣ плачетъ,
А сія бѣлѣясь скачетъ
По каменьямъ съ быстриной.

МОЖНО ИСПРАВИТЬСЯ, КОГДА ТВЕРДО ТОГО ЗАХОЧЕШЬ.

Вамъ, дѣти, впадшія, по нещастію въ какую либо худую привычку, вамъ во утѣшеніе скажу я нѣчто, изъ чего бы вы увидѣли, что всякой порокъ исправить можно, когда только твердо того захочешь.

Маша, премилая дѣвочка, до шести лѣтъ возраста своего была утѣхою своихъ родителей.

Потомъ, не знаю какимъ образомъ, заняла она негодныя повадки, приличныя только тѣмъ собакамъ, которыхъ называемъ мы злыми и сердитыми.

Когда бывало услышитъ она, что ее за дурныя поступки не хвалятъ, то всегда надувала губы. А когда кто нибудь возметъ

нѣчто изъ ея вещей, то она бросалась на того съ такою злостію, что рада была его укусить.

Естьли прикажутъ ей сдѣлать, чего она не хочетъ, или откажутъ въ томъ, чево ей хочется; то она или заворчитъ нахмурившись, или идучи съ сердцемъ изъ горницы хлопнетъ изо всей силы дверью.

Съ тѣхъ поръ отцу своему и матери наводила она великую печаль, и не было ни одного человѣка въ домѣ, которой бы ее любилъ.

Хотя часто приходила она въ раскаяніе, и сдѣлавши худо иногда горько о томъ плакала, однакожъ впередъ отъ того не воздерживалась.

Въ одинъ вечеръ (это было въ святки) вбѣжала она за матерью, которая въ покрытой корзинкѣ принесла нѣчто, въ другую комнату.

Мать не хотя, чтобъ она тутъ была, велѣла ей выттти вонъ: тутъ-то насупилась она и хлопнула дверью такъ сильно, что окна задрожали.

Спустя полчаса мать кликнула ее къ себѣ. Какъ удивилась она, когда вошедъ увидѣла, что вся комната освѣщена была, а по срединѣ стоялъ покрытой столъ и на немъ множество разныхъ игрушекъ лежало! Она не могла выговорить ни слова.

Подойди ближе, Маша! сказала машь, и прочишай вошъ эшу бумажку, для ково все это сдѣлано.

Маша подошла и развернувъ бумажку, которая поверьхъ игрушекъ лежала, нашла въ ней сіи слова: *тихому дитяти въ награжденіе за его послушаніе.* — Она шотчасъ поштупила глаза и не сказала ни слова.

Ну, Маша! спросила машь, для ковожъ это? — Не для меня, ошвѣчала Маша, и слезы навернулись у нее на глазахъ.

Вошъ здѣсь другая бумажка, сказала машь, посмошримъ, шушъ не о шебѣ ли сказано.

Маша прочишала: *упрямому и непослушному дитяти, которое признается въ своемъ порокѣ и захочетъ исправиться* — Это я, это я! вскричала она и бросилась съ горькими слезами къ машери своей на шею. Машь ея шакже заплакала и ошъ печали, что видѣла дочь свою въ худомъ поведеніи, и ошъ радосши, что привела ее къ раскаянію.

Ну шакъ возьми ихъ себѣ, когда они швои, сказала она помолчавъ нѣсколько, и дай Богъ, чтобъ шы сдержала швое шеперешнее обѣщаніе.

Нѣшъ машушка, ошвѣчала Маша, я не хочу ихъ прежде взяшь, покудова не буду шакова, какъ въ бумажкѣ написано. Возьмише

вы ихъ къ себѣ, и тогда мнѣ пожалуйте, когда я подлинно таковою сдѣлаюсь.

Сей отвѣтъ весьма обрадовалъ мать; она убрала всѣ игрушки въ сундучокъ, и отдавая отъ него дочери ключъ, сказала: на, Машинька, держи ево у себя, и когда ты сама въ себѣ почувствуешь, что ты ничево худова не дѣлаешь, то бери себѣ игрушекъ сколько хочешь.

Шесть недѣль прошло, какъ Маша ни одново проступка не сдѣлала, и вела себя весьма порядочно.

Послѣ того въ одинъ день приласкалась она къ матери и печальнымъ голосомъ у нее спросила, можетъ ли она теперь взять нѣсколько игрушекъ.—Возьми, душа моя! сказала мать съ умиленіемъ и поцѣловала ее. Но скажи мнѣ, какимъ образомъ отстала ты отъ своихъ дурныхъ привычекъ?

Я всегда ихъ имѣла въ памяти, отвѣчала Маша, и всякое утро и вечеръ молилась Богу, чтобъ онъ помогъ мнѣ отъ нихъ отстать. Такимъ образомъ въ короткое время они мнѣ омерзѣли.

Мать пролила радостныя слезы, Маша получила назначенныя ей игрушки, и всѣ въ домѣ стали ее любить.

И такъ твердое намѣреніе и молитва могутъ и дѣтей избавлять отъ пороковъ.

Мать раскaзывала однажды сію щаст-

ливую перемѣну при нѣкоторой дѣвушкѣ, которая такимъже подвержена была порокамъ.

Она такъ этимъ была тронута, что вознамѣрилась тотчасъ послѣдовать Машинькину примѣру, чтобъ столько же какъ она сдѣлаться любви достойною.

И сіе ей также удалось.—И такъ Маша не только сама исправилась и стала щастлива, но сдѣлала то, что и другія дѣти глядя на нее исправлялися.

Какоежъ дитя захочетъ самого себя и другихъ лишить себя радости?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА

которую поетъ мать качая маленькую свою дочку.

Спи малютка почивай,
Гласъ своихъ не открывай,
Во младенчествѣ своемъ
Ты не знаешь ни о чемъ:
Ни зелены что луга,
Ни песчаны что брега,
Ни что птички на кустахъ,
Ни что солнце въ небесахъ.

Время нынѣ почивать;
А какъ станешь выростать

Мы пойдемъ среди луговъ,
Мы нарвемъ себѣ цвѣтовъ;
И въ пріятный лѣтній часъ,
Слыша птичекъ нѣжный гласъ,
Я къ груди тебя прижму,
Сладко, сладко воздохну.

На зеленомъ тамъ лужку,
На песчаномъ бережку:
Иль съ крутыхъ высокихъ горъ,
Веселя свой умъ и взоръ
Мы природы красотой,
Въ умиленіи съ тобой,
Всей душей благодаря,
Воспоемъ небесъ Царя.

Ты теперь еще мала,
Равнодушна для всего;
Какъ дочь матери мила,
Ты невѣдаешь того,
И тебѣ и мнѣ покой
Нуженъ намъ одинъ съ тобой,
Но тебѣ лишь для себя,
Мнѣжъ, мой свѣтъ, лишь для тебя.

Стану, стану ожидать
Съ нетерпѣніемъ тѣхъ лѣтъ,
Когда можешь ты узнать,
Что милѣй тебя мнѣ нѣтъ:
Выростай, мое дитя,

Будто розачка цвѣтя,
И во мзду мово труда
Будь утѣхой мнѣ всегда.

НАДЛЕЖИТЪ БЫТЬ ДОВОЛЬНУ ВСЕМЪ ТѢМЪ, ЧТО УСТАВИЛА ПРИРОДА.

Ахъ! для чего такъ жарко! говорила Аннушка матери своей, утирая потъ съ разгорѣвшагося лица—(день тогда былъ весьма знойной). Я насилу могу дышать. —

„Для чего такъ жарко, душа моя, объ этомъ я тебѣ черезъ нѣсколько недѣль скажу лучше, нежели теперь, отвѣчала мать; а теперь только то напомню, что Богу такъ угодно, чтобъ было жарко, и что этотъ милосердой отецъ ничего не дѣлаетъ, что бы не клонилось къ нашей пользѣ.

Аннушка замолчала и повѣрила своей матери, потому что она ей всегда правду говорила.

Она старалась терпѣливо сносить жаръ, которой послѣ того еще нѣсколько времени продолжался.

Прошелъ мѣсяцъ Августъ, перестало быть жарко.

Прохладные вѣтерки и умѣренная теплота воздуха вызывали всякой день Аннушку въ садъ прогуливаться.

Всякой овощъ уже поспѣлъ и начиналась жатва.

Аннушка удивлялась приманчивому наливу яблоковъ, грушъ и персиковъ: ничто не превосходило сладости ихъ вкуса, и самый медъ былъ для нея не слаще.

„Ахъ, матушка! какіе плоды Богъ намъ пожаловалъ! какой онъ милостивой! какъ насъ любитъ!—„

Такъ, душа моя, сказала мать! а помнишь ли ты оногдась чуть было на него не подосадовала за то, что онъ намъ ихъ даруетъ.

Знай, что самый тотъ жаръ, на которой ты роптала, далъ пріятной румянецъ и сладкой вкусъ плодамъ.

И такъ научись, душа моя, быть довольною всемъ тѣмъ, что Богъ ни дѣлаетъ; ибо рано ли поздо ли, всегда ты узнаешь, что онъ это сдѣлалъ хорошо.

ВАРИНЬКА и НИКОЛАША.

Николаша. *(прибѣжавъ къ Варинькѣ, которая сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ).*

О чемъ ты такъ грустишь, Варинька?— все на свѣтѣ такъ хорошо!—У меня нѣтъ никакой печали, меня все веселитъ.—Ва-

тюшка и матушка насъ любятъ, игрушекъ у насъ много. —

Варинька.

Ахъ, братецъ! и ты станешь тужить, какъ услышишь. Вить всѣ мои любезныя игрушечки изломались! и восковая куколка упала; вонъ и рука ее отшибена лежитъ: какъ мнѣ не грустить!

Николаша.

Жаль мнѣ тебя, сестрица! — Да не все же объ этомъ сокрушаться. Пойдемъ со мною, я тебя развеселю; скажу тебѣ про свою охоту: теперь лишь толъ я здѣсь по саду и вдругъ увидѣлъ — о какъ мнѣ было любо! — увидѣлъ бабочку. Ну ужъ бабочка! какая пестринькая, пригожинькая! ахъ сестрица! ты бы на нее заглядѣлась. И какъ она летала? то кверьху подымется то внизъ опустится, то на кусточкѣ сядетъ, то ко цвѣтку прильнетъ; вонъ и на этой розочкѣ она сидѣла. Побѣжимъ туда, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Побѣжимъ, братецъ. Постой: — Вонъ это не она ли сидитъ на гвоздичкѣ?

НИКОЛАША.

Она, она. Тихонько! Теперь уже ей отъ насъ не улетѣть. Постой ты тутъ, а я подкрадусь — Поймалъ! поймалъ, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Покажи. Ахъ какая пригожинькая! она мнѣ милѣе моей куклы.

НИКОЛАША.

Посадимъ ее у шебя въ горницѣ, сдѣлаемъ ей изъ зеленыхъ лисшковъ посшельку, и сшанемъ ее кормишь ясминцами. На, сесшрица, возьми ее себѣ.

ВАРИНЬКА.

О любо!

НИКОЛАША.

Видишь, чшо печаль и скука не долго продолжаюшся; Богъ сердце наше сошворилъ на радосшь.

КОШКА, МЫШЬ и МЫШОНОКЪ.

Кошка (*къ мышонку*).

Какой, о мышка, шы премиленькой звѣрочикъ!
Не льзя увидѣвши шебя не полюбишь.
Поди къ мнѣ, мой другъ, приближься на часочикъ.

Мышь.

Дишя! я не совѣшую шебѣ ходишь.

Кошка.

Пожалуй подойди. Я для швоей ушѣхи,
Смошри, вошъ эши всѣ ошдамъ шебѣ орѣхи.

Мышонокъ.

Какъ можно ошъ шакой мнѣ ласки ошрещись?
Пойду я, машушка. . . .

М ы ш ь.

Дитя, поберегись!

К о ш к а.

Вотъ сахаръ; я тебя сластями позабавлю,
И блюдо цѣлое конфетъ тебѣ поставлю.

М ы ш о н о к ъ.

Вели мнѣ, матушка, на часъ сходить туда.

М ы ш ь.

Пожалуй не ходи!

М ы ш о н о к ъ.

Да что въ томъ за бѣда?

К о ш к а.

Подь, дурочка, не бось!

М ы ш о н о к ъ.

Иду. . . ахъ пропадаю!
Она душитъ меня!... ой больно!.. умираю!

М ы щ ь.

Ужъ поздо! по дѣламъ мученіе неси,
Совѣта не принявъ спасенья не проси.

ДИТЯ и НЯНЯ.

(Сперва одно дитя къ своей куклѣ.)

Такъ, сударыня! вы не хотите меня слушаться? не хотите голову держать прямо? доброжъ! я на васъ осержусь, еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня (*вошедъ и услыша ея послѣднія слова*)

Нѣчто шы сердиша, душа моя; не досадила ли шебѣ швоя кукла?

Дитя.

Да! она не хочетъ голову держать прямо.

Няня.

Какая упрямица! но шы что-то ей говорила, какъ я сюда вошла?

Дитя.

Я ... да .... а развѣ вы слышали, что я говорила?

Няня.

Положимъ я не слыхала, и прошу шебя пересказать мнѣ швои слова: не ужъ ли шы ихъ отъ меня пошаишь?

Дитя.

Ахъ нѣтъ! я бы тогда сдѣлала очень худо: добрыя дѣти не должны ничего ушаивашь отъ своихъ родишелей и нянюшекъ.

Няня.

Такъ, душинька! поди поцалуй меня и потомъ раскажи, что шы куклѣ своей говорила.

Дитя.

Она не хотѣла голову держать прямо, шакъ я сказала ей, что естьли она меня не послушается, то я на нее еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня.

Такъ ты думаешь, что я была на тебя сердита?

Дитя.

Вы мнѣ противъ обыкновеннаго показались очень невеселы, и потому я подумала, что вы на меня гнѣваетесь.

Няня.

Я не гнѣвалась, мой другъ, но была опечалена; мнѣ было непріятно видѣть въ тебѣ такое жестокосердіе, что ты не перестаешь бить бѣдную собачку, и сверьхъ того я опасалась, чтобъ она тебя не укусила. Для того я стала тебя увѣщавать; но видя тебя непослушною, подумала, что ты сдѣлалась упряма, и это привело меня въ такую печаль, что я чуть было не заплакала. А ты между тѣмъ сочла меня сердитою.—Сердитою? нѣтъ, душа моя! ты сердилась на собачку, а я на тебя не сердилась.

Дитя.

Такъ вы и теперь на меня не сердиты за слова, которыя говорила я куклѣ?

Няня.

Не только не сердита, но еще радуюсь, что этотъ случай подалъ мнѣ способъ вывести тебя изъ заблужденія. А ты этому рада ли!

Д и т я.

О конечно! . . . Естьли бы только. . .

Н я н я.

Что такое?

Д и т я.

Естьли бы впредь вы всегда мною были довольны.

Н я н я.

Я сама сердечно этова желаю; мнѣ весьма непріятно быть принужденною. . . но для этова надобно сдѣлать маленькой договорецъ.

Д и т я.

Какой!

Н я н я.

Чтобъ ты впредь, когда я буду тебя отъ чего нибудь худаго воздерживать, съ перваго слова тотчасъ меня послушалась; тогда ты можешь быть увѣрена. . .

Д и т я.

Что вы всегда мною будете довольны?

Н я н я.

Да. Вотъ тебѣ моя рука! но ты должна непремѣнно исполнять свое обѣщаніе.

Д и т я (*прыгая*).

О! я ужъ конечно буду его исполнять!

Дѣвушка сія сдержала свое слово. Когда она бывало начнетъ дѣлать что нибудь

нехорошее, и Нянюшка на нее только посмотритъ, то она топчасъ и перестанетъ. Иногда и нянюшки съ нею не было, однакожъ она ничего таково не дѣлала, въ чемъ не была совершенно увѣрена, что это хорошо. Ради того нянюшка никогда не имѣла причины на нее жаловаться, и такимъ образомъ обѣ онѣ, любя другъ друга сердечно, жили въ великомъ удовольствіи.

О ТЫКВѢ и ЖОЛУДѢ.

Дѣти! Богъ, всего творецъ,
Нашъ спаситель и отецъ,
Что ни создалъ въ свѣтѣ семъ,
Все премудро создалъ въ немъ;
Нѣту въ мірѣ ничего,
Что могло бы безъ его
На то воли всесвятой,
Само сдѣлаться собой.
Силой онъ своихъ словесъ
Солнцу стать среди Небесъ
И лучи велѣлъ простерть:
Жизнь въ его рукѣ и смерть.
Малый червь и страшный китъ
Имъ единымъ лишь дышитъ.
Въ мѣстѣ всяка вещь своемъ,
Онъ премудро правитъ всемъ.
Есть однакожъ мудрецы,

Или по просшу глупцы,
Кои свой ничшожный умъ
Дерзосшью высокихъ думъ
Выше божескаго чшушъ.
Гордосшью шакой надушъ
Нѣкакой безумецъ былъ,
Имя я его забылъ;
Онъ однажды на шравѣ
Тыквы взросшія узрѣлъ,
И въ безумной головѣ
Мысль шакую шошчасъ спѣлъ:
Не прилично имъ росши
На шоль маленькой шросши;
Я бы эшо премѣнилъ.
Тыквамъ росшь опредѣлилъ,
По шакой ихъ шолсшошѣ,
На дубу, на высошѣ.
Такъ помысля продолжалъ
Онъ по прежнему свой пушь.
День былъ жарокъ, онъ усшалъ,
Захошѣлось ошдохнушь.
Дубъ увидя на пуши,
Лишь успѣлъ къ нему придши,
Легъ подъ онымъ и уснулъ.
Вдругъ пресшрашный вѣшръ задулъ,
Воды всѣ смушилъ шошчасъ,
Вѣшьвями древесъ пошрясъ:
Съ верьху дуба, какъ на смѣхъ,
Сорвался большой орѣхъ,
(Кои жолудьми зовушъ)

И лежаща мужа шушъ
За его неправый шолкъ
По носу всей силой щолкъ.
Вспрыгнулъ мудрый гогольkомъ.
Полно свѣшъ переправляшь!
Онъ съ разбишымъ въ кровь носкомъ
Началъ шако размышляшь:
Худо, худо я судилъ:
Есшьлибъ шыквы дубъ носилъ,
И шеперь изъ нихъ одна
Вдругъ упала на меня,
Былъ бы я безъ головы.
    Кшо себя посшавишь смѣлъ
Судіею Божьихъ дѣлъ,
Всѣ безумны шаковы.

ИМЯНИНЫ.

Завшра, брашецъ Ѳединька имянинникъ, говорила Кашюша: я не знаю, чѣмъ его порадовашь.

Не пожалуеше ли вы мнѣ что нибудь, машушка, чшо бы я ему подаришь могла?

,,Пожаловашь я шебѣ могу, душа моя, да могу шакже и сама его подаришь: развѣ шы думаешь, чшо меня эшо меньше швоего веселишъ, когда я подарками своими другимъ дѣлаю радосшь?

,,Да сверхъ шого ежели я шебѣ дамъ,

что ему подаришь, такъ стало быть это я его подарю, а не ты.,,

Правда ваша, матушка, да мнѣ хочется чѣмъ нибудь его подарить.

,,Хорошо, душинька; такъ подумай, нѣтъ ли у тебя самой чего нибудь: на примѣръ миртовое твое деревцо?—,,

Ахъ, я ево очень люблю! сказала вздохнувъ Катюша.

,,Инъ овечку —,,

О матушка! она мнѣ самой надобна.

,,Инъ парочку мохноногихъ твоихъ голубковъ.—,,

Ахъ матушка! они мнѣ всево дороже.

,,Для чегожъ тебѣ не отдать ихъ брату? что для насъ дорого, тѣмъ то и надобно дарить тѣхъ, ково мы любимъ.

,,Кошелекъ твой съ рѣдкими золотыми монетцами, которой подарила тебѣ недавно тетка, былъ бы ничего незначащій подарокъ, потому что ты его не употребляешь и не любишь, да и у него былъ бы онъ также безъ употребленія.

,,Но то называется истиннымъ подаркомъ, когда мы съ охотою и съ радостію отдадимъ, что насъ самихъ, да и того, кому мы отдали, увеселяетъ.,,

Не ужлижъ, матушка, отдать мнѣ братцу Ѳединькѣ все, что я люблю?

,,Нѣтъ, душа моя, ты отдай ему что

хочешь; это состоитъ въ твоей волѣ: хоть ни чѣмъ не подари: я тебя не принуждаю, а только хотѣла тебѣ истолковать, что значатъ подарки и съ какимъ намѣреніемъ ими дарятъ.,,

Катюша подумала немного и потомъ сказала: — Такъ! я подарю ему милыхъ своихъ голубковъ, и еще нарву для него пучокъ цвѣтковъ изъ моего садику.

Мать обняла ее и сказала: ты ему великую радость сдѣлаешь.

И себѣ также, вскричала съ восторгомъ Катюша; я ужъ напередъ сердечно радуюсь.—

,,А послѣ завтра ты еще больше будешь радоваться, потому что я позволяю тебѣ позвать брата твоего и со всѣми его гостьми въ маленькой твой садикъ, гдѣ ты можешь угощать ихъ свѣжимъ молокомъ и разными овощами.,,

Катюша изъ благодарности поцаловала у матери руку и прыгая около нея повторяла: о кабы послѣзавтрешній день пришолъ поскорѣе!

ВОЗДЕРЖАНІЕ.

,,Что такое воздержаніе?,, спросилъ Митюша отца своего, услыша, что онъ сіе слово упомянулъ въ разговорахъ.

Отецъ радовался такому вопросу; ибо хотя любезной его Мишюша и хорошъ былъ, однакожъ имѣлъ за собою тотъ порокъ, что всегда былъ въ неудовольствіи, и плакалъ, когда бывало что нибудь по желанію его не исполнится.

А вить это не рѣдко бываетъ на свѣтѣ, что мы желаемаго не получаемъ; или имѣя у себя нѣчто пріятное, внезапу онаго лишаемся.

Для того отъ самой юности надобно пріучаться къ терпѣнію.

И такъ Мишюшинъ отецъ на вопросъ его отвѣтствовалъ:

,,Воздержаніе, мой сынъ, есть то, когда ты севодня и въ шабашные часы на любимую свою деревянную лошадку не сядешь.,,

Для чево это?—спросилъ печально Мишюша; вить вы мнѣ ее сами пожаловали, батюшка;

,,Такъ, душа моя, отвѣчалъ отецъ; я и не запрещаю тебѣ на нее садиться, а отдаю на волю, хочешь сядешь, хочешь нѣтъ.,,

Мишюшѣ вчера только подарили эту лошадку, а онъ такъ ее любилъ, что радъ былъ во всѣ шабашные часы безпрестанно на ней ѣздить.

Мишюша.

Да къ чему мнѣ это послужитъ?

Отецъ.

Къ тому, чтобъ научиться самому надъ собою имѣть власть, и безъ труда отставать отъ любимой тебѣ вещи, когда того потребуетъ нужда.

Митюша.

Да въ этомъ теперь никакой нужды нѣтъ.

Отецъ.

Конечно нѣтъ; но когда придетъ нужда, тогда уже поздо будешъ себя къ тому пріучать.

Тутъ Митюша умолкъ и задумался; хотя не все, однакожъ нѣчто понималъ онъ изъ разговору отца своего.

Отецъ.

Хочешь ли ты, я скажу тебѣ сказочку, изъ которой ты увидишь, какъ нужно пріучить себя не вдаваться своимъ желаніямъ.

Митюша.

Хочу батюшка.

Отецъ.

Нѣкотораго робенка глупая нянюшка кормила всегда сластями.

Чрезъ то такъ онъ привыкъ лакомиться, что ужъ и выросши довольно великонекъ, о томъ только и помышлялъ, какъ бы гдѣ наѣсться сладкаго.

Тщетно старшая сестра увѣщевала его, и совѣтовала ему заранѣе отъ того отвыкать, потому что не всегда можно ему бу-

детъ кормиться сластями. Онъ же напротивъ думалъ, что это время долго продолжится, и не старался ни мало себя воздерживать.

Напослѣдокъ отданъ онъ былъ къ одному Господину въ домъ, гдѣ его строго содержали, и гдѣ лакомство было не въ употребленіи.

Чтожъ онъ дѣлалъ? — покупалъ изюмъ, миндаль и конфекты, покудова всѣ свои денжонки издержалъ.

Между тѣмъ алчность къ лакомству отъ часу въ немъ усиливалась, такъ что ужъ не могъ онъ отъ того воздержаться.

И какъ уже денегъ у него больше не было то сперва сталъ онъ продавать свое платье, а какъ и то все промоталъ, тогда. . . . Я содрагаюсь разсказывая сіе! обокралъ онъ господина своего.

Но худое дѣло не можетъ быть скрыто, рано ли поздо ли оно выдетъ наружу: узнали о семъ; и чтобъ избѣжать наказанія, этотъ молодой человѣкъ сѣлъ на корабль и отправился далеко—въ Остъ-Индію.

Хотя избѣгнулъ онъ такимъ образомъ человѣческаго наказанія, однако не могъ избѣгнуть Божескаго: корабль, на которомъ онъ поплылъ, разбился о камень, и преступника поглотили волны.

Охъ! эшо сшрашно! сказалъ вздохнувъ Мишюша.

Конечно сшрашно, ошвѣчалъ ошецъ; но все сіе произошло ошъ шого шолько, чшо робенокъ эшошъ не научился заблаговременно воздерживашься ошъ своихъ прихошей, кошорыя напослѣдокъ чрезвычайно въ немъ усилились.—Понимаешь ли шы шеперь шеня, мой другъ, для чего совѣшывалъ я шебѣ попышашься преодолѣшь свою охошу и не садишься севодня на свою лошадку?

Мишюша.

Понимаю, башюшка. Я не сшану севодня ѣздишь на лошадкѣ, и всякой день послѣ шабаша цѣлой часъ не буду на нее садишься, хошя бы мнѣ шого и очень захошѣлось; надобно пріучишь себя къ воздержанію.

Ошецъ обнялъ его и радовался сему великодушному намѣренію; но онъ еще больше обрадованъ былъ, когда увидѣлъ, чшо сынъ его держишъ свое слово.

А между шѣмъ Мишюша шакъ привыкъ къ воздержанію, чшо онъ бывало никогда не осердишся, есшьли чшо прошивъ его желанія сдѣлаешся, и чрезъ шо избавлялся онъ ошъ многихъ печалей.

Щасшливо шо дишя, кошорое переймешъ у Мишюши!

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

ФЕДЮША,

которой спать не могъ.

Машь.

Что шы, душенька, шакъ ворочаешься на посшелькѣ; развѣ шебѣ спашь не хочешся?

Дишя.

Не спишся, машушка.

Машь.

Не болишъ ли у шебя что нибудь?

Дишя.

Нѣшъ. Мнѣ ѣсшь хочешся.

Машь.

Да шы шеперь лишь кушалъ, душа моя.

Дишя.

Не осердись на меня, маминька! сюда приходила бѣдная дѣвочка просишь ради Хрисша; никшо не слыхалъ какъ она просила. Я ошдалъ ей свою булочку и пирожокъ: молись Богу, сказалъ я ей, Богъ шебѣ дасшъ больше. Какъ она бѣдняшка обрадовалась! шри раза сказала мнѣ: заплаши шебѣ Господи!

Машь.

Другъ мой любезной! умница моя! чево шы у меня ни попросишь, я шебѣ все дамъ. И шы эшова не хошѣлъ мнѣ сказашь?

Дишя.

Я съ радосши и позабылъ о шомъ, что самъ ничево не ѣлъ.

Мать.

Теперь ты знаешь, каково тѣмъ бѣднымъ дѣтямъ, которые безъ пищи спать ложатся.

Дитя.

Ахъ, маминька! пожалуйста давай имъ милостыню, когда они придутъ: тяжело сносить голодъ!

ЩАСТЛИВО ПРЕОДОЛЕННОЕ НА ЗЛОЕ ДѢЛО ПОКУШЕНІЕ.

Бѣдному мальчику трубочисту досталось во дворцѣ чистить трубу того камина, которой былъ въ уборной комнатѣ одной княгини.

Когда онъ сквозь трубу опустился въ каминъ, то нашелъ что въ комнатѣ ни кого не было; онъ остановился на минутку полюбоваться на прекрасныя вещи, которыя въ ней находились.

Больше всего полюбились ему осыпанные драгоцѣнными каменьями золотые часы, лежавшіе на столикѣ. Онъ не могъ воздержаться, чтобъ не взять ихъ въ руки, и тогда пришло къ нему желаніе; „ахъ ежели бы у тебя такіе часы были!“

Потомъ спустя минутку подумалъ онъ:

,,что, ежели я ихъ возьму?—но стало быть я ихъ украду и буду воръ.

,,Да вить никто этова не узнаетъ,“ продолжалъ онъ думать. Но въ то самое мгновеніе услышалъ шумъ въ смѣжной съ этою горницѣ: тотчасъ оставилъ онъ часы и бросился назадъ въ трубу свою.

Когда онъ пришелъ домой, то не могъ изъ головы своей выкинуть этихъ часовъ: гдѣ ни былъ, куда ни ходилъ, вездѣ они были у него передъ глазами. Онъ покушался перестать объ нихъ думать, но нѣтъ! словно какъ бы кто насильно его къ тому тянулъ.

Онъ не могъ уснуть; и такъ вознамѣрился идти опять туда, и ихъ взять.

Вошедъ по прежнему въ комнату нашелъ онъ все такъ тихо, что ни какъ не могъ сомнѣваться, чтобъ онъ не одинъ въ ней былъ. При слабомъ лунномъ свѣтѣ тихонько подкрался онъ къ уборному столику, на которомъ лежали часы.

Уже простиралъ онъ руку взять ихъ, какъ вдругъ увидѣлъ подлѣ нихъ еще превосходнѣйшія сокровища: драгоцѣнныя серги, ожерелье, и другія тому подобныя вещи.

,,Не ужъ ли мнѣ? сказалъ онъ весь съ головы до ногъ трясучись—не уже ли мнѣ?—,,

,,Но не буду ли я во всю мою жизнь самой скаредной человѣкъ? могу ли я послѣ

этова когда нибудь спокойно спать? каки-
ми глазами стану я на людей смотрѣть.

,,Правда!,, но ужъ за то однимъ разомъ
сдѣлаюсь я богатой человѣкъ; у меня будутъ
лошади и карета; платье стану прекрасное
носить, и всякой день буду ѣсть и пить
сытно!,,

,,Ну да какъ это откроется? — полно
какъ открыться? вить никто этова не ви-
дитъ.—,,

,,Ни кто? — а развѣ Богъ, вездѣсущій,
того не увидитъ?—можешь ли ты по преж-
нему молиться ему, когда сдѣлаешься воромъ?
можешь ли ты умереть спокойно?,,

При сей мысли волосы у него стали
дыбомъ и холодной потъ пролился по всему
его тѣлу. ,,Нѣтъ! сказалъ онъ, бросивъ отъ
себя сокровищи, нѣтъ, лучше бѣденъ и чистъ
совѣстью, нежели богатъ и оскверненъ зло-
дѣйствомъ! ,,вымолвивъ сіе спѣшилъ преж-
нимъ своимъ путемъ возвратиться назадъ.

Княгинина спальня была подлѣ самой
этой комнаты, она еще не спала, все это
слышала, и самого мальчика при свѣтѣ лу-
ны разсмотрѣть могла. На другой день при-
казала она позвать его къ себѣ.

,,Послушай, мальчикъ, сказала она ему,
когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, для
чего ты вчера ночью не взялъ этихъ часовъ
и другихъ драгоцѣнныхъ вещей?,,

„Мальчикъ упалъ къ ней въ ноги и не могъ отъ страха ни слова промолвить.

„Я все слышала, продолжала Княгиня; благодари Бога, дитя мое, что онъ помогъ тебѣ преодолѣть искушеніе, и старайся впредь непорочность свою сохранять.

„Отнынѣ ты у меня будешь жить: я велю тебя кормить и одѣвать. Но мнѣ хочется еще больше для тебя сдѣлать: я намѣрена тебя порядочно воспитать и обучить, дабы и впредь бѣдность и неразуміе не могли тебя подвигнуть на какое либо злое дѣло„

У мальчика полились изъ глазъ горячія слезы; онъ хотѣлъ благодарить, но не могъ: онъ могъ только хлипать и утирать кулаками глаза свои.

Княгиня здержала данное ею слово: мальчикъ былъ преизрядно воспитанъ, выросъ великъ, и благодѣтельница его имѣла удовольствіе видѣть въ немъ скромнаго, добросовѣстнаго и честнаго человѣка.

МАТЬ И СЕМЬ ДОЧЕРЕЙ.

Мать благонравная, Наталья,
Съ семью своими дочерьми,
Прекрасными какъ майски розы,
Пошла по близости въ лѣсокъ,

И шамъ при ручейкѣ журчащемъ,
Пріяшнымъ воздухомъ дыша,
Подъ шѣнію вѣшвисшой липы
На мягкой сѣла муравѣ.
Какое зрѣлище прекрасно,
Благополучну видѣшь машь,
Такою кучкой окруженну
Любезныхъ, милинькихъ дѣшей! —
Сей міръ обильный красошами,
Мнѣ мнишся, сошворенъ для нихъ;
Съ восшоргомъ нѣкій мужъ вѣщаешъ,
Сѣдящій съ зади ихъ въ кусшахъ.
Безмолвенъ, въ шишинѣ глубокой,
Онъ долго ухо приклонивъ,
Съ сердечной радосшью бесѣду
Сей нѣжной машери внималъ.
О есшьли бы, любезны дѣши,
Теперь ошецъ вашъ шакже здѣсь,
Рекла она, былъ вмѣсшѣ съ нами!
Коль много въ сей сшранѣ пріяшсшвъ!
На всѣхъ вершинахъ древъ шакъ шихо,
Какъ будшо бъ нѣжны пшички всѣ
Между собою согласились
Единый слушашь соловья
Гласъ раздающійся повсюду.
Ахъ маминька! сказала шушъ
Вшорая дочь ея Дуняша,
Я шошчасъ побѣгу домой,
На крыльяхъ къ башюшкѣ слешаю. —
Мой другъ! далеко онъ ошъ насъ

За нѣкоторымъ посланъ дѣломъ;
Онъ тамъ пробудетъ семь недѣль,
И прежде къ вамъ не возвратится.
Какъ? старшая сказала дочь,
На матъ взглянувшая печально,
Его здѣсь нѣтъ? но какъ же онъ
Уѣхалъ съ нами не простяся? —
Свое родительское вамъ
Оставилъ онъ благословенье,
Боясь прощаніемъ своимъ
Повергнуть васъ въ печаль и скуку. —
Ахъ! папинька любезной нашъ,
Четвертая изъ дочерей вскричала,
Въ пути всещедрый Богъ его
Да сохранитъ благополучно!
Сіи усердныя слова,
Да сохранитъ благополучно,
Отъ благодарныхъ сихъ дѣтей,
Кругомъ Наталіи и древа,
Твердилися изъ устъ въ уста,
Съ такимъ усерднымъ восклицаньемъ,
Что на глазахъ у нихъ у всѣхъ
Пріятны слезы навернулись.
Какъ это можно? семь недѣль!
Вить это очень, очень долго;
Не льзяль, хоть намъ къ нему сходить?
Спросила пятая малюшка.
Шестая же ужъ чуть не плача
Прижавшись къ материной груди
Сказала томно: боже мой!

Когдабъ назадъ онъ возвратился
И вдругъ теперь пришелъ сюда!
Дочь третья тотчасъ подхватила:
О какъ бы мы вокругъ его
Скакать и прыгать стали!
Анюта младшая изъ всѣхъ
Къ сестрицѣ старшей на колѣни
Свою головку положа
Ни слова не сказавъ лежала.
Какъ нѣжный розовый цвѣтокъ
Ея краснѣлись пухлы щочки;
Казалось, что другихъ сестеръ
Она внимала рѣчь прилѣжно,
И только разговоръ лишь ихъ
На часъ объ этомъ перервался,
Она съ колѣней вдругъ скочивъ
На шею бросилась къ Натальи,
И крѣпко нѣжными ее
Обнявъ ручонками спросила:
А ты, ты маминька, отъ насъ
Не ѣдешь никуда? ты съ нами?
Нѣтъ, душинька, сказала мать,
Я никуда отъ васъ не ѣду.
Тогда сидящій мужъ въ кустахъ
Не могъ подслушивать ихъ болѣ,
Его и сердце и душа
Въ восторгѣ сладкомъ утопали.
Однакожъ дѣйствія страшась
Онъ радости крутой, безмѣрной,
Не смѣлъ нечаянно предстать;

Но вышедъ изъ кустовъ тихонько,
Находитъ друга своего,
И посылаетъ осторожно
Женѣ и дѣтямъ возвѣститъ,
(сей самый мужъ былъ ихъ родитель).
Что отложенъ его поѣздъ.
Когда сей другъ ихъ приготовилъ,
Тогда-то нѣжный самъ отецъ
Является предъ ихъ очами:
Какая жъ радость разлилась!
Мать бросилась къ нему на шею,
Всѣ дѣти прыгая, крича,
Сто разъ его цалуютъ руки.
Кто можетъ описать восторгъ
Сей матери благополучной,
Сего предобраго отца,
И сихъ дѣтей ихъ благонравныхъ!

О СОГЛАСІИ.

Наташа, Катюша, Аннушка, и Машинька имѣли у себя учительницу, которая ихъ какъ мать дочерей своихъ любила.

Я назову ее Теоною, для того что я не смѣю настоящаго имени ея здѣсь поставить.

Она имѣла усердное желаніе, чтобъ воспитанницы ея хорошо себя вели, и чрезъ то были бы щастливы; чтобъ онѣ взаимною другъ къ другу любовію услаждали дѣтскія

свои утѣхи, и чтобъ каждое удовольствіе вкушали безпрепятственно.

Съ неописанною радостію взирала она на добрые успѣхи своего ученія и примѣра.

Малютки сіи начали быть щастливѣйшими дѣтьми. Онѣ поправляли другъ друга въ проступкахъ, извиняли охотно небольшія огорченія, дѣлили каждую радость, и не могли жить другъ безъ дружки.

Но какъ легко теряютъ дѣти способы къ щастію, хотя уже познаютъ оное, и какое благодѣяніе тотъ имъ дѣлаетъ, кто неусыпно за ними смотритъ!

Теона должна была отъ своихъ малютокъ на нѣкоторое время отлучиться; необходимость принудила ее отъ нихъ уѣхать; но она спѣшила возвратиться какъ скоро могла.

Едва успѣлъ пройти одинъ мѣсяцъ, уже она летѣла къ нимъ обратно.

Онѣ встрѣтили ее съ великою радостію.

Но ахъ! Теона примѣтила между ними великую перемѣну.

Одна изъ нихъ съ сердцемъ требовала чего нибудь у другой, другая не хотѣла ей уступить; отъ сего раждались досадныя рѣчи, все ихъ прежнее увеселеніе въ играхъ и въ дѣлѣ не вѣсть куда дѣвалось.

Всякую минуту мѣшали онѣ другъ дру-

гу; той не нравилось тамъ, гдѣ другой нравилось.

Иная хотѣла играть въ саду, другая напротивъ того въ горницѣ, третья на дворѣ, и сіе несогласіе часъ отъ часу умножалось.

Въ одинъ день, когда онѣ ни малѣйшей услуги другъ другу не хотѣли сдѣлать, и даже одна другой досаждать старалась, Теона глядя на нихъ заплакала.

Она пошла отъ нихъ прочь и заперлася въ своей комнатѣ.

Тамъ стала она размышлять, какъ бы малютокъ сихъ примирить и возобновить между ими взаимную дружбу.

Когда послѣ того опять она къ нимъ вышла, то всѣ онѣ бросились къ ней съ неудовольствіемъ и жаловались, что онѣ не находятъ больше прежняго веселія; каждая изъ нихъ обвиняла въ томъ другую, и всѣ приступали къ своей учительницѣ, чтобъ она, какъ умѣвшая всегда установлять ихъ утѣхи, не отреклась и теперь тоже сдѣлать.

Теона взглянула на нихъ съ важностію и сказала: отъ сего времени запрещаю я вамъ мѣшать другъ другу въ играхъ, и чтобъ сего не было, то пусть каждая изъ васъ изберетъ себѣ особливой уголокъ въ этой комнатѣ, и тамъ сидя играетъ какъ хочетъ.

Сегодня послѣ обѣда позволяю я вам- шаким образом играть до самаго вечера.

Всѣ обрадовались сему позволенію; каж- дая взяла назначенный себѣ уголокъ, и ста- ла тамъ играть особо отъ другихъ.

Машинька куклѣ своей сказывала сказки однакожъ та не умѣла ничего ей отвѣчать и молчала, а другія всѣ играли каждая про себя.

Аннушка играла мячикомъ, но никто не утѣшался глядя на проворство, съ какимъ она ево ловитъ, и никово не было, кто бы ей сказалъ хоть слово: другія всѣ играли каждая про себя.

Наташа хотѣла играть въ любимую свою игорку въ гулючки, но кому было ее искать? другія всѣ играли каждая про себя.—

У Катюши, маленькой домовницы, было нѣсколько грушъ и яблоковъ, она хотѣла сдѣлать у себя пирушку и позвать гостей; но кому было къ ней пріѣхать? другія всѣ играли каждая про себя.

И такимъ образомъ всѣ игры ихъ не ладились. Наконецъ прибѣжали онѣ къ Теонѣ, и со слезами просили ее найти спо- собъ, чтобъ имъ опять было весело.

Я знаю только одно средство, сказала она имъ печально, и вы его прежде знали, но забыли: естьли хотите, я вамъ о немъ напомню.

Хотимъ! хотимъ! вскричали онѣ всѣ, и ожидали съ нетерпѣливостію перваго изъ устъ ея слова.

Это согласіе! это дружба! о мои любезныя! въ какое нещастіе ввергнули вы и меня и себя самихъ съ тѣхъ поръ, какъ ево забыли!

Она умолкла, и горькія слезы по лицу у ней катились.

Тутъ всѣ малютки онѣмѣли передъ нею, и стояли потупя въ землю глаза отъ стыда и раскаянія.—Потомъ бросились къ ней въ объятія, и обѣщали любить другъ друга по прежнему.

Онѣ сдержали слово. Никогда не упрямились и не ссорились: ибо узнали какія слѣдствія раждаются отъ упрямства и несогласія.

Теона сама мнѣ это расказывала и говоритъ, что уже онѣ теперь всѣ четыре выросли великоньки и становятся прелюбезныя дѣвицы.

ДВА МАЛЬЧИКА.

Два мальчика пошли въ садъ прогуливаться. Садовникъ сказалъ имъ въ предосторожность: не подходите близко къ ульямъ, пчелы васъ ужалятъ.

Меня еще никогда пчела не ужаливала! сказалъ одинъ изъ нихъ мальчикъ, и пошелъ смѣло туда. Но лишь только ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, то пчела его ужалила, и онъ долго былъ боленъ.

И такъ одинъ сдѣлался благоразумнымъ чрезъ *испытаніе*, а другой чрезъ *наставленіе*: скажите, которой изъ нихъ былъ умнѣе?

БОЛТУШКА.

Одна маленькаа дѣвочка имѣла за собою тотъ порокъ, что молчать не умѣла.

Когда она свѣдаетъ какую тайну, то ужъ ей бывало не утерпится, чтобъ поскорѣе не расказать того всѣмъ своимъ знакомымъ.

А всего хуже, что услыша о чемъ нибудь худомъ, она это первому, кто ей на встрѣчу попадался, пересказывала, ни мало не разсуждая, что могла этимъ навесть иному великую печаль, другому бѣду или нещастіе.

Черезъ короткое время маленькая эта болтушка сдѣлалась сущею язвою для людей того дому, гдѣ она жила, и для другихъ, съ которыми была знакома; ибо гдѣ ей только бывать случалось, тамъ вездѣ бол-

шаньемъ своимъ сѣяла она сѣмена брани, раздора и несогласія.

Мудрено ли, что стали всѣ отъ нее бѣгать, всѣ ее ненавидѣть? Въ короткое время не было у ней не только ни одной подруги, ниже такой пріятельницы, которая бы вмѣстѣ съ нею быть хотѣла.

Куда она сама приходила, тамъ затворяли отъ нее двери, или не сказывались дома; а когда она къ себѣ звала въ гости, то всѣ ей въ этомъ отказывали.

Напослѣдокъ это понудило ее примѣтить свой порокъ, и она вознамѣрилась отъ него исправиться.

Но горе тому, кто привыкъ и пристрастился къ чему нибудь худому! Трудно, трудно ему вовся отъ того отстать.

Барышня Калатухина (такъ называлась сіе нещастная дѣвушка) въ цѣлыя десять лѣтъ насилу могла совершенно исправиться отъ своего порока: она стократно зарекалась впадать въ оной, и стократно опять впадала.

Наконецъ выросла она велика, но никто не хотѣлъ не ней жениться; ибо какъ давно уже всѣ отъ нее убѣгали, то и не вѣдалъ никто, что она перестала быть болтуньею.

Такимъ образомъ всю жизнь свою долженствовала она проводить въ плачевномъ уединеніи, не вкуся утѣхъ добродѣтельнаго

брака, и не познавъ никогда пріятностей дружбы.

Такъ-то печальныя слѣдствія дѣтскихъ пороковъ часто принуждаютъ насъ страдать во всѣ дни нашего вѣка!

УМИРАЮЩЕЕ ДВѢНАТЦАТИ-ЛѢТНЕЕ ДИТЯ.

Лиза бѣдная въ постелѣ
Отчаянно лежитъ больна;
Душа чуть держится ужъ въ тѣлѣ,
Страдаетъ и какъ тѣнь блѣдна.
Прегорькими надъ ней слезами
Нещастная рыдаетъ мать,
И устъ касаяся устами
Ей хочетъ жизнь свою отдать.
Но тщетно бѣдная стенаетъ,
И громко къ небу вопіетъ:
Смерть сожалѣнія не знаетъ,
Кто долженъ умереть, умретъ.
Увидя Лиза мать стенящу
Послѣдни силы собрала,
И рѣчь простерши къ ней дрожащу
Прерывнымъ голосомъ рекла:
О чемъ ты слезы проливаешь,
Любезна матушка, о чемъ?
Куда меня ты отпускаешь?
Къ отцу всеобщему намъ всѣмъ.

Надежду на него прешверду
Въ блаженсшвѣ я моемъ кладу,
Отселѣ къ Богу милосерду
Съ охошою моей иду.
Онъ шамо дасшъ мнѣ жизнь блаженну,
Вселишъ меня въ свой домъ свяшой;
Тамъ буду радосшь совершенну
И вѣчной я вкушашь покой;
Къ нему шамъ съ Ангелами купно
Я буду глась мой возносишь,
И Господа повсеминушно
О вашемъ щасшіи просишь.
Сіе сказавъ она вздохнула,
Рукою сошворила кресшъ,
На машь впослѣдніе взглянула
И отошла отъ здѣшнихъ мѣсшъ.

ПРЕОДОЛЕННОЕ ВЛАСТОЛЮБІЕ.

Пересшанешь ли шы?—Какъ бы не шакъ? —не хочу, я шебѣ говорю! — машушка, посмошрише чшо Пешруша дѣлаешъ!...... Только рѣчей и слышно было отъ маленькой власшолюбивой Параши, когда чшо нибудь не по ней дѣлалось.

Особливо надъ меньшимъ брашомъ своимъ Пешрушею господсшвовала она съ шакою необузданносшію, чшо шошъ не зналъ бѣдной какъ ему бышь.

То не такъ, другое не такъ; за все про-все на него кричитъ, и всего чаще когда они играютъ вмѣстѣ.

Непремѣнно дѣлай онъ все то, что ей хочется; въ свое удовольствіе не выдумывай ничего, и ежели онъ желанія своего тотчасъ по ея требованію не перемѣнитъ, то она перестанетъ съ нимъ играть и тужъ минуту отъ него уйдетъ, оставя его одного въ скукѣ.

Кроткіе родители ея хотя часто увѣщавали ее и совѣтовали воздерживаться отъ сего порока, а особливо мать часто напоминала ей, что благоувѣтливую дѣвушку всѣ любятъ, а напротивъ того своенравную, которая все на своемъ поставить хочетъ, никто не терпитъ и всякой отъ нее убѣгаетъ; однако слова ихъ были тщетны и ни мало не послужили къ ея исправленію; всѣ другія дѣти перестали имѣть съ нею дружеское обхожденіе и начали отъ нее удаляться, но и отъ этова она не пришла сама въ себя.

Въ одинъ день въ домѣ у нихъ обѣдалъ мужъ весьма разумной и притомъ весьма чистосердечной.

Онъ часто съ удивленіемъ смотрѣлъ на Парашино грубое обращеніе съ маленькимъ ея братомъ, и наконецъ не вытерпя сказалъ:

„Ежели бы я былъ отецъ этой дѣвушки, я бы зналъ что съ нею сдѣлать!„

А чтожъ такое? спросила мать.

Я бы надѣлъ на нее муское платье, отвѣчалъ онъ, приклеилъ бы ей усы, и назвалъ бы ее драгуномъ; тогда бы поступки ея согласны были съ ея званіемъ, и неприличность видѣть въ дѣвушкѣ такую къ самовластію склонность по крайней мѣрѣ симъ одѣяніемъ была бы сколько нибудь прикрыта.

Параша оцѣпенѣла, краска показалась у нее въ лицѣ и слезы покатились изъ глазъ.

Съ сей минуты почувствовала она непристойность поведенія своего, она вознамѣрилась исправиться отъ сего порока, и такъ твердо это въ умѣ своемъ вкоренила, что дѣйствительно до того достигла.

Она конечно очень хорошо сдѣлала; но желать надлежитъ, чтобъ всякая другая дѣвушка, которая хоть нѣсколько этому пороку подвержена, лучше кроткихъ увѣщаній матери своей послушалась, нежели бъ дождалась того, чтобъ разумной человѣкъ пришелъ и въ глаза ей сказалъ, что она больше годится быть драгуномъ, нежели любви достойною дѣвицею.

ПЕТРУШИНЫ ВЕЧЕРНІЯ МЫСЛИ.

Ужъ смерклось на дворѣ, лучъ солнечный со-
крылся,
Пора ложиться спать.
Прекрасной день! куда, куда ты укатился?
Приди скорѣй опять.
Игралъ севодня я, и прыгалъ и смѣялся,
И тьму вкушалъ отрадъ;
Но что въ ученьи я прилѣжно упражнялся,
Тому я больше радъ:
Родителямъ моимъ я сдѣлалъ угожденье
Прилѣжностью своей,
За то подастъ мнѣ сонъ покой и услажденье
Въ ночи прекрасной сей.
Во снѣ увижу я робяточекъ блаженныхъ,
Которые въ раю;
Они проводятъ дни въ утѣхахъ совершенныхъ,
Я съ ними ихъ дѣлю.
Приди скорѣе сонъ и дай мнѣ насладиться;
И дай вкусить покой;
Но прежде надлежитъ мнѣ Богу помолиться;
Постой, о сонъ постой!
Ты, Боже, далъ мнѣ все, чѣмъ я ни утѣшаюсь,
На что я ни взгляну:
Учителей, отца, мать, домъ и чѣмъ питаюсь,
И всю сію страну,
И садъ прекрасный нашъ, гдѣ я всегда гуляю,
Когда урокъ скажу,
Малину, вишни ѣмъ, иль бабочекъ гоняю,

Иль просто такъ сижу;
И мало ли еще? съ пушистыми цвѣтами
Мой милой цвѣтничокъ,
Игрушечки мои, мой домикъ съ голубками,
И рѣчку и прудокъ,
И красные деньки, и жизнь сію безцѣнну,
И время поиграть,
И время для трудовъ, и солнце, и вселенну—
Но какъ перечитать
Всѣ милости твои, что ты мнѣ далъ, Владыко?
Я всей моей душой,
Сколь можетъ чувствъ моихъ усердье быть
великo,
Люблю тебя, Богъ мой!
Ахъ! даруй, чтобы я прилѣжно обучался,
И не былъ шалуномъ,
Чтобъ доброе любилъ, отъ злаго отвращался,
Гнушался быть лгуномъ,
И ненавидя все, что худо, непристойно,
Хранилъ бы твой законъ,
Чтилъ матерь и отца, жилъ мирно и спо-
койно—
Приди теперь, о сонъ!

РАЗГОВОРЪ

У Вариньки съ Митюшею.

Варинька.

Черезъ восемь дней святки: батюшка и матушка опять насъ подарятъ чѣмъ нибудь:

прошлова году, помнишь ты, сколько они намъ пожаловали.

Мишюша.

Помню. Какъ мы пришли къ нимъ Христа славить и поздравили ихъ съ праздникомъ, такъ батюшка пожаловалъ намъ по двѣ игрушки, да матушка по стольку же.

Варинька.

Съ какою радостію они насъ дарили! казалось, имъ не меньше нашева было весело.

Мишюша.

Мы еще малы и у насъ ничего нѣтъ, а то бы и мы могли этимъ утѣшаться.—Ахъ, да знаешь ли что, сестрица? черезъ восемь дней Рождество—вить у тебя есть деньги?

Варинька.

Есть цѣлой рубль. Ну да чтожъ?

Мишюша.

Завтра ярмонка. Встанемъ-ка мы поутру поранѣе и поучимся хорошенько, чтобъ насъ послѣ обѣда отпустили на ярмонку. У тебя рубль, у меня шесть гривенъ; купимъ на половину этихъ денегъ разныхъ сластей и игрушекъ, спрячемъ ихъ, и какъ придутъ святки, то выпросимся у матушки, возьмемъ съ собой дядьку Ивана, и пойдемъ раздадимъ ихъ садовника Якова маленькимъ дѣтямъ.

Варинька.

Да ужъ надобно и Ѳедошки повара робятишкамъ что нибудь удѣлить.

Мишюща.

И вѣдомо! я про шѣхъ чушь было не забылъ. Какъ они возрадуюшся! съ ними эшова я чаю никогда не случалось.

Варинька.

Конечно не случалось. И мы, подумай, мы будемъ первые шѣ, кошорые шакъ ихъ обрадуемъ. —

О голубчикъ мой брашецъ! поцалуй меня. — Кабы поскорѣй пришли свяшки!

Мишюша.

Однако мнѣ вспало на умъ нѣчшо — —

Варинька.

Ну чшо шакое? скажи пожалуйсша. Не ужъ ли шебѣ жаль сшало! — А вишь эшо наши деньги: мы можемъ ихъ упошребишь на чшо хошимъ, право можемъ.

Мишюша.

Я эшо знаю, да—

Варинька.

Ну чшожъ шакое?

Мишюша.

Вишь деньги, кошорыя шеперь у насъ, пожаловали намъ башюшка съ машушкою. Коли мы ихъ сшанемъ давашь бѣднымъ дѣшямъ — Ну, шакъ сшало бышь не мы ихъ эшимъ даримъ, а дарятъ башюшка съ машушкою.

Варинька.

Это правда; да у насъ нѣтъ никакихъ другихъ денегъ.

Мишюта.

Знаешь ли что, Варинька? я умѣю вязать, да и ты также.

Варинька.

Да; да много ли умѣю?

Мишюта.

По крайней мѣрѣ ты можешь связать подвязки; а я ужъ двѣ недѣли какъ вяжу чулки для батюшки. Станемъ стараться чтобъ поспѣли къ сяткамъ и мои чулки и твои подвязки.

Варинька.

На что?

Мишюта.

Экая ты! да мы продадимъ ихъ батюшкѣ: онъ намъ за нихъ втрое больше пожалуетъ, нежели чего они стоятъ.

Варинька.

Да; однакожъ ярмонка-та завтра, а мы къ завтрему этова не успѣемъ сдѣлать.

Мишюта.

Въ этомъ нѣтъ нужды. Мы теперь возмемъ будто взаймы изъ нашихъ денегъ сколько намъ завтра на покупку понадобится, а послѣ такоежъ число назадъ туда и положимъ. Тогда то ужъ подлинно можемъ мы о

себѣ сказать, что мы сами—разумѣешь ли?—сами бѣдныхъ дѣтей обрадовали.

Варинька.

Разумѣю, разумѣю. О какъ это хорошо! какъ любо! кабы поскорѣй пришли святки!

Мишюша.

Какъ мы щастливы, что ужъ собственными своими трудами умѣемъ доставлять себѣ такія утѣхи?

Варинька (прыгая).

О кабы поскорѣе пришли святки!

Мишюша.

Еще восемь деньковъ, сестрица; а завтра мы пойдемъ на ярмонку.

АЛЕКСАШИНА МОЛИТВА.

О ты, который на дѣтей
Съ небесъ высокихъ призираешь,
И слогъ нескладной ихъ рѣчей
И лепетанье ихъ внимаешь,
Внемли мою молитву Богъ!
И сердце даруй мнѣ такое,
Чтобъ мнѣ противно было злое,
Чтобъ доброе любить я могъ,

Въ проступки часто я впадаю
И тятю съ маминькой гнѣвлю;
Къ тебѣ, о Боже, прибѣгаю,

Исправь, исправь меня, молю!
Прилѣжно всякой день учиться
Во мнѣ желаніе всели,
И ахъ, не дай мнѣ ни коли
Кричать, упряму быть, сердиться.

Когда я голубковъ своихъ
Пшеницей накормить стараюсь,
(А у меня вить пара ихъ)
О какъ я ими утѣшаюсь!
Какъ тихо жизнь они ведутъ,
И какъ между собою дружны!
Какъ смирны! какъ всегда послушны!
Скажу гуль, гуль: они идутъ.

Досады я отъ нихъ не знаю,
Одну имѣю къ нимъ любовь;
Съ стыдомъ я часто разсуждаю:
За чѣмъ я также не таковъ?
Какъ можетъ тварь со мной сравниться?
Ты, Господи, мнѣ разумъ далъ,
Чтобъ зло съ добромъ я разбиралъ . . . .
Но ахъ, я долженъ ихъ стыдиться!

Когда я о своихъ дѣлахъ
Судить начну какъ должно строго,
Какимъ я быть желаю, ахъ!
Еще не достаетъ мнѣ много.
О Боже! благостью твоей
Содѣлай, чтобъ я былъ послушенъ,

Прилѣженъ, тихъ, великодушенъ,
И словомъ, лучшій изъ дѣтей!

ПРИМѢРЪ ВЕЛИКОДУШНАГО БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ одномъ изъ большихъ Нѣмецкихъ городовъ хлѣбъ такъ былъ дорогъ, что многіе бѣдные люди помирали съ голоду.

Въ то время жилъ тамъ одинъ Герцогъ, человѣкъ предобрый и весьма жалостливый. Онъ утѣшался тѣмъ, что Богъ далъ ему великое богатство, коимъ можетъ онъ способствовать бѣднымъ, и щедроты его низливались на многихъ, о которыхъ доходило до его свѣденія.

Однимъ утромъ, одѣвшись въ простое платье, поѣхалъ онъ въ большой садъ, и, оставя у воротъ онаго коляску и слугу своего, пошелъ одинъ ходить по саду.

Едва отошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ за куста выскочилъ человѣкъ, которой уставя ему пистолетъ въ грудь требовалъ у него десяти талеровъ (по нашему рублей). Человѣкъ этотъ, стоя передъ нимъ, весь трясся и дрожалъ, и блѣденъ былъ какъ смерть.

Герцогъ взглянулъ на него съ нѣкото-

рымъ сожалѣніемъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ, отщиталъ требуемое имъ число денегъ, отдалъ ему и сказалъ: ты видишь, что въ кошелькѣ у меня гораздо больше десяти талеровъ; судя по ремеслу твоему не очень честному, кажется, долженъ ты и этихъ отъ меня потребовать.

Разбойникъ не отвѣчалъ на это ни слова и удалился. Герцогъ, держа кошелекъ свой въ рукахъ, смотрѣлъ ему съ удивленіемъ въ слѣдъ, покуда онъ вышелъ изъ воротъ сада. Тогда Герцогъ кликнулъ своего слугу и велѣлъ ему идти за этимъ человѣкомъ и примѣчать, куда онъ пойдетъ.

Потомъ сѣлъ въ свою коляску, поѣхалъ спокойно домой, и никому о семъ приключеніи не сказывалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ возвратился къ нему слуга его и увѣдомилъ, что человѣкъ этотъ прошелъ прямо къ хлѣбнику, заплатилъ ему пять рублей стараго долгу, и купя у него большую корзину ржаныхъ хлѣбовъ отнесъ ихъ домой; а живетъ онъ въ глухомъ переулкѣ въ одномъ старомъ домѣ на чердакѣ подъ самою кровлею.

Герцогъ сказалъ: хорошо! и отпустилъ слугу своего.

На другой день сѣлъ онъ въ коляску, взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ людей

своихъ, и приказалъ себя везти туда, гдѣ этотъ разбойникъ живетъ.

Пріѣхавъ къ дому остановился, вышелъ изъ коляски, принужденъ былъ по многимъ безпокойнымъ лестницамъ вскарабкаться на самый верхъ, и постучался въ двери той малой горницы, въ которой, по сказанію слуги его, человѣкъ этотъ жилъ.

Разбойникъ самъ отворилъ ему дверь, и вдругъ, увидя его отступилъ назадъ съ такимъ ужасомъ, словно какъ бы громъ передъ нимъ упалъ.

Но Боже мой! какое зрѣлище!—больная жена и шестеро изнемогшихъ дѣтей валялись на голомъ полу! на лицахъ ихъ изображалась смертная блѣдность, и нѣсколько старыхъ лоскутьевъ едва прикрывали наготу худощавыхъ тѣлъ ихъ!

Долго нещастный отецъ сего пребѣднаго семейства не могъ выговорить ни слова; напослѣдокъ бросился къ ногамъ Герцога и дрожащимъ голосомъ, указывая на жену и дѣтей своихъ, сказалъ:

„Вотъ, государь мой, причина, для которой я васъ ограбилъ! уже трои сутки сіи нещастные не имѣли куска хлѣба во рту; хлѣбникъ, которому я долженъ былъ, не хотѣлъ мнѣ больше вѣрить. Всего имѣнія оставалось у меня одинъ старой изломанной пистолетишка, котораго никто у

меня не покупалъ; я отнесъ его къ хлѣбнику, но и онъ не давалъ мнѣ за него больше двухъ гривенъ, и то въ зачотъ долгу: тогда голодная и страшная смерть жены и шестерыхъ малыхъ дѣтей моихъ представилась мнѣ въ такомъ ужасномъ видѣ, что довела меня до отчаянія: безчувственъ побѣжалъ я самъ не зная куда; вы первый со мною встрѣтились, и я, не взирая на отвращеніе мое отъ гнуснѣйшаго изъ злодѣяній, приступилъ къ оному.

Предайте меня правосудію; я достоинъ смерти, и хочу умереть. Но о! государь мой!—(тутъ обнялъ онъ колѣна Герцоговы) —Ежели есть въ васъ сострадание, сжальтесь надъ бѣдною женою моею и будьте отецъ моимъ злополучнымъ дѣтямъ!"

Больная мать подняла вопль и рыданіе, моля о пощадѣ мужа ея; малыя голодомъ изнуренныя дѣти ползли къ ногамъ Герцога, воя и прося о помилованіи нещастнаго ихъ отца.

Герцогъ прослезился; велѣлъ имъ успокоиться, и увѣщавалъ мужа сего съ кротостію и безъ гнѣва.

Потомъ вынувъ изъ кармана кошелекъ, далъ ему нѣсколько денегъ, и приказалъ, по искупленіи на оныя нужныхъ для бѣднаго семейства его съѣстныхъ припасовъ, придти къ нему во дворецъ.

Тутъ узнали нещастные, что это самъ Герцогъ, и чуть не умерли отъ страха.

Бѣдный сей преступникъ хотѣлъ промолвить еще нѣчто къ своему оправданію, но добродушный Герцогъ успокоилъ его, и повторилъ приказаніе свое, чтобъ онъ пришелъ къ нему.

Когда сей по повелѣнію его исполнилъ и къ нему явился, тогда Герцогъ на содержаніе семейства его опредѣлилъ ежемѣсячно нѣкоторое число денегъ, а самому велѣлъ ему ходить къ себѣ во дворъ, для исправленія работъ, за которыя ему особливо платить будетъ.

Мужъ сей обливался радостными и благодарными слезами, и съ того времени не проходило ни одного дня, въ которой бы онъ съ женою и дѣтьми своими, стоя на колѣняхъ предъ Богомъ, не проливалъ теплыхъ и усердныхъ молитвъ о здравіи и долгоденствіи сего великодушнаго ихъ благодѣтеля.

ЛѢТНЯЯ ПО УТРУ ПѢСЕНКА

Трудолюбивый Николаша, живучи лѣтомъ въ деревнѣ, никогда не просыпалъ солнечнаго восхода: отъ того всегда былъ бодръ и веселъ. Часто по утрамъ выходилъ онъ на лежащій не подалеку отъ жилища его приго-

рокъ, на которомъ стоя любовался пріятностями окружающей его страны, и нерѣдко въ удовольствіи сердца своего такъ пѣвалъ:

По краткой и пріятной ночи
Мои отверзлись снова очи,
Се паки пѣсенку свою,
Природы красотамъ дивяся,
Умомъ и сердцемъ веселяся,
Въ восторгѣ сладкомъ я пою.

Покрыты здѣсь листки росою;
Съ цвѣтами лугъ передо мною;
Все въ полѣ спѣетъ и растетъ:
Вонъ тамъ качается пшеничка,
А тамъ краснѣетъ земленичка;
О боже! какъ хорошъ твой свѣтъ;

Синѣютъ тамъ бугры лѣсисты;
А небеса—какъ свѣтлы, чисты!
Лазурь въ нихъ съ мѣшенъ съ хрусталемъ.
Журчаніе тамъ рѣчекъ слышно;
А тамъ какъ величаво, пышно,
Блистаетъ солнышко лучемъ?

Куда я взоръ ни обращаю,
Повсюду вкругъ себя срѣтаю
Людей спѣшащихъ изъ домовъ,
Чтобъ, красной веселясь погодой,

Разсыпанныхъ вездѣ природой
Сбирать обиліе даровъ.

На холмѣ стоя семъ высокомъ
И я, смотря веселымъ окомъ
На общіе труды сіи,
Готовъ сего дня дѣлать тоже:
Услышь мою молитву, Боже,
Благослови дѣла мои!

Да день въ трудахъ препровождая,
Тебѣ владыко, угождая,
Доволенъ буду самъ собой,
И тихой ночи подъ крилами,
Подъ маковымы сна цвѣтами,
Вкушу пріятнѣйшій покой.

ЕСТЬЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЪ ИГРА ТЕБЯ ВЕСЕЛИЛА, ТАКЪ ИГРАЙ УМѢРЕННО И СТАРАЙСЯ БЫТЬ ПРИЛѢЖЕНЪ.

Я бы севодня весь день все играла, матушка! говорила малинькая Анюта.

Весь день?

Да, сударыня!

Пускай будетъ по твоему, сказала пристрастная мать, которая не могла дѣтямъ своимъ ни въ чемъ отказывать; только я думаю, ты послѣ сама жалѣть станешь.

Нѣтъ, нѣтъ, матушка!—и съ сими словами побѣжала Анюта забрать всѣ свои игрушки. Но она была одна; братцы и сестрицы ея сидѣли всѣ за ученьемъ. (Это былъ день непраздничной).

Она сперва веселилась по волѣ какъ умѣла, и играла долгое время, но напослѣдокъ удовольствіе ея мало по малу стало уменьшаться.

Она играла во всѣ тѣ игры, которыя знала, такъ что не могла ихъ больше выдумать, а повторять старыя было уже для нее скучно.

Она пришла къ матери и просила ее сказать ей новыя игры, и чтобъ она пришла вмѣстѣ съ нею поиграть; однакожъ матери было недосугъ и она принуждена была въ этотъ разъ ей отказать, хотя и не охотно сіе сдѣлала.

Тогда малютка нахмурившись сѣла и ожидала, какъ бы поскорѣе насталъ часъ, въ которой братцы ея и сестрицы перестанутъ учиться и придутъ играть всѣ вмѣстѣ.

Она побѣжала къ нимъ на встрѣчу, лишь только ихъ увидѣла, и жаловалась на свою скуку, и расказывала какъ она нетерпѣливо ихъ ожидала.

Они обошлись съ нею ласково, и чтобъ развеселить ее, стали играть во всѣ лучшія игры, въ какія они только по праздникамъ играли.

Однакожъ всѣ ихъ усердныя старанія были безполезны: Анюта опять жаловалась, что это для нее не новыя игры, и что ужъ онѣ ей наскучили. Никакъ всѣ сговорились, чтобъ ничего такова не дѣлать, что бы ее увеселяло!

Тогда Катюша, старшая изъ дочерей и разумная дѣвушка одиннатцати лѣтъ отъ роду, взяла ее за руку и съ ласкою сказала:

,,Послушай Анютушка! ежели ты не ,,осердишься, то я тебѣ скажу, кто причиною ,,твоей скуки.—Ты сама, ты видишь, мы всѣ ,,веселы, хотя и чаще тебя играли этими ,,играми.

,,Но мы учились и дѣлали себѣ пользу; ,,отъ того мы въ играхъ находимъ больше удо- ,,вольствія. Ежели бы ты сперва поприлѣж- ,,нѣе поучилась, то бы вѣрно онѣ тебѣ столь- ,,ко же пріятны показались сколько и намъ.

Мать пришла и услыша слова Катюшины, увѣряла Анюту, что она ей говоритъ правду.

ГУСЬ И УТКА.

Гусь уткѣ говорилъ:
Куда ты, утка,
Имѣешь мало у себя разсудка!
И кто тебя такой походкѣ научилъ

Дурной, нескладной?
Пристойноль голову такъ низко потуплять,
Ходить и ковылять?
Взгляни, какой я статной!
Съ какою бодростью высоко въ верхъ держу
Свою я шею,
Какъ ею
Повертывать умѣю,
И гордо какъ хожу!
Кто въ важной выступкѣ со мною могъ
сравниться?
Оставь, сосѣдка, свой манеръ,
Возми съ меня примѣръ:
Какъ должно въ свѣтѣ жить, пора тебѣ
учиться.
На эту утка рѣчь сказала: ква, ква, ква,
И повторила раза съ два
Сіи слова,
А значили они: куда де ты гусишка
Какой великой хвастунишка!
Поди-ка къ лебедю и тамъ ты передъ нимъ
Похвастай мастерствомъ своимъ,
Изобличи его передъ собой пороки,
И послѣ приходи давать ко мнѣ уроки.
Не полюбился складъ
Утиной гусю шутки,
Пошелъ нахмурившись назадъ,
И говорилъ: ума ни крошки нѣтъ у утки!

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЯ ДѢТИ.

Однажды послѣ обѣда въ ясную погоду Мишюша съ Палагеюшкой получили ошъ машушки своей позволеніе ипши однимъ поиграшь въ саду.—(Сію вольносшь заслужили они хорошимъ поведеніемъ своимъ въ шо ушро).

Долгое время играли они весело и хорошо, какъ добрымъ дѣшямъ играшь должно.

Въ саду сшояли съ плодами различныя деревья, между кошорыми было одно молодое персиковое дерево, въ первый разъ плодъ принесшее. На немъ не много было персиковъ, но они шѣмъ пріяшнѣе казались.

Машь не сорвала еще ни одного изъ сихъ персиковъ, хошя уже они довольно были зрѣлы: она берегла ихъ къ пріѣзду ошца, кошорой куда-шо ошъѣзжалъ.

И какъ она однажды навсегда запрешила дѣшямъ своимъ, чшобъ они безъ ея позволенія плодовъ въ саду не рвали, спадшихъ же не поднимали и не кушали, а пришомъ привыкла видѣшь ихъ всегда послушными; шо на эшошъ разъ ничего имъ о персикахъ не сказала.

Когда сіи малюшки довольно наигрались, шо побѣжали кругомъ, осмашривали прекрасные плоды на деревьяхъ и любовались глядя на нихъ.

Напослѣдокъ прибѣжали они и къ персиковому дереву, подлѣ котораго вѣтромъ сшибены лежали два прекрасные персика. Митюша первый ихъ увидѣлъ, забылъ о матушкиномъ запрещеніи, поднялъ одинъ персикъ и скушалъ, а другой отдалъ Палашѣ, у которой онъ также не долго былъ цѣлъ.

Когда персики были съѣдены, тогда Палаша вспомнила о матушкиномъ приказаніи, чтобъ не показавъ ей не кушать ни какихъ плодовъ.

Ахъ, братецъ! сказала она, мы не послушались матушки, она теперь на насъ прогнѣвается; какъ намъ быть?

МИТЮША.

И! да она не свѣдаетъ.

ПАЛАША.

Какъ не свѣдать? братецъ! а развѣ вотъ какъ мы сдѣлаемъ: ты знаешь, что она и большіе проступки иногда намъ прощала, когда мы ей чистосердечно въ нихъ признавались...

МИТЮША.

Да, однакожъ мы ее ослушались, а ты знаешь, что она за ослушаніе всегда наказываетъ.

ПАЛАША.

Пусть инъ накажетъ; но вить это она любя насъ сдѣлаетъ, а мы впредь не будемъ

забывать того, что она приказываетъ намъ или запрещаетъ.

МИТЮША.

Правда твоя, сестрица! но это, что она принуждена будетъ насъ наказать, сдѣлаетъ ей опять не малую печаль.—А я не могу видѣть ее печальною.

ПАЛАША.

И я также, братецъ! Ну, да какъ она еще печальнѣе будетъ, когда узнаетъ, что мы отъ нее проступокъ свой утаили? а хотя бы и не узнала, но съ какимъ сердцемъ станемъ мы на нее смотрѣть, знавши за собою такую вину? не стыдно ли намъ будетъ, когда она приласкаетъ насъ и назоветъ любезными дѣтьми, а мы этова не заслуживаемъ?

МИТЮША.

Ахъ, голубушка сестрица; я вижу, что ты лучше меня разсуждаешь. Пойдемъ, пойдемъ къ ней, и признаемся въ нашемъ непослушаніи.

Тутъ обнялись они и взявшись рука за руку пошли.

Матушка сударыня! сказала пришедъ Палаша, мы тебя не послушались! накажи насъ, мы тово стоимъ. Только не гнѣвайся, не будь печальна; мы забыли о твоемъ запрещеніи.

Потомъ расказалъ Митюша, что они сдѣлали, расказалъ подробно всю правду.

Добрая машь шакъ шронуша была чистосердечіемъ своихъ дѣшей, чшо она прослезилась. Она не наказала ихъ за ослушаніе и на сей разъ охошно имъ просшила, ибо думала, чшо они раскаяніемъ своимъ довольно наказаны, и чрезъ що научились впредь осшерегашься ошъ непослушанія.

~~~~~~~~~~~~

ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Взгляньше, какъ ясно лучь солнца блисшаешъ;
Зелень пріяшна луга украшаешъ;
Хладный расшаялъ и снѣгъ ужъ и ледъ;
Въ полѣ цвѣшочикъ и шравка расшешъ.

Съ шумнымъ жужжаніемъ кучкой немалой
Пчелки шолпяшся вкругъ розочки алой;
Песшрая бабочка, въ бархашѣ вся,
Смошришъ любуясь сама на себя.

Жаворонки къ верху высоко віюшся;
Пѣсенки пшичекъ въ лѣску раздаюшся;
Громки ихъ гласы, но всѣхъ ихъ громчей
Нѣжный малюшко поешъ соловей.

Взоры куда я свои ни кидаю,
Всюду веселье, ушѣхи всшрѣчаю;
~~~~~~~~~~~~

Бьется отъ радости сердце мое!
Господи! славно будь имя твое.

ВЕЛИКОДУШНОЕ ДИТЯ.

Мальчишка былъ и выросъ великонекъ,
Малчишка неплохонекъ,
Да только изъ избы не выступалъ ногой.
Не знаю для чего содержанъ былъ такъ строго,
Да мнѣ и знать о томъ потребности не
много;
Довольно, что мальчишка мой,
Окромѣ печи,
На коей грѣлъ онъ плечи,
Другова ничего на свѣтѣ не видалъ :
Онъ можетъ быть хворалъ,
Такъ за болѣзнію все дома оставался.
Пришла пора
Мальчишкѣ ѣхать со двора;
Отецъ его куда-то собирался;
Не вѣдаю о томъ,
То лѣтомъ было иль весною,
Но ѣхалъ онъ верхомъ
И сына взялъ съ собою.
Мальчишка, вырвавшись изъ долгой заперти,
Всему дивится:
Ему все чудо зрится,
Что онъ ни встрѣтитъ на пути:
Всѣ холмики ему казалися горами,

Всѣ лужицы морями;
Вопросамъ не было конца,
Замучилъ ими онъ отца.
Впослѣдокъ, путь свой продолжая,
Они въѣзжаютъ въ лѣсъ,
А къ нимъ бѣжитъ на встрѣчу песъ,
Иль попросту сказать, собака злая,
Хохлатая, большая.
Мальчишка мой кричитъ:
Скажи мнѣ батюшка, вонъ это что бѣжитъ?
Отецъ отвѣтствуетъ, мальчишку искушая:
О другъ мой, знаешь ли? вить это злой медвѣдь,
Онъ хочетъ насъ сожрать, намъ должно умереть!
Мальчишка мой отнюдь того не испугался,
И говоритъ отцу: столкни меня
Съ коня,
Чтобъ въ зубы я къ нему попался,
А какъ меня онъ станетъ жрать,
Ты можешь, батюшка, отселѣ ускакать.

ХУДО БЫТЬ НЕПОСЛУШЛИВЫМЪ.

Четыре маленькія дѣвушки, окончавъ часы своего ученія, играли съ саду: Учительница и купно пріятельница ихъ, которая никогда отъ нихъ не отлучалась, была и на этотъ разъ съ ними.

Это было въ то время, когда плоды

начинають поспѣвать, и естьли изъ нихъ которой упадалъ съ дерева, то дѣти прибѣгали къ ней и спрашивали, поспѣлъ ли онъ и можно ли его кушать.

Нѣкакое дѣло принудило учительницу пойти изъ саду и оставить на часокъ своихъ малютокъ.

Не срывайте, любезныя дѣти, и не кушайте до меня ни какихъ плодовъ, сказала она, и пошла отъ нихъ; а онѣ обѣщались быть послушными.

Между тѣмъ, какъ дѣти сидѣли подъ однимъ деревомъ и играли, упала передъ ними на землю прекрасная груша:

По своему обыкновенію бросились было онѣ всѣ за нею, но скоро вспомнили, что учительница имъ запретила, и что не хорошо бы было ее ослушаться.

Одна Аннушка, младшая изъ всѣхъ, не хотя воспротивиться своему желанію, побѣжала къ грушѣ, подняла ее и сказала сестрицамъ: я ее благополучно скушаю, а вы будто не видите!

Послѣ сего идетъ учительница: малютки всѣ побѣжали къ ней на встрѣчу, и она стала ихъ спрашивать, были ли онѣ послушны.

Три старшія увѣряли ее безъ всякаго смущенія, потому что онѣ были правы, а

праваго человѣка совѣсть не укоряетъ; но Аннушка стояла покраснѣвъ какъ нѣмая.

Хорошо, сказала учительница, вамъ тремъ позволяю я идти вонъ въ этотъ уголокъ сада и кушать тамъ вишни и малину; на васъ можно положиться, что вы ничего незрѣлаго или запрещеннаго кушать не станете. Я между тѣмъ пойду и буду сидѣть въ бесѣдкѣ.

Но ты, Аннушка, не можешь участвовать въ ихъ удовольствіи, потому что ты безъ меня запрещенныхъ плодовъ накушаешься, или отъ многаго объяденія занеможешь, а я еще имѣю столько къ тебѣ любви, что не хочу тебя до того допустить.

Аннушкѣ было весьма чувствительно, она сожалѣла о своемъ непослушаніи; но сія чувствительность послужила ей къ великой пользѣ.

А именно, она подала ей поводъ одуматься и узнать, въ какую опасность каждую минуту вдается дитя подверженное сему пороку, и для того Аннушка съ тогожъ часа твердо вознамѣрилась всегда быть послушною.

Она сіе исполнила и наслаждалась, какъ и прочія ея сестрицы, любовію всѣхъ тѣхъ, которые ее знали, и могла уже во всѣхъ забавахъ позволяемыхъ тѣмъ, безъ всякаго опасенія брать равное съ ними участіе.

СЛОВА БѢДНАГО НИКОЛКИ, КОГДА ОНЪ УСЛЫШАЛЪ О БОЛѢЗНИ БОГАТАГО ПЕТРУШИ.

Петруша нездоровъ? Петруша захворалъ?
Которой такъ вчера былъ веселъ и игралъ?
По этому, хоть кто богатъ и всѣмъ доволенъ,
Но съ бѣднымъ наровнѣ быть можетъ также боленъ?
Я этова не зналъ.

Любимый сынъ отца, отъ столькаго достатку
Петрушаль жизнь свою не могъ содѣлать сладку?
Ни въ чемъ и никогда онъ нужды не имѣлъ,
Одѣтъ былъ хорошо, со вкусомъ пилъ и ѣлъ,
А терпитъ лихорадку!

Мы съ братомъ Ѳединькой безъ нужды ни на часъ,
Ѣдимъ лишь чорствой хлѣбъ и пьемъ за рѣдкость квасъ;
Однако дни свои не худо провождаемъ:
Мы веселы, поемъ, мы рѣзвимся, играемъ,
И нѣтъ здоровѣй насъ.

Не всходятъ и на умъ намъ мысли прихотливы,
Не ѣвши съ роду сливъ для насъ рябина сливы.

Благодарю тебя всѣмъ сердцемъ и умомъ,
О Творче! что меня не сдѣлалъ ты Петромъ:
Не онъ, а мы щасшливы.

ДАМЕТЪ И ДОРИСА.

ДАМЕТЪ.

Ахъ! что мнѣ дѣлать? боюсь показаться башюшкѣ. Какъ будетъ онъ тужить о васъ, бѣдныя козы! — Нѣтъ! Я не могу видѣть слезъ его; лучше пойду..... пойду, куда глаза глядятъ. Бѣдной я!

ДОРИСА.

О чемъ ты плачешь, Дамешъ?

ДАМЕТЪ.

Ахъ, Дориса! кабы ты знала каково мнѣ! подумай только: двѣ козы, которыхъ мнѣ башюшка велѣлъ пасти, спрыгнули съ горы и убились до смерти! У бѣднаго старика только и всего имѣнія было; мы питались ихъ молокомъ. Теперь что̀ намъ осталось? Чѣмъ мы будемъ жить? Бѣдныя козочки! какъ я ихъ любилъ! Онѣ часто играли со мною на травѣ; часто лежали смирнехонько у ногъ моихъ, когда я подъ тѣнію древесъ сидѣлъ. Я нарочно ходилъ выбирать любимую имъ травку, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ, водилъ всегда къ чистому источнику, холилъ ихъ, мылъ, и прежде самъ не ложился

спать, покуда ихъ не отводилъ въ хлѣвокъ. Теперь ужъ ихъ нѣтъ! ахъ ахъ!

ДОРИСА.

Но какимъ образомъ это сдѣлалось? Для чево ты за ними не смотрѣлъ?

ДАМЕТЪ.

Я на часокъ предъ тѣмъ сошелъ съ горы въ долину, и искалъ тамъ цвѣтовъ, чтобъ сплести себѣ вѣнокъ. Между тѣмъ какъ я хожу и рву цвѣтки, Тирсисова большая собака съ другой стороны горы бѣжитъ во всю мочь и лаетъ: бѣдныя мои козочки испугавшись бросились съ горы безъ памяти! я кричу, бѣгу; но прибѣжалъ уже тогда, когда онѣ мертвыя у ногъ моихъ лежали!

ДОРИСА.

Бѣдной ты!

ДАМЕТЪ.

Ахъ! не тужи о мнѣ, тужи лучше о моемъ отцѣ: ты знаешь какъ онъ бѣденъ, а теперь я его еще бѣднѣе сдѣлалъ, лишилъ послѣдняго: О Дориса! утѣшь его безъ меня: я во вѣки ему не покажусь, уйду куда глаза глядятъ.

ДОРИСА.

Ты безумствуешь, Даметъ; развѣ ты хочешь больше его опечалишь? ты знаешь, какой онъ доброй, тотчасъ тебя проститъ.

ДАМЕТЪ.

Такъ, Дориса; но сіе то самое, что я

его люблю и онъ меня любитъ, пуще меня сокрушаетъ: я не могу на горесть его смотрѣть.

ДОРИСА.

Послушай, Даметушка; останься съ нами. Какъ можешь ты любить отца и наводить ему такую жестокую печаль? Останься и только молчи! Ты вѣдаешь, какъ я богата, и что на здѣшнихъ поляхъ стадо мое всѣхъ больше: какую розницу могутъ мнѣ сдѣлать двѣ козы? Пойдемъ, мой другъ, я тебѣ ихъ съ радостію подарю.

ДАМЕТЪ.

О Дориса!—О любезная!—Ахъ ты мнѣ жизнь возвращаешь!

ДОРИСА.

Какъ щастливъ тотъ, кто можетъ дѣлать добро другимъ!

ДАМЕТЪ.

Теперь пойду я къ батюшкѣ. Какъ бѣдный старикъ обрадуется! Какъ будетъ онъ тебѣ благодаренъ! пойдемъ—Но нѣтъ! возьмемъ козъ и приведемъ къ нему сами—О Дориса! скажи, какъ мнѣ тебя любить? какъ оказать тебѣ свою благодарность?

ДОРИСА.

Молчи!—Двѣ козы прежде были у тебя, а теперь, чтобъ больше обрадовать твоего отца, я тебѣ даю трехъ овецъ матокъ и съ ягнятками.

ДАМЕТЪ.

О небо!—Я умру отъ радости! Дориса! любезная Дориса! нѣтъ! этова много!

ДОРИСА.

Пойдемъ, возьми изъ моего стада козъ твоихъ и овецъ.

О люди.! есть ли что сладостнѣе удовольствія благодѣтельствовать себѣ подобнымъ?

ЛИСИЦА И ЛЕВЪ.

Лисица льва на единѣ узрѣвъ,
Поджавши хвостъ пришла къ нему смиренно
И говоритъ уничиженно:
Высокомочный левъ!
Осмѣлюсь донести не ложно,
Что по моей къ тебѣ любви не можно
Никакъ того мнѣ перенесть,
Что бы твою при мнѣ кто трогалъ честь.
Оселъ меня совсѣмъ выводитъ изъ терпѣнья:
Онъ, не храня къ тебѣ почтенья,
Мнѣ часто говоритъ,
Что будто я хвалю тебя напрасно,
Что онъ въ тебѣ достоинствъ тѣхъ не зритъ,
О коихъ я ему толкую ежечасно;
Что будто мужества не видно твоего,

Великодушія въ тебѣ что будто мало,
Что ты похвальнаго не сдѣлалъ ничего;
Что правосудія въ тебѣ и небывало.
Левъ, выслушавъ сіе, съ минушку помолчалъ,
И тако отвѣчалъ:
Равны мнѣ ваши лица,
На гнусну лесть лисицы,
И на ослову брань и гнѣвъ
Не смотритъ левъ.

ВИТТИНГТОНЪ.

Въ Лондонѣ (вы я думаю знаете, гдѣ этотъ городъ лежитъ?) богатой нѣкто купецъ принялъ къ себѣ въ домъ одного пребѣднаго сироту, у которого отецъ и мать умерли.

Мальчикъ этотъ назывался Рихардъ Виттингтонъ. Съ начала, для того что онъ еще очень малъ былъ, не употребляли его ни къ какому дѣлу: и такъ онъ бѣгалъ только вездѣ въ домѣ.

Но онъ нашелъ сам себѣ дѣло: сталъ прилѣжно сбирать и прятать потерянныя

булавки и брошенныя голландскія нитки, которыми купцы увязываютъ свои товары. Когда онъ дюжины двѣ булавокъ и довольно толстой пучокъ голландскихъ нитокъ собралъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ.

Господину его это понравилось: мальчикъ этотъ, подумалъ онъ, можетъ со временемъ быть вѣрный и бережливый смотритель за домомъ. Съ того времени онъ больше занимался имъ и полюбилъ его.

Однажды окатилась кошка: одинъ изъ людей того дома взялъ маленькихъ котятъ и понесъ ихъ бросить въ рѣку; мальчикъ выпросилъ себѣ одного котенка съ тѣмъ, чтобъ его вскормить и послѣ продать. Дали ему, онъ кормилъ его, котенокъ выросъ и сталъ прекраснѣйшій котъ.

Спустя нѣкоторое время купецъ отправлялъ въ далекую землю большой корабль съ товарами, для продажи тамъ оныхъ. Когда онъ шелъ на него посмотрѣть, все ли порядочно укладено, мальчикъ встрѣтился съ нимъ, и котъ у него на рукахъ.

Рихардъ, сказалъ ему купецъ, нѣтъ ли у тебя чего отправить за море на продажу?—

Ахъ сударь, отвѣчалъ мальчикъ, вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ этова кота.

Ну такъ пошли кота, сказалъ купецъ. Рихардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота и просилъ чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ корабельщикъ присталъ къ одному острову, которой до того времени совсѣмъ не извѣстенъ былъ. Вышли на берегъ и услышали, что на этомъ острову владѣетъ Король.

Король лишь только узналъ о прибытіи въ землю его чужестранцевъ, то велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего ѣсть не льзя.

Въ горницѣ такая пропасть была мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ стадами по столу бѣгали, пожирали кушанья, и даже изъ рукъ у гостей куски хватали.

Не могли найти никакова способа къ избавленію отъ нихъ, хотя Король тому, кто этотъ способъ сыщетъ, обѣщалъ дать кучу золота въ награду.

Чужестранцы услышавъ сіе сказали Королю, что они привезли съ собою звѣря, ко-

торой всѣхъ мышей и крысъ передавитъ; и велѣли принести кота.

Тутъ-то было чего посмотрѣть, какъ онъ началъ всѣхъ мышей пырять! черезъ полъ часа ни одна крыса не смѣла показать носу.

Король такъ этому обрадовался, словно какъ бы кто ему другое царство подарилъ; и какъ онъ имѣлъ неизчерпаемое богатство, то и далъ за кота цѣлую бочку золота. Корабль поплылъ назадъ.

Купецъ лишь только услышалъ, сколько за кота денегъ дали, то позвалъ къ себѣ мальчика, расказалъ ему о его щастіи, увѣрилъ его, что все это золото ему одному принадлежать будетъ.

Потомъ обучилъ онъ его торговымъ дѣламъ, и какъ увидѣлъ, что сей молодой человѣкъ продолжаетъ быть трудолюбивъ, вѣренъ и бережливъ, то по пришествіи его въ совершенный возрастъ, выдалъ за него за мужъ единородную дочь свою, и сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія.

ИСТИННЫЙ БРАТЪ.

Преставился отецъ, осталися три сына:
Они имѣніе дѣлятъ между собой,

И всякъ изъ нихъ потомъ въ удѣлъ отходитъ
свой,
По нѣскольнихъ годахъ жестокая судьбина
Послала въ ту страну
Кровавую войну:
Отъ непріятельскихъ орудій обнаженныхъ,
Изъ селъ и изъ домовъ своихъ возженныхъ
Всѣ жители бѣгутъ,
И страхъ одинъ съ собой бѣгущіе несутъ.
Два брата изъ троихъ, которы раздѣлились,
При общей пагубѣ людей
Всего имѣнія, всѣхъ благъ своихъ лишились,
А съ ними и надежды всей.
Но третій братъ изъ нихъ остался невредимо,
Гроза сія его прошла по щастью мимо.
Услышавъ о своихъ онъ братьяхъ, что они
Всего лишенны,
Проводятъ въ бѣдствѣ дни,
Свирѣпаго врага рукою разоренны,
Вѣщаетъ самъ себѣ: такъ я одинъ богатъ,
А братья будутъ нищи,
Шататься день и ночь безъ пищи?...
Какой я буду братъ!
Сіе сказавъ тотчасъ письмо приготовляетъ,
Немедленно гонца по братьевъ посылаетъ:
Они пріѣхали.... Се братская любовь!
Онъ съ ними часть свою дѣлитъ по равну
вновь.

РАЗГОВОРЪ ВЪ САДУ.

Дѣйствующія лица:
Доброумъ, надзиратель.
Графъ Николай, семи лѣтъ.
Иванъ, работникъ двѣнатцати лѣтъ.
Графъ Андрей, осми лѣтъ.
Фока рыбакъ.

Гр. Николай.

Какъ этотъ малой (*указывая на Ивана*) въ грязи роется! посмотрите, господинъ Доброумъ, какъ онъ весь замаранъ! фуй! гадко на него смотрѣть!

Доброумъ.

Такъ, это правда; но за чѣмъ онъ это дѣлаетъ?

Гр. Николай.

Какъ за чѣмъ? онъ копаетъ гряду подъ спаржу и выбрасываетъ изъ нее худую траву.

Доброумъ.

Да на что это?

Гр. Николай.

Чтобъ спаржа лучше росла.

Доброумъ.

А!... такъ онъ это для насъ работаетъ?

Гр. Николай.

И вѣдомо. Не ужлижъ ему самому обжираться спаржею.

Доброумъ. (*постоявъ нѣсколько и смотря съ ласкою на Ивана.*)

Бѣдной малой! какъ онъ трудится! по-

смотри онъ замаранною рукою потъ съ лица своего отираетъ. Я дивлюсь, что онъ не броситъ работу и не уйдетъ.

Гр. Николай.

О! этова онъ сдѣлать не смѣетъ.

Доброумъ.

Не смѣетъ?—для чего?

Гр. Николай.

Развѣ вы не знаете, что онъ сынъ нашева Петра, которой живетъ тамъ вонъ близко житницъ?

Доброумъ.

Онъ сынъ ево? этова толстова мужика, которой, какъ мы были на сѣнокосѣ, такъ былъ прилѣженъ и веселъ?

Гр. Николай.

Такъ, такъ; и которой хотѣлъ *еще* изъ своей кружки меня напоить.

Доброумъ.

Предоброй человѣкъ! а самъ имѣлъ въ томъ такую нужду, потому что тогда было очень жарко.

Гр. Николай.

Да кто бы изъ ево кружки пить сталъ? фуй! подлинно что подлые люди иногда бываютъ въ тягость: грубый рыбакъ нашъ, Фока, всегда подаетъ мнѣ руку, а *она* у него такая мерзская!

Доброумъ.

Конечно, кожа на его рукахъ отъ рабо-

ты сдѣлалась толстою, а учтивостямъ свѣтскимъ онъ не наученъ.—Чтобъ ты сказалъ, Графъ, естьли бы батюшка твой всѣхъ этихъ людей изъ своей деревни выгналъ, а на мѣсто ихъ набралъ бы все чистоплотныхъ и опрятныхъ?

Гр. Николай.

То-то бы было хорошо!

Доброумъ.

Чтобъ это все такіе люди были, съ которыми могли бы мы прогуливаться, ходить къ нимъ въ гости; они бы хорошо были одѣты, имѣли у себя чистинькія руки, и слѣдственно не были бы такъ гнусны и отвратительны какъ сіи?

Гр. Николай.

Ахъ! коли бы батюшка это сдѣлалъ!

Доброумъ.

Попробуемъ, станемъ говорить ему, можетъ быть онъ на это и согласится. Хочешь ли?

Гр. Николай.

Хочу, очень хочу!

Доброумъ.

Но—одно мнѣ на умъ приходитъ.

Гр. Николай.

Что такое?

Доброумъ.

Я думаю, ктожъ въ будущую осень намолотитъ намъ хлѣба? Вить сіи люди въ

чистиньких платьицах и съ бѣлинькими ручками сдѣлать этова не могутъ!

Гр. Николай.

О! хлѣба мы можемъ купить сколько намъ надобно.

Доброумъ.

Купить? — да то, на что покупаютъ, деньги то откуда мы возьмемъ? Вить ты знаешь, что прикащикъ всегда къ батюшкѣ твоему приноситъ большой мѣшокъ, когда продастъ хлѣбъ.

Гр. Николай.

Да это правда.

Доброумъ.

А запачканой рыбакъ, когда отнесетъ нѣсколько карповъ на рынокъ, не приноситъ ли также съ собою денегъ?

Гр. Николай.

Да, онъ это дѣлаетъ.

Доброумъ.

А другой запачканой мужикъ, которой всегда на скотномъ дворѣ навозъ нюхаетъ, когда онъ накопитъ нѣсколько кадокъ желтова масла, не достаетъ ли чрезъ то деньги?

Гр. Николай.

Такъ, это правда.

Доброумъ.

И чтобы мы стали дѣлать, естьли бы у насъ денегъ не было? намъ бы надлежало или умереть съ голоду, или милостину просить.

Кому мы тѣмъ обязаны, что не имѣемъ въ этомъ нужды?

Гр. Николай.

Тѣмъ, которые достаютъ намъ деньги.

Доброумъ.

Слѣдовательно этимъ чорнымъ мужикамъ и работникамъ, этому скотнику и этому рыбаку съ жосткими руками и въ запачканомъ платьѣ! Могли ли бы сіи бѣлоручки, которыхъ бы мы на мѣсто ихъ набрали, доставать намъ столько какъ они? могли ли бы тѣ работать?

Гр. Николай.

О, нѣтъ! они бы этова не могли.

Доброумъ.

Конечно нѣтъ; ибо ежели бы имъ надлежало ворочать такія глыбы земли, какія вонъ этотъ Иванъ ворочаетъ, то бы они скоро отказались. Помнишь ты; братецъ твой Андрей не успѣлъ три раза ударить молотилкою, какъ уже весь вспотѣлъ и усталъ.

Гр. Николай.

Да, да, это правда, и я не понимаю, какъ простолюдинцы могутъ цѣлой день сносить такую работу,

Доброумъ.

Имъ также не легко, и для того должны мы имъ всячески благодѣтельствовать: однакожъ имъ и не такъ трудно, какъ бы это было намъ, потому что члены ихъ отъ ра-

Гр. Андрей.

Правда швоя, Иванъ, правда. (*Отрясываетъ свое платье*).

Гр. Николай. (*обнимая его.*)

Полно не укусила ли она шебя, брашецъ?

Гр. Андрей.

Нѣшъ, нѣшъ, будь спокоенъ и не дѣлай по моему. Господинъ Доброумъ, я шошчасъ приду къ вамъ назадъ, шолько слово скажу Ивану. (*Идетъ къ нему въ садъ*).

Доброумъ. (*съ меньшимъ Графомъ стоя на дворѣ.*)

Ну, Графъ! что ты шеперь скажешь о Иванѣ? еще ли онъ шебѣ кажешся шакъ просшъ и гнусенъ, что не льзя на него безъ омерзѣнія смошрѣшь?

Гр. Николай.

Ахъ, нѣшъ! я ево очень полюбилъ.

Доброумъ.

Онъ эшо и заслуживаешъ, а съ нимъ вообще всѣ люди, которые обыкновенно шакже какъ онъ неушомимы въ шрудахъ, довольны своимъ состояніемъ, добросердечны и съ охошою всякому помогаюшъ, какъ скоро имѣюшъ къ шому случай. Пречестные люди! не больше ли они для насъ шрудяшся, нежели для самихъ себя?

Гр. Николай.

Ахъ! шакъ, эшо правда.

Доброумъ.

И не должны ли мы за то быть къ нимъ доброжелательны, стараться облегчать ихъ труды и благодарить Бога, что онъ такихъ намъ далъ помощниковъ, которые для насъ больше дѣлаютъ, нежели мы сами?—Конечно, кто презираетъ мужика, или еще дѣлаетъ ему зло, тотъ долженъ быть весьма глупый или весьма злой человѣкъ; глупый, потому что не знаетъ, сколь полезно и достопочтенно сіе состояніе; злой, по тому что собственному благодѣтелю своему вредитъ.—Или не назовемъ мы благодѣтелемъ того, кто намъ благо дѣлаетъ? а сіи добрые и трудолюбивые люди не дѣлаютъ ли намъ ежедневно много добра своими трудами?

Гр. Николай.

Такъ, это подлинно правда. Отнынѣ я ихъ всегда любить буду. (*Между тѣмъ увидя рыбака бѣжитъ къ нему на встрѣчу и подаетъ ему руку*). Здорово, Фока, здорово!

Фока.

Дай тебѣ Господь много лѣтъ здравствовать, кормилецъ мой!—(*Графъ Николай ведетъ его за руку къ надзирателю*).

ВЕСНА.

Сталъ воздухъ синь и тепль, долина зелена,
Лилеи разцвѣтаютъ,
Струи въ брегахъ играютъ.
Пріятная весна,
Какъ дѣва красная ко браку разряженна,
Роскошствуя вездѣ блистаетъ испещренна.

Желающій ея пріятности вкушать,
Въ поля идетъ избранны.
Въ луга благоуханны,
И сѣвши отдыхать
Подъ тѣнью тамъ древесъ, гордящихся ли-
стами,
Восхвалитъ Господа и сердцемъ и устами.

НАТАША.

Наташа всѣхъ превосходила
Чрезмѣрной рѣзвостью дѣтей,
И что ей мать ни говорила,
Безъ пользы было то для ней.

Играть однажды въ жмурки стала
И какъ мужикъ она блажной
По стульямъ, по столамъ скакала,
Кричала бѣгая: гей, гой!

Лице ея какъ угль горѣло
И потъ съ нее ручьями лилъ,
Въ ней сердце билось и кипѣло,
Дышать почти не стало силъ.

Тихонько такъ она уходитъ,
Оставя на часокъ игру,
И воду свѣжую находитъ,
Чѣмъ жажду утолить въ жару.

Сладка ей кажется водица!
Но братъ Петруша въ слѣдъ за ней
Бѣжитъ крича: постой сестрица!
Я матушкѣ скажу, не пей!

Она рукою погрозила,
И воду выпивъ всю со льдомъ,
Бѣда твоя, проговорила,
Коль скажешь ты кому о томъ.

Петруша самъ не вѣдалъ много,
За что бранитъ за это мать.
И не судя объ этомъ строго,
Направилъ ноги вновь скакать.

На завтра тотчасъ онъ приходитъ
Наташу видѣть по утру;
Но ахъ, въ коль жалостномъ находитъ
Онъ состояніи сестру!

Бѣдняшка вопитъ со слезами,
Ни сѣсть ни лечь ей не даетъ,
Какъ будто острыми иглами
Ее кто колетъ, такъ реветъ!

Петруша побѣжалъ стоная,
Тоску свою онъ въ садъ понесъ,
Тамъ руки къ верьху воздѣвая
Онъ проситъ помощи съ небесъ.

Межъ тѣмъ лѣкарство составляютъ,
Натамѣ въ ложкѣ подаютъ;
Къ нещастію не помогаютъ
Ни прозьбы ни угрозы тутъ:

Она ту ложку прочь толкая
Кричитъ лишь: горько! нѣтъ! ой нѣтъ!
Мать тщетно говоритъ лаская:
Принудь себя, прими, мой свѣтъ!

И лѣкарь какъ ни ублажаетъ,
То посулитъ здоровье ей,
То смертью злою угрожаетъ,
Не слушаетъ его рѣчей!

Болѣзнь межъ тѣмъ усугублялась,
И ахъ! на утренней зарѣ,
Наташа бѣдная скончалась
Лежала мертвая въ одрѣ!

Тогда Петруша вдругъ вбѣгаетъ;
Сестру зря блѣдну предъ собой,
На тѣло съ крикомъ упадаетъ,
И тутъ же вѣкъ кончаетъ свой.

Тѣла ихъ вмѣстѣ положили,
И надъ могилой сдѣланъ знакъ.
Сіе отъ Лейпцига съ полъ мили;
Кто ѣдетъ мимо, видитъ всякъ.

ДѢТСКІЕ РАЗГОВОРЫ,

толкующіе о вещахъ, умствованіемъ постигаемыхъ, и служащіе пищею разуму.

РАЗГОВОРЪ I.

О томъ что такое тѣло.

Дитя.

Батюшка! я спросилъ северодни у дядюшки, что такое мѣсяцъ? а онъ мнѣ сказалъ: тѣло. Я не могу этова понять. Мѣсяцъ совсѣмъ не похожъ на человѣка, а мнѣ кажется тѣло только у человѣка бываетъ.

Отецъ.

Нѣтъ, мой другъ, дядюшка правду сказалъ. Надобно только тебѣ выучиться разумѣть, что такое тѣло.

Дитя.

Да какъ же я это сдѣлаю?

Отецъ.

Послушай прилѣжно, такъ я тебѣ растолкую. Всѣ тѣ вещи называются тѣлами, которыя можно глазами видѣть, и рукою ощупать. Ты самъ себя можешь видѣть и щупать или осязать: и такъ ты—

Дитя.

Тѣло!

Отецъ.

Да, тѣло. А вонъ этотъ камень, которой тамъ лежитъ, тѣло ли онъ?

Дитя.

Я думаю.

Отецъ.

Можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Могу.

Отецъ.

А рукою осязать или пощупать?

Дитя.

И то могу.

Отецъ.

Итакъ камень есть тѣло. Далѣе: вонъ это дерево, которое тамъ стоитъ, можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Могу.

Отецъ.

А щупать?

Дитя.

Также могу.

Отецъ.

Слѣдовательно и дерево также есть —

Дитя.

Тѣло.

Отецъ.

Теперь станемъ говорить о мѣсяцѣ. Можешь ли ты его видѣть?

Дитя.

Какъ же, я по ночамъ всегда его вижу на небѣ.

Отецъ.

А можешь ли ты осязать, пощупать, дотронуться до него рукою?

Дитя.

Нѣтъ, этова я не могу.

Отецъ.

Для чего не можешь? для того что онъ отъ насъ далекъ, такъ ли? но ежели бы ты могъ подойти къ нему близко, то бы и ощупать его могъ, точно также, какъ можешь ощупать землю, на которой ты стоишь. — Вонъ, на примѣръ, этотъ домъ: ты видишь его, но можешь ли до него дотронуться?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Для чего нѣтъ?

Дитя.

Для того, что онъ далеко отселѣ.

Отецъ.

Чтожъ? не ужъ ли для этова ты не сочтешь его тѣломъ?

Дитя.

Сочту, потому что естьли бы я тамъ подлѣ него былъ, такъ могъ бы до него дотронуться.

Отецъ.

Такъ, ты справедливо разсуждаешь. Равнымъ образомъ естьли бы ты и подлѣ мѣсяца былъ, то также могъ бы до него дотронуться; но туда не можемъ мы взойти.

Дитя.

Для чегожъ не можемъ?

Отецъ.

Для того, что между нами и мѣсяцомъ ничего нѣтъ, кромѣ воздуху; а по воздуху мы летать не можемъ.

Дитя.

Какъ жаль; о кабы это можно было!— Но что такое воздухъ?

Отецъ.

Воздухъ есть также тѣло.

Дитя.

И! батюшка, вы надо мною шутите! вить я не могу видѣть воздуха.

Отецъ.

Правда; но ты можешь его осязать или ощущать.

Дитя.

Извините, батюшка сударь, я и этова не могу.

Отецъ.

Не можешь? дай мнѣ свою руку. (*Онъ дуетъ на нее*). Ощущаешь ли ты что нибудь?

Дитя.

Ощущаю вѣтръ.

Отецъ.

Вѣтръ этотъ не иное что, какъ воздухъ, которой я изо рту на твою руку пускаю: ты можешь его ощущать, а потому и онъ—

Дитя.

Долженъ быть тѣло.

Отецъ.

Но вотъ здѣсь тѣнь моя; видишь ли ты ее?

Дитя.

Вижу.

Отецъ.

А можешь ли осязать ее, взять руками?

Дитя.

Я посмотрю. (*Хватаетъ тѣнь*). Нѣтъ, батюшка, я не могу ее осязать.

Отецъ.

Стало быть тѣнь не есть тѣло.

Дитя.

Чтожъ она такое?

Отецъ.

Тѣнь собственно есть ничто, одно только пятно или мѣсто, на которое свѣтъ не падаетъ, для того, что какое нибудь тѣло заслонетъ его отъ онаго—Помниже: все то, что ты видѣть и ощупать, особливоже что ощупать можешь, когда ты стоишь подлѣ, все то есть тѣло. И такъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, птицы, деревья, камни и проч. все это тѣла, потому что ты всѣхъ ихъ видѣть, и коли близко стоишь, то и ощупать или осязать можешь.

Дитя.

Батюшка, я выдумалъ загадку!

Отецъ.

Какую? скажи.

Дитя.

Что такое, что мы видѣть можемъ, а ощупать нѣтъ, хоть бы подлѣ стояли?

Отецъ.

Очень хорошо! это должна быть тѣнь.

Дитя.

Ахъ, батюшка! вы отгадали. Ну теперь побѣгу я къ сестрицѣ Варинькѣ и ей загадаю. Какъ она станетъ надъ этимъ голову ломать!

РАЗГОВОРЪ II.

О разности между словами человѣкъ и существо.

Отецъ.

Васинька, что ты такое?

Дитя.

Я человѣкъ, батюшка.

Отецъ.

А что такое человѣкъ?

Дитя.

Человѣкъ есть—человѣкъ есть—

Отецъ.

Чтожъ такое? я вижу ты не можешь найти приличнаго слова.

Дитя.

Человѣкъ есть—я право не знаю какъ бы это сказать.

Отецъ.

Ну ежели ты скажешь: человѣкъ есть дерево?

Дитя.

Извините, батюшка: человѣкъ не дерево.

Отецъ.

Или вещица—можноли сказать: человѣкъ есть вещица?

Дитя.

Нѣтъ, батюшка; я человѣкъ, но я не вещица.

Отецъ.

Ну! инъ вещь?—человѣкъ есть вещь? каково тебѣ это кажется.

Дитя.

И это кажется не хорошо.

Отецъ.

Такъ я тебѣ скажу слово, которое ты въ

разговорахъ употреблять можешь: *существо*. Человѣкъ есть существо.

Дитя.

Существо—существо—я этова не разумѣю.

Отецъ.

Видишь, мой другъ, когда мы чему *нибудь* такому, что мы видимъ или слышимъ, не умѣемъ дать настоящаго имени, то называемъ это вещію. Напримѣръ ты бы увидѣлъ соху въ полѣ, и не зналъ какъ ее назвать, тогда бы ты спросилъ: какая это вещь? также употребляется слово сіе для сокращенія разговоровъ: напримѣръ, естьли бы на столѣ у тебя лежали книги, яблоко, часы, перстень, карандашь, ножичекъ и проч, и ты бы захотѣлъ приказать все это спрятать; тогда, вмѣсто чтобъ каждую изъ сихъ вещей называть по имени, ты бы гораздо короче сказалъ дядькѣ своему: спрячь эти вещи. Но для того то, что все, даже и самое презрительное, можно называть вещію, слово сіе становится низко, и не приличествуетъ, чтобъ прилагать оное къ человѣку; и какъ слово существо тожъ самое означаетъ, что и вещь, того ради лучше говорить: человѣкъ есть существо, нежели человѣкъ есть вещь. Итакъ человѣкъ есть существо, но какое существо?

Дитя.

Живое.

Отецъ.

И кошка также жива; не ужъ ли же кошка человѣкъ?

Дитя.

И! батюшка.

Отецъ.

Почемужъ не такъ, мой другъ?

Дитя.

Она совсѣмъ не похожа на человѣка.

Отецъ.

Это правда; но и люди не точно одинъ на другаго похожи; и такъ одного вида для различенія сего не довольно, — Какъ называется все то, что мы у человѣка видимъ— голова его, шея, грудь, брюхо, ноги, и однимъ словомъ все?

Дитя.

Тѣло человѣческое.

Отецъ.

А какъ называется то невидимое живое существо, которое въ этомъ тѣлѣ живетъ, и самое тѣло дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Душа.

Отецъ.

Чтожъ ежели мы скажемъ: человѣкъ есть существо животное, составленнóе изъ души и тѣла?

Дитя.

Будетъ очень хорошо.

Отецъ.

Но у кошки есть ли тѣло?

Дитя.

Есть.

Отецъ.

А душа?

Дитя.

Этова я не думаю.

Отецъ.

Для чегожъ нѣтъ? развѣ кошечье тѣло не такоеже живое, какъ наше? и развѣ нѣтъ въ немъ также невидимаго живаго существа, или души, которая сіе тѣло ея дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Стало быть кошка есть также живое существо, составленное изъ души и тѣла? стало быть все равно, что кошка, что человѣкъ?—ты онѣмѣлъ, мой другъ, Васинька! не знаешь что отвѣчать? послушай, я тебѣ скажу въ чемъ состоитъ разность. Какъ ты думаешь, въ состояніи ли кошка, подобно намъ, о чемъ нибудь разсуждать? можетъ ли она понять, какъ ты теперь понялъ, что такое существо?

Дитя.

Нѣтъ, этова она не можетъ.

Отецъ.

Сiе то самое дѣлаетъ, что она имѣетъ *неразумную*, а мы имѣемъ *разумную* душу.

Дитя.

Ахъ! теперь я знаю какъ сказать, когда у меня спросятъ: что такое человѣкъ?

Отецъ.

Какъ же ты скажешь?

Дитя.

Я скажу: человѣкъ есть животное существо, состоящее изъ тѣла и разумной души.

Отецъ.

Вотъ это такъ! тогда всякой различитъ человѣка отъ кошки.

Дитя.

Но бываютъ ли другiя существа, кромѣ человѣка и кошки?

Отецъ.

Другъ мой, мы можемъ всѣ вещи назвать существами, хотя бы онѣ нимало другъ на дружку не походили. Напримѣръ, человѣкъ совсѣмъ не то, что дерево; а дерево совсѣмъ не то, что камень; однако всѣхъ ихъ можно называть существомъ, для того что все то есть существо, что въ свѣтѣ находится или существуетъ.

Дитя.

Стало быть и звѣрей можно также называть существами?

Отецъ.

Конечно можно.

Дитя.

А цвѣты ?

Отецъ.

И ихъ также.

Дитя.

Хорошо, я этова не забуду, и когда какой вещи не буду умѣть назвать, то назову ее существомъ.

Отецъ.

Такъ, моя душа! поцѣлуй же за это меня, ты мое милое существо!

РАЗГОВОРЪ III.

О томъ что такое часть.

Отецъ.

Петруша всѣ ли ты части тѣла своего знаешь?

Дитя.

Да я не знаю, батюшка, что такое часть.

Отецъ.

Я тебѣ тотчасъ это растолкую. Посмотри, вотъ яблоко: я разрѣжу его пополамъ. Теперь ты видишь два куска, или двѣ половины: одинъ изъ сихъ кусковъ можно ли назвать цѣлымъ яблокомъ?

Дитя.

Нѣтъ оба они дѣлаютъ цѣлое яблоко.

Отецъ.

Хорошо. Сіи то самые куски и называются частями. На сколько частей я разрѣзалъ яблоко?

Дитя.

На двѣ части.

Отецъ.

Могу ли я сіи двѣ части разрѣзать еще на многія части? на примѣръ, ежели я каждой изъ сихъ двухъ кусковъ разрѣжу по поламъ сколько будетъ кусковъ?

Дитя.

Четыре.

Отецъ.

Хорошо. Итакъ яблоко это, которое было цѣлое, разрѣзано теперь на четыре куска; каждой такой кусокъ называется часть, и всѣ четыре части, когда мы ихъ сложимъ вмѣстѣ, составятъ цѣлое яблоко. Примѣчай же, мой другъ, что такимъ образомъ всѣ тѣла дѣлить можно, и ты самъ, то есть твое тѣло, также имѣетъ части.

Дитя.

Какъ, батюшка? да естьли мое тѣло разрѣзать на части, такъ я умру.

Отецъ.

Для различенія сихъ частей нѣтъ никакой надобности въ самомъ дѣлѣ отдѣлять ихъ. Я

для того разрѣзалъ яблоко, чтобъ яснѣе тебѣ растолковать, и дать увидѣть то глазами, что ты послѣ и умомъ понять можешь. Вотъ другое цѣлое яблоко; оно не разрѣзано; можемъ ли мы его также разрѣзать?

Дитя.

Конечно можемъ.

Отецъ.

Стало быть можемъ и не разрѣзывая его знать, что оно имѣетъ части, которыя бы мы тотчасъ глазами своими увидѣли, когдабъ разрѣзали оное.

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Сверхъ того есть тѣла, у которыхъ нѣкоторыя части сами по себѣ отдѣляются и довольно примѣтны. Взгляни на меня: ты видишь голову мою, шею, руки, ноги: Это части моего тѣла. Ни которая изъ сихъ частей, одна особо отъ другихъ, не составляетъ цѣлаго тѣла моего, подобно какъ отрѣзанной отъ яблока кусокъ не составляетъ цѣлаго яблока. На примѣръ голова моя—составляетъ ли она все мое тѣло?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Однако она есть часть человѣческаго тѣла, потому что принадлежитъ къ оному.

Могу ли я руку мою назвать всѣмъ моимъ тѣломъ?

Дитя.

Нѣтъ, но она принадлежитъ къ вашему тѣлу.

Отецъ.

Слѣдовательно она есть часть моего тѣла. Тожъ разумѣется и о другихъ частяхъ или членахъ онаго, какъ-то: голова, носъ, глаза, уши, плечи, грудь, брюхо, ноги и проч. Но какъ части нашего тѣла не всѣ одинаковы, того ради нѣкоторыя изъ нихъ называются *жидкими*, а другія *твердыми*: знаешь ли ты что жидкое, и что твердое тѣло?

Дитя.

Не знаю хорошенько.

Отецъ.

Послушай же. Я сказалъ тебѣ, что всѣ тѣла можно раздѣлять. Вотъ стоитъ блюдо съ водою. Смотри: я стану ножикомъ разрѣзывать воду, примѣчаешь ли ты, чтобъ она разрѣзалась на куски, какъ давишнее яблоко?

Дитя.

Нѣтъ! она все таковаже, какъ и была.

Отецъ.

Это отъ тово, что части, которыя отдѣляю я ножемъ, опять вмѣстѣ соединяются: вотъ по этому можешь ты узнать всякое жидкое тѣло. Что само собою опять соединяется, когда раздѣлено будетъ, то назы-

вается жидкимъ; а что будучи раздѣлено, остается раздѣленнымъ, то называется твердымъ. На примѣръ: ежели я возму кусокъ дерева, и разрѣжу или расколю его по поламъ, то будетъ два куска; они не сольются опять вмѣстѣ, какъ вода; вотъ почему познается твердое тѣло. Ну! теперь и о другихъ вещахъ можешь ты сказать, которая изъ нихъ твердая, и которая жидкая. На примѣръ уксусъ жидкое или твердое тѣло?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Пиво?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Сахаръ?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Кровь?

Дитя.

Жидкое,

Отецъ.

Кости?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Слезы?

Дитя.

Жидкое.

Отец.

Кожа?

Дитя.

Твердое.

Отец.

Изъ какихъ же частей состоитъ тѣло твое? изъ твердыхъ или изъ жидкихъ?

Дитя.

Изъ твердыхъ и жидкихъ.

Отец.

А можетъ ли одно и тожъ тѣло быть иногда жидкое, иногда твердое?

Дитя.

Мнѣ кажется нѣтъ.

Отец.

Для чего жъ нѣтъ, мой другъ, масло коровье когда оно растоплено, есть жидкое тѣло; а когда опять застынетъ, то и сдѣлается твердымъ. Золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, и многія другія твердыя вещи, также растопляться могутъ.

РАЗГОВОРЪ IV.

О словѣ признакѣ.

Дитя.

Батюшка, сударь! вы мнѣ говорите, чтобъ я привыкалъ всегда размышлять, ког-

да что вижу или слышу; скажите, да о чемъ же я размышлять стану?

Отецъ.

Обо всемъ, мой другъ; малоли что тебѣ узнать надобно! когда ты что нибудь видишь или слышишь, что для тебя ново, или чего ты не знаешь хорошенько, то и подумай самъ въ себѣ: что это такое? изъ чего это состоитъ? какую приноситъ это пользу? и такъ далѣе. До чего самъ добраться не можешь, о томъ спроси у тѣхъ, которые тебя постарѣе и посвѣдущѣе: любопытствомъ пріобрѣтаются знанія.

Дитя.

Вотъ я и этова хорошенько не знаю, что такое любопытство.

Отецъ.

Любопытствомъ называется склонность, охота добираться, доспрашиваться, узнавать все то, чего мы не знаемъ. Любопытствовать значитъ любить испытывать.

Дитя.

А что такое пріобрѣтать знанія? какимъ образомъ это дѣлается?

Отецъ.

Знанія или свѣденія пріобрѣтаются чрезъ подробное разсматриваніе вещей. Мы тогда только прямо знаемъ вещь, когда можемъ ее отъ всѣхъ другихъ вещей отличать. Напримѣръ, вотъ цѣлая корзина разныхъ плодовъ:

можешь ли ты изъ этой кучи выбрать яблоко, называемое барштапелемъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Это отъ того, что ты не знаешь сего рода яблоковъ, то есть тебѣ неизвѣстны *признаки*, по которымъ бы ты ихъ отъ другихъ яблоковъ отличать могъ. Но между сими плодами есть также и груши: знаешь ли ты грушу?

Дитя.

Знаю.

Отецъ.

Покажи мнѣ ее.

Дитя.

Вотъ груша, вонъ и другая.

Отецъ.

Почему же ты знаешь, что это груша, а не яблоко?

Дитя.

Потому что она непохожа на яблоко.

Отецъ.

А мнѣ кажется похожа: яблоко зелено, и груша зелена.

Дитя.

Да! но яблоко кругло, а груша продолговата и къ концу остра.

Отецъ.

Хорошо! стало быть ты по нѣкоторо-

му признаку, по нѣкоторой примѣтѣ, различаешь грушу отъ яблока, а именно по виду, или образу. Груши имѣютъ иной видъ, иной образъ, не такой какъ яблоко. Но когда бы груши положить вмѣстѣ съ фигами, тогда бы этотъ признакъ не годился, потому что фиги также продолговаты и остры къ концу, какъ груши. Въ такомъ случаѣ для различія ихъ надлежало бы тебѣ прибѣгнуть къ другому признаку, а именно къ цвѣту, для того что свѣжія фиги имѣютъ темный, а груши зеленой или желтый цвѣтъ. Сдѣлаемъ еще примѣрецъ: вотъ три лѣнты: пускай одна изъ нихъ будетъ твоя, другую я возму себѣ, а третья пусть принадлежитъ маленькому твоему братцу. Смотри я ихъ перемѣшалъ: узнаешь ли ты теперь свою?

Дитя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты узналъ?

Дитя.

Потому что она красная, а обѣ другія не красныя.

Отецъ.

Хорошо, стало быть красной цвѣтъ служилъ тебѣ примѣтою или признакомъ. Но возмемъ теперь три красныхъ лѣнты, одну я, другую ты, а третью дадимъ братцу. Я перемѣшаю ихъ; выбери свою.

Дитя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты знаешь? вить онѣ всѣ три красныя.

Дитя.

Потому что моя длиннѣе.

Отецъ.

Изрядно; стало быть теперь длина послужила тебѣ примѣтою или признакомъ. Далѣе вотъ два лоскутка, оба равной величины и оба голубые; но этотъ шерстяной, а этотъ шолковой; погладь ихъ рукою, не примѣчаешь ли ты какой между ими розницы?

Дитя.

Примѣчаю.

Отецъ.

Дай же я ихъ перемѣшаю—на! узнай теперь, которой шерстяной, и которой шолковой.

Дитя.

Вотъ этотъ шолковой, а этотъ шерстяной.

Отецъ.

Какъ же ты это узналъ?

Дитя.

Шолкокой мягче и глаже, а шерстяной суровѣе.

Отецъ.

Очень хорошо. И такъ мы не однимъ

зрѣніемъ, но также и осязаніемъ можемъ замѣчать признаки, по которымъ распознавается одна вещь отъ другой. Ну еще нѣчто: вотъ стоятъ три бутылки, въ одной изъ нихъ вино, а въ другой уксусъ, въ третей вода. Бутылки всѣ три, какъ ты видишь, величиною равны и цвѣтомъ одинаковы. Какова цвѣту въ нихъ напитокъ, этова ты сквозь бутылку примѣтить не можешь. Какъ же ты узнаешь, въ которой изъ нихъ вино, въ которой уксусъ, и въ которой вода?

Дитя.

Я отвѣдаю.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, ты по вкусу доберешься до этова; но знаешь ли ты какой вкусъ имѣетъ вино, и какой уксусъ?

Дитя.

Знаю: уксусъ всегда киселъ, а вино бываетъ иногда сладкое, иногда крѣпкое.

Отецъ.

Хорошо; и такъ ты отвѣдавъ, и зная вкусъ вина, уксуса и воды, по симъ признакамъ будешь умѣть различать ихъ одно отъ другаго. Но положимъ, что ты не смѣешь отвѣдать, а между тѣмъ хочешь узнать, что въ которой бутылкѣ налито: какъ же ты до этова доберешься?

Дитя.

Естьли отвѣдать не смѣю, такъ и узнать не могу.

Отецъ.

Я скажу тебѣ еще одинъ признакъ: ты можетъ это узнать по обонянію: вино имѣетъ отмѣнной запахъ отъ уксуса, а вода ничѣмъ не пахнетъ. — Знаешь ли ты братца своего Митюшу?

Дитя. (смѣясь)

Какъ же не знать батюшка.

Отецъ.

А почему же ты его узнаешь?

Дитя.

По лицу.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, и хотя бы пятнатцать другихъ дѣтей стояли предъ тобою, ты ни одного изъ нихъ не примешь за братца твоего Митюшу, для того что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ точно такова лица: стало быть въ лицѣ его находишь ты такіе примѣты или признаки, по которымъ можешь различать оное отъ лицъ другихъ дѣтей. Такимъ же образомъ и во всякой вещи должно искать признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ вещей. Когда ты какую вещь отъ всѣхъ другихъ отличать можешь, такъ это называется что ты имѣешь о ней хорошее понятіе, то есть хорошо ее знаешь. Теперь посмот-

римъ, умѣешь ли ты находить признаки: вотъ десять картъ, замѣть изъ нихъ одну, вотъ эту: сыщи признаки, по которымъ бы ты ее отъ прочихъ отличить могъ. Завтра я у тебя спрошу какая это карта, и ты мнѣ ее изъ десяти выбери.

РАЗГОВОРЪ V.

О словѣ свойство.

Дитя.

Батюшка! я никогда не видывалъ свойствъ, а часто слыхалъ, что Богъ превосходныя и ни съ чѣмъ несравненныя свойства имѣетъ: желалъ бы я на нихъ посмотрѣть.

Отецъ.

Божьихъ свойствъ, мой другъ, видѣть не льзя, также какъ и самаго Бога, создателя нашего, потому что онъ не тѣло, а духъ. Однѣ только тѣла, и свойства тѣлъ видѣть можно.

Дитя.

Да что такое свойство?

Отецъ.

Я анагдась сказывалъ тебѣ, что ты при всякой вещи которую видишь, или о которой слышишь, долженъ стараться замѣчать въ ней то, чѣмъ бы ты ее отъ другихъ вещей различить могъ: помнишь ли ты это?

Дитя.

А! помню; признакъ.

Отецъ.

Хорошо, мой другъ, что ты помнишь: итакъ когда ты въ какой нибудь вещи замѣтишь чѣмъ она отъ другихъ вещей отличается, то и старайся узнать, всегда ли это видимое тобою неразлучно, или только на время и случайно сопряжено съ нею. Естьли ты тожъ самое всегда въ ней находить будешь, такъ это ея свойство, и ты по этому признаку вѣрно узнавать ее можешь. А буде ты не всегда въ ней тожъ самое находить станешь, такъ это не есть ея свойство, и не такой вѣрной признакъ, на которой бы ты въ узнаваніи ее полагаться могъ. Я растолкую тебѣ это примѣрами. Вотъ два тѣла—ты знаешь, что тѣломъ называется то, что ты видѣть и осязать можешь—одно изъ нихъ есть кусокъ кожи, а другое кусокъ дерева, умѣешь ли ты различить ихъ? покажи, которое кожа, и которое дерево?

Дитя.

Вотъ это кожа, а это дерево.

Отецъ.

Почему ты это знаешь?

Дитя.

Вы мнѣ сказали.

Отецъ.

Это не годится. По этому когда ты уви-

дишь гдѣ кожу вмѣстѣ съ деревомъ и никого не случится, кто бы тебѣ объ нихъ сказалъ, то ты и не будешь знать что кожа и что дерево? надобно самому въ каждомъ тѣлѣ отыскивать признаки, то есть примѣчать, въ чемъ оно отъ другихъ тѣлъ различествуетъ: такъ ли тебѣ кажется кожа какъ дерево, а дерево какъ кожа?

Дитя.

Нѣтъ: кожа сѣрая, а дерево бѣлое.

Отецъ.

Стало ты по цвѣту или краскѣ различаешь сіи два тѣла; но достаточенъ ли этотъ признакъ для всегдашняго различенія оныхъ? всякая ли кожа всегда бываетъ сѣрая, и всякое ли дерево всегда бываетъ бѣлое?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Ну такъ по этому признаку и не узнаешь ихъ. Отсюду заключить можешь, что сѣрой цвѣтъ не есть свойство кожи, и бѣлой цвѣтъ не есть свойство дерева, потому что тѣла сіи не всегда таковы бываютъ. Вотъ я тебѣ покажу другіе два кусочка: они оба бѣлые. Теперь ты и не узнаешь, которой изъ нихъ кожа, которой дерево. Но возми ихъ въ руки, можетъ быть ты найдешь въ нихъ нѣчто такое, почему легко различать ихъ бу-

дешь. Ну чувствуешь ли ты между ими какую разность?

Дитя.

Да! дерево жостко, а кожа мягка.

Отец.

Вот этот признак лучше перваго; но я тебѣ еще нѣчто покажу: смотри, кожу могу я гнуть и мять, а дерево нѣт. Тож самое примѣчается почти во всѣх родах кож, и во всѣх родах дерев: итак это есть свойство кож, что они гнутся, и свойство дерев, что они не гнутся, какіеб то нибыли, сѣрые или бѣлые, чорные или красные. Взгляни на бѣдняжку брата своего: он теперь нездоров и блѣден; но всегда ли он бывает блѣден?

Дитя.

Нѣт.

Отец.

Стало быть это не свойство его, потому что не всегда с ним бывает. И так блѣдность брата твоего не есть такое обстоятельство, которое бы тебѣ к узнанію его всегда вѣрным признаком служить могло. Но какіе у него волосы?

Дитя.

Чорные:

Отец.

Всегда ли они черны?

Дитя.

Всегда.

Отец.

Стало быть это есть свойство его волосъ, и признакъ, по которому ты его отъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ домѣ у насъ живущихъ людей, отличать можешь, потому что нѣтъ ни у кого такихъ чорныхъ волосъ, какъ у него. Еще одно: братъ твой всегда веселъ: слѣдовательно веселый нравъ есть свойство его, потому что онъ всегда, почти во всякое время, веселъ бываетъ. Такимъ образомъ всякая вещь имѣетъ свои свойства. Человѣкъ имѣетъ тѣлесныя и душевныя свойства: онъ прекрасенъ, онъ силенъ или крѣпокъ, онъ толстъ и прочее: это его тѣлесныя свойства. Онъ разуменъ, онъ прилѣженъ, онъ милосердъ и прочее: это его душевныя свойства. Богъ имѣетъ также свойства: онъ благъ, премудръ, онъ всевѣдущъ, то есть все вѣдаетъ; онъ всемогущъ, то есть все можетъ, что хочетъ; онъ всѣхъ на свѣтѣ вещей творецъ, господь и обладатель. Всякая вещь и существо имѣютъ хорошія и худыя свойства: Богъ одинъ совершенно благъ, совершенно щедръ, совершенно милосердъ, совершенно премудръ, и такъ далѣе. О сихъ то свойствахъ божіихъ слышалъ ты, что онѣ превосходны и ни съ чѣмъ несравненны.

РАЗГОВОРЪ VI.

О сходствѣ и несходствѣ, или о подобіи и различіи.

Дитя.

Батюшка! позвольте мнѣ у васъ нѣчто спросить.

Отецъ.

Спроси, мой другъ, и всегда, когда захочешь, спрашивай: мнѣ очень пріятно видѣть въ тебѣ охоту узнавать то, чего ты еще не знаешь.

Дитя.

Что такое *различіе?*

Отецъ.

Напередъ скажи мнѣ, знаешь ли ты что такое *сходство* или *подобіе?*

Дитя.

Нѣтъ; и этова я не знаю.

Отецъ.

Ну такъ по крайнѣй мѣрѣ знаешь ты что такое *свойство?*

Дитя.

Да, это я знаю: вы вчера мнѣ объ этомъ толковали.

Отецъ.

Примѣчай же: когда одна вещь имѣетъ одинакія свойства съ другою, тогда сіи вещи называются сходными или подобными между собою; а когда одна вещь имѣетъ

свойства не такія, какъ другая, тогда сіи вещи называются несходными.

Дитя.

А, а!

Отецъ.

Вотъ здѣсь въ горницѣ шесть стульевъ: возмемъ изъ нихъ два, и чтобъ тебѣ лучше видѣть, поставимъ ихъ рядомъ. Ну скажи; точно ли похожи они одинъ на другаго?

Дитя.

Мнѣ кажется точно похожи.

Отецъ.

И я тожъ думаю: смотри, этотъ изъ краснова дерева, и этотъ также: у этова чорная подушка, и у этова также: какъ этотъ высокъ, такъ и этотъ: однимъ словомъ каковъ одинъ, таковъ и другой. Что же ты примѣчаешь въ сихъ стульяхъ, *сходство* или *различіе*?

Дитя.

Сходство.

Отецъ.

Хорошо. Теперь я принесу скамейку и поставлю подлѣ стула: похожъ ли стулъ на скамейку?

Дитя.

Совсѣмъ нѣтъ!

Отецъ.

Почему?

Дитя.

Потому что у стула есть спинка и подушка, а у скамейки этова нѣтъ.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, это дѣлаетъ различіе между стуломъ и скамейкою. Ну еще одно, вотъ стоятъ два стола: какъ они тебѣ кажутся, сходными или различными?

Дитя.

О батюшка, они очень между собою различны!

Отецъ.

Въ чемъ же?

Дитя.

Этотъ круглой, а тотъ четвероугольной.

Отецъ.

Очень хорошо; но въ тожъ время и не малое сходство примѣчаемъ мы между ими: оба они одинаковой высоты, оба на четырехъ ножкахъ, оба деревянные, во всемъ этомъ они сходны, а только разнятся образомъ или видомъ досокъ, изъ которыхъ они сдѣланы. Такое же вмѣстѣ и сходство и различіе можемъ мы видѣть во многихъ вещахъ, напримѣръ въ деньгахъ: вотъ двѣ деньги, сходны ли онѣ, или различны между собою?

Дитя.

Различны.

Отецъ.

А мнѣ кажется сходны, для того что

у этой такая же величина какъ у той, эта круглая и та круглая.

Дитя.

Да; но эта жолтая, а та бѣлая.

Отецъ.

Правда; итакъ онѣ различествуютъ цвѣтомъ своимъ, то есть цвѣтомъ состава или вещества своего: ты вить знаешь какъ это желтое вещество называется?

Дитя.

Золото.

Отецъ.

А это бѣлое?

Дитя.

Серебро.

Отецъ.

Слѣдовательно сіи двѣ деньги образомъ и величиною подобны или сходны между собою, а краскою или цвѣтомъ?—

Дитя.

Несходны.

Отецъ.

Или, что тожъ самое, различны.

БѢДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЕГО СЫНЪ.

Былъ нѣкто добрый гражданинъ,
Но въ бѣдности ему велѣла жить судьбина;
Лишась жены остался онъ одинъ,
Имѣя маленькаго сына.

Надежды нѣтъ у нихъ и ни кого родни;
Отецъ недуженъ, старъ, слабѣетъ,
Сынъ малъ еще и силъ работать не имѣетъ:
Въ такомъ нещастіи текутъ ихъ злые дни.
Отколь ждать помощи, какъ только не отъ неба?
Нещастный сей отецъ
Увидя наконецъ,
Что до послѣдняго уже доходитъ хлѣба,
Проливши слезный токъ,
Въ дрожащи хлѣбъ сей принялъ руки,
И сокрывая стонъ и муки,
Отрѣзалъ сыну ломотокъ.
Дитя хоть голодъ ощущаетъ,
Но скорбь отцову примѣчаетъ:
Великодушіе и въ дѣтяхъ есть:
Сей мальчикъ самъ себя превозмогаетъ
И говоритъ отцу, что онъ не хочетъ ѣсть.
Сыновняго къ себѣ почтенія свидѣтель,
И видя въ младости такую добродѣтель,
Ктобъ, будучи отцемъ, и въ бѣдности своей
Не пролилъ радостныхъ слезъ токи изъ очей?
Возьми, мой другъ, возьми, отецъ ему вѣщаетъ
И рѣжетъ для себя отъ хлѣба ломтъ другой....
Какое зрѣлище ихъ очи поражаетъ!
Какое чудо видятъ предъ собой!
Изъ хлѣба сыплются вдругъ деньги.—И какія?
Большою частью золотыя.
Отецъ оцѣпен...

Когда сіе узрѣлъ;
Что это! вопіетъ смущенно,
Не трогай денегъ, сихъ,
Мой сынъ! Останься здѣсь и стереги ты ихъ,
А я ко хлѣбнику схожу мгновенно:
Конечно этотъ человѣкъ
Незапно какъ нибудь въ семъ хлѣбѣ ихъ запекъ,
Но въ цѣлости ему то будетъ возвращенно;
Долгъ требуетъ сего.
Пошелъ, и сына онъ хранителемъ оставилъ.
О какъ сей бѣдный стражъ на злато очи пялилъ!
Однако же отнюдь не тронулъ ничего.
Впослѣдокъ хлѣбникъ входитъ,
На деньги взоры онъ возводитъ
И говоритъ: друзья мои,
Не слѣдуетъ отъ васъ мнѣ деньги взять сіи,
Но вашей радости сорадуясь душою,
Я тайну эту вамъ охотно объясню:
Богатой нѣкто, какъ я мню,
Желая щедрою избавить васъ рукою
Отъ нищеты толь злой,
Прислалъ ко мнѣ сей хлѣбъ златой,
И клятву взялъ съ меня предъ небомъ,
Что естьли кто изъ васъ придетъ ко мнѣ за хлѣбомъ,
То хлѣбъ сей вамъ отдать;
А имя я его никакъ не могъ узнать.
Конечно Богъ, въ награду
Благихъ и честныхъ вашихъ дѣлъ,
Чрезъ мужа праведна послати къ вамъ хотѣлъ

Сію отраду.
Какимъ веселіемъ восхитились сердца,
По сихъ словахъ, и сына и отца!
Ихъ руки къ небу вознесенны,
Ихъ очи радостной слезою окропленны,
Ихъ мысли къ Богу устремленны,
Тобою щасливыхъ являютъ чувство душъ,
О ты, почтенный нѣкто мужъ!

ПОВѢСТЬ.

О двухъ вѣрныхъ друзьяхъ.

Любочестъ и Добросердъ, два вѣрные друга, отправились путешествовать, дабы научиться всему, что можетъ ихъ сдѣлать лучшими и благоразумнѣйшими.

Они по долгомъ путешествіи прибыли напослѣдокъ въ Мекинецъ, столичной городъ Марокскаго Императора.

Отшуда хотѣли они еще далѣе продолжать свой путь, и увидѣть тѣ земли Африканскія, въ которыхъ никто почти изъ Европейцевъ не бывалъ.

Но Любочесту сдѣлался нѣкакой припадокъ: за тѣмъ принужденъ онъ былъ остаться въ городѣ, а другъ его поѣхалъ одинъ въ назначенный путь.

Между тѣмъ Любочестовъ служитель

познакомился съ нѣкоторыми живущими щамъ, которыхъ онъ почиталъ за честныхъ людей, но которые послѣ оказали себя бездѣльниками.

Сіи люди отдали ему на сохраненіе нѣкакія краденыя вещи, о которыхъ онъ не зналъ, что онѣ были украдены.

Хозяинъ вещей увидя ихъ нечаянно въ домѣ у Любочеста, заключилъ, что онъ ихъ укралъ, и просилъ правительство чтобъ посадили его въ темницу.

Всѣ его оправданія были тщетны; онъ не могъ защитить своей невинности.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ страдалъ сей нещастной въ крѣпкомъ заточеніи, какъ возвратился другъ его Добросердъ изъ путешествія.

Едва свѣдалъ онъ о семъ нещастіи, приключившемся его товарищу, какъ исполненъ ужаса бросился въ темницу. По неотступнымъ прозьбамъ его позволили ему съ нимъ увидѣться.

Безпамятенъ почти упалъ онъ къ нему въ объятія, и блѣдное его лице оросилъ слезами.

Но какою горестію поразился онъ, когда узналъ обстоятельнѣе о его состояніи, и увидѣлъ, что онъ почти нагъ лежитъ на гнилой соломѣ, ибо одежда его истлѣла на немъ отъ сырости, которою зараженъ былъ

воздухъ въ семъ шѣсномъ и мрачномъ жилищѣ.

Тотчасъ накинулъ онъ ему на плечи епанчу свою, и отдалъ все свое платье, оставя у себя только необходимо нужное, чтобъ не нагому оттоль выти.

По нещастію былъ онъ самъ ограбленъ во время своего путешествія, и не осталось у него ни платья, ни денегъ, которыми бы могъ онъ хотя нѣсколько усладить горестное состояніе своего пріятеля.

Но всѣ препятства преодолѣвающая дружба скоро научила его изобрѣсти къ тому способъ.

Онъ вырвался изъ объятій своего друга, пошелъ и въ городѣ записался въ работники, гдѣ тяжкими и необыкновенными ему трудами доставалъ столько денегъ, что въ вечеру, по окончаніи многотрудной своей работы, могъ страждущему другу своему относить нѣкоторое пропитаніе.

Сей часто просилъ его со слезами, чтобъ онъ умѣрилъ свое великодушіе, и о самомъ себѣ старался: но тщетны были всѣ прозьбы.

Добросердъ не чувствовалъ ничего, кромѣ бѣдности своего пріятеля, и всякой трудъ для него понесенной казался ему легокъ и сладокъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣ-

сяцовъ, какъ вдругъ запрешили Добросерду ходишь въ шемницу.

Онъ ошъ сшраха оледенѣлъ, когда о семъ услышалъ.

Ни прозьба его, ни слезы, ни обниманіе колѣнъ шемничнаго сшража, не могли пособишь: велѣно было ему иддши прочь.

Въ гopecшномъ ошчаяніи побѣжалъ онъ къ судьѣ, назвалъ себя учасшникомъ мнимаго воровсшва, и просилъ, чшобъ посадили его въ шужъ шемницу.

По желанію его было исполнено.

Радосшныя слезы пошекли изъ глазъ Любочесша, когда онъ нечаянно увидѣлъ его паки въ шемницу къ себѣ вшедшаго.

Но сія радосшь скоро перемѣнилась въ ужасъ и печаль, когда онъ свѣдалъ, какою цѣною купилъ ее великодушной другъ его.

Между шѣмъ, какъ уже дѣла сего перемѣнишь было не возможно, и надежды къ освобожденію своему никакой они не имѣли, шо вознамѣрились рука съ рукою взявшись ожидашь мужесшвенно смерши.

Въ шой же шемницѣ сидѣли другіе невольники.

Одному изъ сихъ удалось въ ночную пору разломашь сшѣну, шакъ чшо онъ въ сіе ошверзшіе пролѣзъ самъ, и увѣщевалъ другихъ невольниковъ послѣдовашь его примѣру.

Всѣ они шожъ сдѣлали и освободились;

одинъ Любочестъ и Добросердъ были столько честны, что хотѣли лучше невинно страдать, нежели непозволеннымъ образомъ получить свободу. И такъ они остались.

По разсвѣтѣ дня узнали о семъ приключеніи.

Нѣкоторые верьховные судьи пошли въ темницу, чтобъ самимъ освидѣтельствовать сіе дѣло.

Какъ они удивились, когда спросивъ Любочеста и Добросерда о причинѣ, для чего они вмѣстѣ съ тѣми не ушли, въ отвѣтъ отъ нихъ слѣдующее услышали:

„Мы воспитаны въ такомъ законѣ, ко-
„торой учитъ насъ властямъ повиноваться-
„ся хотя бы онѣ что и несправедливо дѣ-
„лали: для того мы хотѣли лучше умереть
„нежели употребить непозволенное сред-
„ство къ спасенію нашей жизни.“

Судьи пришли въ жалость.

Они увѣрились въ невинности сихъ добрыхъ людей, тотчасъ освободили ихъ и сдѣлали имъ изъ государственной казны такой подарокъ, съ которымъ они безъ нужды могли возвратиться въ свое отечество.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Въ день рожденія одной супруга, другой отца.

Дочь.

Веселіе неся съ собою
Къ тебѣ я, маминька, лечу,
И радость раздѣлить хочу
Сей день намъ общую съ тобою.

Мать.

Бѣги, любезная, спѣши,
Въ моихъ объятіяхъ пребуди,
Прижатая къ моей ты груди
Дѣли со мной восторгъ души!

Обѣ.

О день утѣхъ неизрѣченныхъ,
Источникъ нашихъ дней блаженныхъ!

Мать.

Севодня онъ на свѣтъ рожденъ!

Дочь.

Онъ намъ севодня подаренъ!

Мать.

Мнѣ мой возлюбленной сожитель.

Дочь.

А мнѣ дражайшій мой родитель.

Мать.

Онъ сосланъ отъ небесныхъ силъ,
Чтобъ образъ ихъ въ себѣ явилъ,

Дочь.

Разуменъ, вѣренъ, тихъ, незлобенъ,
Онъ имъ во всѣхъ дѣлахъ подобенъ:

Машь.

О коль благословенъ вѣнецъ,
Давъ мнѣ супруга шоль драгова!

Дочь.

О коль всевышній щедръ Творецъ,
Давъ мнѣ родишеля шакова!

Обѣ.

Внемли, о Боже нашъ, внемли
Отъ чистыхъ душъ благодаренье,
И шеплое къ шебѣ моленье:
Продли его шы вѣкъ, продли!

ВѢРНАЯ СЛУЖАНКА.

Недавно жила вдова — гдѣ? эшова я не могъ провѣдашь—которая почши всего доспіавшагося ей послѣ мужа своего довольно досшаточнаго имѣнія нещасшнымъ образомъ лишилась. Осталось у ней маленькое иждивеніе: она отдала его въ росшъ, и шѣмъ кое какъ себя содержала.

Купецъ, кошорому она деньги свои повѣрила, и кошораго всѣ почишали богашымъ и благонадежнымъ человѣкомъ, вдругъ обанкрушился, шо есть прошорговался, разорился. Бѣдная вдова потеряла и послѣдній свой прожишокъ. Обстоятельсшва ея сдѣлались весьма шѣсны: старосшь и недуги не позволяли ей рабошашь; и шакъ надлежало

ей одно изъ двухъ избрать: или записаться въ сиротской домъ, или ходить по міру.

Правда не подалеку отъ ней въ одномъ большомъ городѣ жилъ родственникъ ея, человѣкъ довольно достаточной, которой могъ бы ее прокормить; но по нещастію этотъ человѣкъ былъ изъ числа тѣхъ жестокосердыхъ людей, которые чужой нужды не чувствуютъ. Онъ отрекся ей помогать.

Въ семъ крайнемъ ея злополучіи, простая дѣвка, работница, изъ найму ей служившая, и которую теперь, по причинѣ совершенной бѣдности своей, хотѣла она отъ себя отпустить, сдѣлалась ея благотворительницею. Помня ласковое и кроткое обращеніе госпожи своей, когда она была еще въ хорошемъ состояніи, сердце доброй этой дѣвки восхотѣло оказать ей свою благодарность.

Нѣтъ, сказала она (когда госпожа стала ее отпускать), я не оставлю васъ покуда жива; вы до меня были добры, и мнѣ часто жаль было, что я ничего, кромѣ вѣрной службы моей, не могла для васъ сдѣлать.

,,Никакой не надобно мнѣ платы: по прежнимъ милостямъ вашимъ есть у меня довольно и одежды и обуви. Сверхъ сего накопила я нѣсколько деньжонокъ, которыя отдала въ займы сосѣду. Я умѣю шить и чулки вязать; коли Богъ дастъ мнѣ здо-

ровье, што и вамъ и себѣ кусокъ хлѣба достану.“

Бѣдная вдова, по неотступной прозбѣ доброй этой дѣвки, съ благодарными слезами приняла наконецъ великодушное ея предложеніе.

Дѣвка сдержала слово, и три года цѣлыхъ работою рукъ своихъ кормила госпожу.

Напослѣдокъ родственникъ сей вдовы умираетъ и все его имѣніе достается ей по наслѣдству.

Но сія помощь была уже ей не нужна; ибо она сама лежала тогда при послѣднемъ издыханіи, и скоро послѣ того умерла, не успѣвъ новопріобрѣтенному имуществу своему никакова сдѣлать распоряженія.

Наслѣдниковъ послѣ нее никого не осталось: и такъ надлежало имѣнію сему поступить въ казну; но по щастію Государь узналъ о благодарномъ съ нею поступкѣ доброй этой дѣвки.

„Такое честное дѣло, сказалъ онъ, не долженствуетъ остаться безъ возмездія: да будетъ она имѣнія сего наслѣдницею.“

Дѣвка получила имѣніе, и всякъ, кто слышалъ о томъ, прославлялъ щедроту Государя, и радовался, что вѣрная служанка сія достойно была награждена.

СИЛА ДѢТСКОЙ ЛЮБВИ.

Крезъ, Царь Лидійскій, имѣлъ у себя единороднаго сына. Сынъ этотъ былъ нѣмъ. Крезъ взялъ его съ собой на войну, которую велъ онъ противъ Кира, Царя Персидскаго.

Однажды, во время сраженія, наскакалъ на Креза непріятельской воинъ и вознесъ на него мечъ свой, чтобъ отрубить ему голову: сила устрашенной любви сыновней была такъ велика, что вдругъ отверзла гортань его и онъ провозгласилъ:—„воинъ! что ты дѣлаешь? это Крезъ!“

Воинъ испугался: Царь спасенъ былъ, и сынъ его пересталъ быть нѣмъ.

УТРЕННЯЯ НИКОЛАШИНА ПѢСЕНКА.

Солнца съ первыми лучами
Бодръ и веселъ я возсталъ:
Свѣтъ пріятный, воздухъ чистый,
Жизнь утѣшну, радость многу,
Новы силы мнѣ даютъ.

Пѣть хочу; мой духъ взлетаетъ
Вмѣстѣ съ утренней зарей,
Вмѣстѣ съ жаворонка пѣсньми,
И цвѣтовъ съ благоуханьемъ,
Въ радостномъ восторгѣ въ верхъ.

Все вокругъ меня въ весельи,
Все, мое что око зришъ;
Тамо въ воздухѣ высоко,
Тамъ въ морской глубокой безднѣ,
Все дышишъ и все живешъ.

Обишашели земные,
Существующи со мной,
Пшицы, гады, рыбы, звѣри,
Горы, лѣсъ, луга, долины,
Я сорадуюся вамъ.

Но безъ зависти взираю
На блаженсшво вашихъ дней:
Ты прекрасна нѣжна роза,
Ты пригожъ павлинъ спѣсивый,
Всѣ вы милы, всякъ хорошъ.

Но моя судьба всѣхъ лучше,
Я предъ вами предпочшенъ:
Разумъ, слово, добродѣшель,
Преимущесшва большія
Мнѣ Творецъ вселенной далъ.

Ими, ими одаренный,
Силенъ, крѣпокъ человѣкъ!—
Вы со мною всѣ созданны,
Твари, жишели земные,
Рцыше, рцыше, гдѣ Господь?

Благолѣпный, вѣнценосный,
Кроткій духомъ, всеблагій,

Милосердія источникъ,
Общій нашъ отецъ, Создатель,
Рцыте, рцыте, гдѣ есть Онъ?

Онъ въ долинахъ, Онъ и въ рощахъ,
Онъ на небѣ, на земли,
И въ глубокихъ Онъ вертепахъ,
И гдѣ солнце свѣтитъ, тамо,
И со мной, гдѣ я стою.

Богъ вездѣ—вездѣ услышитъ
Гласъ молитвы Онъ моей:
Съ тихой утренней зарею,
И съ вечернимъ вѣтерочкомъ,
Я всегда Ему пою.

Чѣмъ воздамъ тебѣ, Владыко,
За Твою ко мнѣ любовь?
Ты мнѣ око далъ, да вижу;
Ты мнѣ ухо далъ, да слышу;
Солнце и луна, твой даръ.

Но на долголь?—вянетъ роза,
Исчезаетъ свѣтъ и день;
Все, что красно и любезно,
Жизнь и радость, все проходитъ,
Все минется, протечетъ!

Нѣжный на щекахъ румянецъ,
Младость, живость, бѣлизна,
Пестрота полей, луговъ,

Зеленъ древъ, исчезнуть могутъ,
Завтра, днесь, въ единый мигъ.

Но невинность, добродѣтель,
Мудрость, правда, кротость, честь,
Чувство дружбы, благодарность,
Духъ любви и сстраданья—
Нѣтъ, не могутъ умереть!

Естьлижъ правый путь оставя,
Я порокамъ въ слѣдъ пойду;
Естьли зависть, гнѣвъ, гордыня,
Праздность, ложь, лукавство, злоба,
Поселятся въ грудь мою:

Что въ моей тогда мнѣ жизни?
Пусть меня сокроетъ гробъ,
Пусть какъ роза я увяну,
Какъ листочикъ пожелтѣю,
Какъ былинка пропаду.

МАЛЕНЬКОЙ ПТИЦЕЛОВЪ.

Петруша (*прибѣжавъ къ матери*)

Матушка! матушка! посмотрите что у меня.

Мать.

Что такое другъ мой?

Петруша.

Птичка, маленькая птичка.

Мать.

Право! да гдѣ ты ее взялъ?

Петруша.

Самъ, самъ я поймалъ, матушка.

Мать.

Гдѣ?

Петруша.

Въ саду, на гнѣздышкѣ. Тамъ осталось у ней много дѣтенышковъ; крошечные и всѣ еще голинькіе.

Мать.

Да куда же ты ее дѣнешь?

Петруша.

Посажу въ клѣтку и стану кормить. Она будетъ пѣть.

Мать.

А съ дѣтьми ея что ты сдѣлаешь?

Петруша.

Я и тѣхъ возму, посажу ихъ въ другую клетку, и стану также кормить. Дамъ имъ яичекъ, и молочка, и сахарцу, и всего, что они хотятъ.

Машь.

Другъ мой, ихъ кормишъ машь; безъ ея попеченія они не будушъ живы.

Пешруша.

Какъ же мнѣ съ ними бышь? куда ихъ дѣвашь?

Машь.

Не знаю. Но послушай Пешрушинька: шеперь намъ не до шого, чшобъ ушѣшашься пшичками. Съ нами великая бѣда случилась.

Пешруша.

Какая, машушка?

Машь.

За мною скоро пришлюшъ, и возмушъ меня ошъ васъ прочь.

Пешруша.

И! маминька. На чшо вы меня пугаеше?

Машь.

Чшожъ дѣлашь, моя душа? меня велѣно взяшь и посадишь въ шемницу.

Пешруша.

Чшо эшо шакое шемница?

Машь.

Подземная изба, къ кошорую меня запрушъ, и шолько чшо кормишь будушъ, а никогда уже изъ ней не выпусшяшъ.

Пешруша.

А мы гдѣжъ будемъ: я и брашецъ, и маленькая сесшрица въ колыбелькѣ?

Машь.

Вы останетесь дома, или можетъ быть возмутъ васъ и запрутъ въ другую такую же избу, и богъ вѣдаетъ, что съ вами будетъ: я боюсь, чтобъ вы безъ меня не померли съ голоду.

Петруша. *(заплакавъ.)*

Ахъ! да кто это велѣлъ?

Машь.

Тотъ, кто имѣетъ надъ нами власть.

Петруша.

Какой онъ злой человѣкъ!

Машь.

Почему злой? онъ такой же доброй, какъ ты. Развѣ ты злой, что взялъ отъ дѣтей птичку, и хочешь ее посадить въ клетку, которая для ней тоже, что для меня темница. Какъ я, такъ и она, обѣ будемъ заперты, въ неволѣ. Съ дѣтьми ея тожъ самое сдѣлается, что съ вами: вы останетесь безъ матери, и они тоже; за вами нѣкому будетъ ходить, и за ними тоже.

Петруша.

Ахъ матушка! я пущу птичку.... (*выпускаетъ ее изъ рукъ*).

Машь.

Посмотри, съ какимъ она веселіемъ полетѣла! какъ обрадуются голодныя малютки, когда она къ нимъ прилетитъ и въ носикѣ своемъ принесетъ имъ кормъ!

Петруша.

Да.... А съ нами бѣдными что будетъ! (*плачетъ горько*).

Мать. (*цалуетъ его*).

Поди сюда, милое мое дитя: сядь ко мнѣ на колѣни. Ты утѣшилъ птичку, надобно и тебя утѣшить. Нѣтъ, мой другъ, никто не возметъ меня отъ васъ: я нарочно это сказала для твоей пользы. Теперь ты чувствуешь, какъ грусно было бѣднымъ птенцамъ въ гнѣздышкѣ, когда ты мать ихъ поймалъ, и хотѣлъ разлуча съ ними, заперетъ ее въ клѣтку. Ты прежде объ этъ не думалъ?

Петруша.

Нѣтъ, маминька; а теперь вижу, что я худо дѣлалъ, такъ худо, что ежели бы эта птичка была здѣсь, я бы попросилъ у ней прощенія.

Мать.

Помни же всегда, что всѣхъ звѣрьковъ и птичекъ, равно какъ и насъ человѣковъ, создалъ общій нашъ отецъ, Богъ. Онъ далъ имъ жизнь, а съ нею не разлучны радость и печаль: и такъ кто безъ нужды мучитъ ихъ и поступаетъ съ ними безъ жалости, словно какъ съ безчувственными вещами, тотъ показывая худое сердце привыкаетъ къ жестокости, и не достоинъ того, чтобъ милосердый Богъ самому ему радостную даровалъ жизнь.

АНДРЮШИНА ПОХВАЛА ЗИМѢ.

Не тебя одну, весна,
Въ пѣсняхъ громко воспѣваю;
Хоть зима и холодна,
Я утѣхъ въ ней тьму вкушаю.

Хоть пріятной вѣтерокъ
Ужъ не рѣзвится съ листками,
Хоть не зеленъ сталъ лужокъ,
Не пестрѣетъ ужъ цвѣтами.

Хоть не видно какъ текутъ
По каменьямъ быстры рѣчки,
Соловьи хоть не поютъ,
Не пасутся ужъ овечки.

Но лишь я приду къ окну,
Веселящееся око,
Какъ по бѣлому сукну,
Простираетъ взоръ широко.

Снѣгъ я вижу на лугахъ,
Снѣгъ долины покрываетъ,
И при солнечныхъ лучахъ
Весь какъ искрами блистаетъ.

Хорошо въ поляхъ весной;
Но не худо и зимою:
Не мѣшаетъ лѣсъ густой
Все мнѣ видѣть предъ собою.

Красно солнышко! и ты
Кротче къ намъ зимой сіяешь,
Прямо зрѣть на красоты
Намъ твои не возбраняешь.

Зимнихъ мало ли утѣхъ?
Тамъ вечернія бесѣды,
Тамъ веселье, пляски, смѣхъ,
Тамъ катанья и обѣды.

А ребята, пузыри,
Собираяся толпами,
Пишутъ разны цифири
По льду гладкому коньками.

Или съ горъ крутыхъ летятъ,
Иль снѣжками индѣ бьются,
Иль другъ друга повалятъ,
И хохочутъ и смѣются.

Часто право по утру,
Какъ на санкахъ я летаю,
Иль рѣзвлюсь по вечеру,
Я про лѣто забываю.

Пусть изнѣженно дитя
Толстой шубой давитъ тѣло,
Я не кутая себя
По снѣгамъ шагаю смѣло.

ЛУКАША И МАТЬ ЕГО.

Лукаша прибѣжалъ къ матери, хохочетъ и ей расказываетъ:

,,Я шолъ подлѣ изгороды, а тамъ сидитъ вдовы Ѳедосьи маленькой сынъ Андрюша, сидитъ и плачетъ.,,

Мать.

Знать онъ голоденъ.

Лукаша.

И вѣдомо. Плачетъ да кричитъ: ѣсть хочется! ѣсть хочется! Ужъ я на нево хохоталъ, хохоталъ.

Мать.

А ты этому смѣешься?

Лукаша.

Какъ же не смѣяться? о чомъ онъ плачетъ; для чево къ намъ не придетъ поѣсть? у насъ такіе добрые щи!

Мать.

А! такъ ты этому-то смѣялся? обойми меня, ты доброй малой.—Побѣги же къ нему и приведи его сюда; онъ можетъ быть думаетъ, что мы ему ничего дать не хотимъ.

Лукаша.

Ничего дать не хотимъ? Вотъ тебѣ на!— Сказавъ сіе Лукаша побѣжалъ бѣгомъ.

КОНЬ И СЛѢПЕНЬ.

Слѣпень коня кусаетъ,
Конь бьется и брыкаетъ,
Хвостомъ и головой махаетъ,
Слѣпня сгоняетъ.
Слѣпень прильнулъ къ коневьему плечу,
Впустилъ глубоко жало,
И говоритъ: тебя я не боюсь ни мало,
И право не слечу;
Хоть сколько ты брыкать ни станешь,
Скорѣе самъ устанешь,
Какъ нежели ты конь меня достанешь.
Устали конскіе и хвостъ и голова,
И началъ конь смиренно
Слѣпня просить уничиженно:
Слѣпень скочилъ мгновенно,
И говоритъ: сдаюсь на ласковы слова.

ЛЮБОВЬ У БРАТА СЪ СЕСТРОЮ.

Братъ.

Сестрица! посмотри на этихъ голубковъ,
Какая въ нихъ видна другъ ко другу любовь!
Какъ свыклися они! какъ дружны межъ собою!
Веселье одного другаго веселитъ,
Коль тотъ нахмурится, и этотъ загруститъ.
Велика дружба ихъ: знать это братъ съ сестрою.

Сестра.

И я такъ думаю: вишь также какъ они,
Въ согласіи съ тобой и мы проводимъ дни.
Гдѣ нѣтъ тебя, тамъ нѣтъ веселья для
Параши,
Все щастіе мое во щастьи Николаши;
Усерднѣе къ тебѣ никто не можетъ быть.
Ахъ! станемъ вѣчно такъ другъ друга мы
любить.

Братъ.

Отгонимъ зависть прочь мы дружбою пылая;
Корыстолюбію затворимъ съ сердце путь;
Любовію союзъ мы кровный утверждая,
Чистосердечіемъ свою наполнимъ грудь.
Пусть щастье одного составитъ щастье
наше;
Союзъ родства красенъ, но дружбою онъ
краше.

КРОВОПУСКАНІЕ,

зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица.
Честнодумовъ, живописецъ.
Честнодумова, жена его.
Алексѣй, старшій сынъ ихъ 16 лѣтъ.
Софья, дочь ихъ 18 лѣтъ.
Алексаша, младшій сынъ 6 лѣтъ.

Дитя двухъ лѣтъ, въ колыбели.
Графъ Добросердъ.

Дѣйствіе произходитъ въ горницѣ въ Честнодумовомъ домѣ; въ ней видно нѣсколько худыхъ домашнихъ приборовъ, на стѣнѣ повѣшена картина еще недоконченная; въ сторонѣ стоитъ колыбель, въ которой лежитъ спящее дитя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Честнодумова, Софья, Алексаша.

Честнодумова прядетъ, Алексаша стоя подлѣ нее треплетъ ленъ и часто останавливается, чтобъ нѣсколько отдохнуть; Софья сидитъ подлѣ колыбели и вяжетъ чулки,----- Время около трехъ часовъ послѣ полудня.

Софья (*глядя на колыбель говоритъ тихо*).

Со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, а такъ спокоенъ! Слава Богу, что ты спать можешь.

Честнодумова.

Спитъ онъ, Софья?

Софья.

Спитъ, матушка.

Честнодумова.

Дай Богъ, чтобы долѣе спалъ!—бѣдное дитя! я боюсь чтобъ онъ не проснулся— Что отецъ его нейдетъ такъ долго?

Софья.

Онъ сказалъ, что пойдетъ просить хоть маленькаго задатку за начатую имъ картину.

Честнодумова.

А еще назадъ не возвратился! — Боже! что съ нами будетъ, естьли онъ ничего не достанетъ?

Софья.

Этому быть не можно: человѣкъ, для котораго онъ работаетъ, очень богатъ.

Честнодумова.

Богатъ, но можетъ быть не жалостливъ.

Софья.

Батюшка не о подаркѣ просить его станетъ; но только о нѣкоторой части тѣхъ денегъ, которыя онъ послѣ трудами своими заслужитъ, и которыя тотъ долженъ будетъ ему заплатить.

Честнодумова.

Это правда, но его работа еще не готова, а деньги напередъ не всякой охотно платитъ.

(*Бьетъ три часа*)

Алексаша (*перестивъ трепать.*)

Ужъ три бьетъ, матушка; не ужъ то намъ севодня вовся не ѣсть?

Честнодумова.

Ты видишь, Алексашинька, что ни отца твоего ни брата нѣтъ дома; развѣ ты безъ нихъ хочешь обѣдать?

Алексаша.

О, нѣтъ, маминька! Но можетъ быть они уже отобѣдали; мы не знаемъ гдѣ они--- Да притомъ же.---

Чесшнодумова.

Ну что такое?

Алексаша.

О матушка!----ужъ такъ поздо-----и можетъ быть—

Чесшнодумова.

Но можетъ также быть что они и не обѣдали. Ты видишь, душинька, что ни я, ни сестра твоя, ни маленькой братъ также какъ и ты ничего еще не ѣли, ты одинъ хочешь быть нетерпѣливъ.

Алексаша (*заплакавъ.*)

Да мнѣ очень ѣсть хочется!

Чесшнодумова. (*взявъ его къ себѣ на колѣни и обливая его слезами.*)

Другъ мой, милое мое дитя, успокойся, потерпи немножко; Богъ конечно пошлетъ намъ что нибудь на пищу. Повѣрь мнѣ, что я голодомъ твоимъ больше мучусь, нежели ты самъ.

Алексаша. (*обнимая ее и утирая свои слезы.*)

О! нѣтъ любезная маминька, не крушись столько о моемъ голодѣ. Посмотри! ужъ прошло, я не плачу больше.—Я опять стану работать, чтобъ позабыть о томъ,

что я голоденъ. (*Идетъ и съ великимъ прилѣжаніемъ принимается опять за работу*).

Честнодумова. (*въ сторону*.)

Не ужъ ли страданіе мое еще не довольно велико? о Боже! доколѣ мнѣ сносить оное?

Софья.

Батюшка еще не возвращается: не сдѣлалось бы съ нимъ какова нещастія.

Честнодумова.

Я догадываюсь что тому причиною: конечно отказали ему въ его прозьбѣ, и онъ не имѣетъ сердца съ пустыми руками къ намъ возвратиться. Но я дивлюсь брату твоему Алексѣю. Когда онъ отселѣ ушолъ?

Софья.

По утру въ десять часовъ.

Честнодумова.

Чудно это! онъ, которой всегда былъ такой доброй сынъ и братъ, оставляетъ насъ теперь, когда намъ помощь его такъ нужна: меня это весьма печалитъ.

Софья.

Не безпокойтесь матушка; онъ конечно пошелъ куда нибудь съ добрымъ намѣреніемъ: я знаю его сердце, знаю какъ бѣдность наша его сокрушаетъ. Онъ безсомнѣнія за тѣмъ пошолъ, чтобъ сыскать намъ какую помощь.

Честнодумова.

Но какимъ образомъ можетъ онъ это сдѣлать?

Софья.

Нужда научитъ его найти къ тому какой нибудь способъ: онъ казался быть въ великомъ отчаяніи?

Честнодумова.

Что ты говоришь? ахъ Софья! Ну, есть ли онъ что либо безчестное предприметъ? меня это лишитъ жизни: все можно сносить, пока совѣсть наша чиста.

Софья.

Не опасайтесь, я знаю братца.

Честнодумова.

Отецъ твой возвратится ни съ чѣмъ, изнуренъ печалію и голодомъ. Увидя его въ семъ состояніи сердце мое разорвется. О мои любезные дѣти! мы должны къ послѣднему и весьма горестному средству прибѣгнуть.—О небо—другъ мой Алексашинька! хотѣлъ ли бы ты что нибудь для меня сдѣлать?

Алексаша.

Я, матушка? о скажи лишь что такое?

Честнодумова.

Обойми меня, душа моя — милой мой сынъ. — о нужда!—къ чему ты меня приводишь!—надобно тебѣ итти просить милостыни. Поди, старайся возбудить сожалѣ-

ніе, представь нашу бѣдность, и проси, чтобъ тебѣ что нибудь дали!

Алексаша. (*послѣ того какъ онъ сію рѣчь со вниманіемъ выслушалъ.*)

Матушка, не это ли называютъ по міру ходить?

Честнодумова.

(*Въ сторону*) о Боже!—(*громко*) такъ, мой другъ.

Алексаша.

Этова бы мнѣ не хотѣлось.—Да у коvожъ мнѣ просить? у всякаго?

Честнодумова.

У всякаго, мой другъ, которой покажется тебѣ такимъ, что можетъ нѣчто подарить.

Алексаша.

А коли они мнѣ откажутъ?

Честнодумова.

Богъ приведетъ тебя къ такимъ сердцамъ, которыя надъ тобою и надъ нами сжалятся.

Алексаша. (*печально*)

Ну хорошо!—такъ прощай же матушка!

Честнодумова. (*цѣлуя его*)

Прости, мое милое дитя! естьлибъ сіе не касалось до жизни твоего отца, братьевъ твоихъ и сестры, то бы я тебя къ этому не понудила. (*Алексаша плача отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Честнодумова и Софья.

Софья. (*смотритъ въ слѣдъ брату и плачетъ*)

Бѣдное дитя!—чтобъ глядя на него не заплакалъ!—какъ ему этово не хотѣлось!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Честнодумова и Софья, *которыя хранятъ печальное безмолвіе, потомъ* Честнодумовъ.

Честнодумовъ (*входитъ съ великимъ уныніемъ, блѣденъ и утомленъ; одежда его изъявляетъ величайшую бѣдность.*)

О жена моя! о дочь! намъ должно умереть! (*бросается на стулъ и смотритъ кругомъ пылающими очами*) но гдѣ мой малютко? Алексѣй еще не возвратился?

Честнодумова.

Я предчувствовала, мой другъ, что ты ничего не получишь.

Честнодумовъ.

Нѣтъ жалости! нѣтъ соболѣзнованія!—

Честнодумовъ.

Ни полушки! я ужъ знаю, говорилъ онъ, каково давать напередъ деньги за работу еще неоконченную: обыкновенно позже получишь ту вещь; или еще совсѣмъ не получишь. Тщетно давалъ я честность свою порукою: я тебя не знаю, отвѣчалъ онъ, и ушолъ. О какая горесть овладѣла мною.—

Чесшнодумова.

Не безпокойся, другъ мой! есть Богъ, кошорой видишъ нашу бѣдносшь, и кошорой инымъ образомъ о насъ попечешся. Я послала Алексашу—можешъ бышь будешъ онъ сшолько счасшливъ, чшо исходашайсшвуешъ намъ хошя малую помощь.

Чесшнодумовъ.

Не надѣйся мой свѣшъ: о человѣки, человѣки!—одна смершь намъ поможешъ. Но я не понимаю куда скрылся нашъ Алексѣй. На шакое долгое время онъ никогда не ошлучался; и надобно эшому случишься севодня, когда намъ помощь его наиболѣе пошребна! эшо не просшишельно!

Софья.

Я слышу кшо-шо идешъ; конечно эшо онъ (*она идетъ къ дверямъ.*)

Чесшнодумовъ.

Чшобъ онъ и на глаза ко мнѣ не ходилъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Чесшнодумовъ, Чесшнодумова, Софья, Алексѣй, (*сей послѣдній входитъ блѣденъ и слабъ съ завязанною и окровавленною рукою, неся съ собой два хлѣба.*)

Алексѣй. (*бросая хлѣбы на столъ*).

Вошъ, любезные родишели? кушайше! мнѣ

,орого это стоитъ; я не могу больше—(*па-*
|аетъ безъ чувства на стоящій по близости
го старой сундукъ.)

Честно,умовъ.

Что это такое? не ужъ ли это плоды какову либо безчестнаго дѣла? А! нещастный!

Алексѣй. (*слабымъ голосомъ*).

Кушайте, не опасайтесь; я васъ еще достоинъ.

Честнодумовъ.

Но что значитъ сіе состояніе, въ которомъ я тебя вижу?

Честнодумова. (*примѣтя кровь на его рукѣ*).

О небо! кровь? скорѣе, Софья сыщи какую нибудь тряпку.—Какъ? ты дрался съ кѣмъ нибудь?

Софья.

Ахъ, матушка!—посмотрите, у него скинулась перевязка; онъ конечно пускалъ кровь и жила опять растворилась!

Алексѣй (*съ великой слабостью*).

Батюшка!——Матушка!——Сестрица!——я сдѣлалъ это, чтобъ достать вамъ кусокъ хлѣба.

Честнодумовъ и Честнодумова. (*вдругъ.*)

О сынъ!

Софья.

Ахъ брашецъ!

(Отецъ и мать заключаютъ его въ свои обьятія; Софья старается перевязать у него руку).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Графъ Добросердъ, Алексаша и служитель Графской, *которой несетъ корзину съ кушаньемъ.*

Графъ.

Гдѣ сіи нещасшные? какъ могли они такъ долго ошъ меня укрывашься?

Алексаша.

Вошъ они, сударь! эшо мой башюшка и моя машушка; они умираюшъ съ голоду.

Графъ. *(предлагая корзину)*

Вошъ вамъ, друзья мои, на севоднишній день пища: примише ее ошъ моей руки.

Чесшнодумова.

Ахъ милосшивой государь! коль чувсшвишельно для насъ ваше великодушіе! но можемъ ли мы чѣмъ наслаждашься, пока сей нашъ любезный сынъ *(указывая на Алексѣя)* —сынъ добродѣшельнѣйшій — будешъ находишься въ смершной опасносши? — Ахъ! есшьли бы вы знали——

Алексаша.

Брашецъ голубчикъ, чшо съ шобою сдѣлалось? *(бѣжитъ къ нему.)*

Графъ. (*къ Алексѣю*).

Какъ? кто нибудь тебя поранилъ?

Алексѣй. (*Слабымъ и прерывнымъ голосомъ.*)

Нѣтъ, государь. — — Я не могъ сносить нещастнаго состоянія моихъ родныхъ—для того въ отчаяніи побѣжалъ сегодня поутру, вознамѣрясь твердо или обрѣсти имъ помощь или умереть. Со мною — ахъ!

Графъ.

Отдохни немного.

Алексѣй. (*по нѣкоторомъ молчаніи.*)

Со мною встрѣтился одинъ изъ моихъ пріятелей, такойже бѣдной и нещастной человѣкъ, какъ мы. Онъ, увидя меня въ отчаяніи, ужаснулся—куда ты идешь? спросилъ меня; что съ тобою сдѣлалось? — ахъ, мой другъ! они со вчерашняго утра ничего не ѣли—мой бѣдный отецъ—моя бѣдная мать—я не знаю куда иду — не знаю гдѣ я—они умрутъ съ голоду! (*падаетъ опять въ обморокъ*).

Графъ.

Воды немного, воды?

Алексѣй. (*пришедъ опять въ себя.*)

Ужъ прошло. — Тогда сказалъ онъ мнѣ: вотъ мой другъ, и сунулъ мнѣ десять копѣекъ въ руку, вотъ все, что я имѣю; но естьли ты нѣчто заслужить хочешь, я знаю къ тому способъ.—Ахъ! отвѣтствовалъ я,

я все сдѣлаю охотно: конечно ужъ это непостыдной способъ.—Нѣтъ, повторилъ мой добродѣтельный другъ: тамъ въ угловомъ домѣ живетъ зажиточной молодой человѣкъ, которой обучается врачебному искуству, дабы въ своей деревнѣ помогать бѣднымъ людямъ, когда имъ случится нужда въ лѣкарѣ. Онъ упражняется въ кровопусканіи и даетъ тѣмъ деньги.—Я разумѣю тебя, сказалъ я, и побѣжалъ тотчасъ въ тотъ домъ, на которой онъ мнѣ указывалъ. Человѣкъ этотъ пустилъ мнѣ кровь, сперва изъ правой, потомъ изъ лѣвой руки; ибо я его о томъ просилъ для полученія двойной платы. По семъ далъ онъ мнѣ деньги, я побѣжалъ тотчасъ въ хлѣбню, и въ торопливости не примѣтилъ, что перевязка у меня съ одной руки скочила. Послѣ того, хотя уже я и примѣтилъ сіе, но мнѣ не хотѣлось мѣшкать, вѣдая, что любезные родители мои между тѣмъ истаеваютъ голодомъ.—И сіе то меня такъ обезсилило—(*съ восторгомъ*). Но щастливъ, естьли смертію моею дражайшую жизнь ихъ хотя на одинъ день продолжу: (*подаетъ руку отцу и матери, которые въ слухъ рыдаютъ*).

Графъ. (*чувствуя великую жалость.*)

Благодарной юноша! ты примѣръ добродѣтели; но имѣешь у себя брата, которой нѣкогда тебѣ уподобится. Этотъ не-

щасшный мальчикъ (*указывая на Алексашу*) упалъ въ обморокъ предъ моими окнами. Къ щасшію взглянулъ я на эшу пору въ окошко и его увидѣлъ; по приказанію моему принесли его ко мнѣ и нѣсколько капель крѣпкаго спирпу возврашили ему прежнія чувсшва. Я велѣлъ посадишь его за сшолъ, но онъ не хошѣлъ ничего ѣсшь, а просилъ меня со слезами, чтобъ я посшавленную предъ него пищу позволилъ ему взяшь съ собою: башюшкѣ моему, машушкѣ моей, говорилъ онъ, надобно сперва сдѣлашь помощь: могу ли я ѣсшь въ шо время, какъ они умираюшъ съ голоду?

Чесшнодумовъ. (*съ великимъ сердолюбіемъ.*)

О мои дѣши!—вы досшойны лучшей учасши!

Графъ.

Не печальшесь; ошъ сего времени беру я на себя имѣшь о васъ попеченіе. Доколѣ живъ, буду я благословляшь щасшливую минушу, кошорая подала мнѣ случай, сшольже добродѣшельному, сколь нещасшному семейсшву, услужишь. Сынъ вашъ слава Богу шолько чшо слабъ; въ его лѣша скоро эшо пройдешъ. (*Положа на сшолъ кошелекъ съ деньгами*) Между шѣмъ вошъ нѣсколько, чѣмъ можеше вы досшашь все нужное какъ къ его укрѣпленію, шакъ и къ своей ошрадѣ:

чрезъ немногіе дни услышите вы лучшія вѣсти: покамѣстъ прощайте.—(*Здѣсь Честнодумовъ со всей своей семьею бросается предъ нимъ на колѣни, но онъ ихъ удерживаетъ*). Благодарности я не требую, друзья мои! я уже собственнымъ моимъ чувствованіемъ награжденъ довольно.

Алексѣй. (*вскочивъ и хватая у него руки*).

Еще одна прозьба, милостивый государь!

Графъ.

Какая, мой другъ?

Алексѣй.

Чтобъ вѣрной пріятель мой, которой сегодня всѣмъ своимъ имѣніемъ мнѣ помогъ, въ благодѣяніяхъ къ намъ вашихъ имѣлъ равное участіе.

Графъ.

Пречестный юноша! знай, что у меня положено уже было на сердцѣ также и о немъ пещися. Завтра объ эту пору приду я опять къ вамъ; постарайся, чтобъ я здѣсь его нашелъ. (*Уходитъ*).

(*Всѣ долгое время въ безмолвномъ удивленіи смотрятъ въ слѣдъ ему. Потомъ Честнодумовъ воздѣвъ на небо руки, бросается на колѣни и съ великимъ жаромъ говоритъ*):

Боже! Боже! пролей благодать твою святую на сего великодушнаго благодѣтеля,

на сего Ангела, котораго ты къ намъ послалъ! и да буди вѣчно, вѣчно, вѣчно славимо имя твое, о ты источникъ любви и спасенія, всемогущій Боже!—(*Вскочивъ*) Ну, дѣти! насытимся съ благодарностію даромъ небеснаго Творца, и возвеличимъ имя его во всю жизнь нашу!—

(*Они всѣ съ радостными въ очахъ слезами садятся за столъ*).

СОБАКА СЪ КУСКОМЪ МЯСА.

На кухню къ повару, которой былъ зѣвака,
Зашла голодная собака,
Зашла не званая и по собачьи мнитъ:
Здѣсь много всякаго припаса,
И плохо все лежитъ,
Такъ я могу схватить любой кусочикъ мяса.
Схватила и бѣжитъ,
Бѣжитъ что мочи есть съ добычею такою
Неся ее въ зубахъ,
Мечтаетъ повара съ дубиной за собою,
Но то не поваръ былъ, а страхъ,
Преступниковъ гонитель,
И къ ихъ мученію въ сердцахъ ихъ вѣчный житель.
Трусливая дрожитъ собака та ужасно,
Не знаетъ гдѣбъ найти ей мѣсто безопасно.

Случилась тут рѣка;
Собака думала я плавать мастерица,
Не раздѣваться мнѣ,
И это небылица,
Чтобъ поваръ могъ найти на той меня странѣ;
Переплыву я вскорѣ,
И тамо скушаю кусокъ свой на просторѣ.
Отъ мысли сей повеселѣе ставъ,
Пускается собака вплавъ:
Шерсть распустилася у ней какъ юпка,
Ногами какъ весломъ гребетъ,
Плыветъ
Какъ шлюбка,
И держитъ голову высоко какъ олень,
Но въ гладкой тамъ водѣ свою вдругъ видитъ тѣнь,
Такую же собаку,
Съ такимъже, какъ она, во рту кускомъ;
Завидуетъ ей въ томъ,
Пуститься хочетъ въ драку,
Чтобъ тотъ кусокъ отнять у ней,
У зависти всегда желаніе такое:
Насущнаго ты хлѣба не имѣй;
А у нее всего бъ излишно было втрое.
Съ собакой мнимой сей она вступила въ бой,
Залаяла и заворчала.
О дура! то былъ видъ пустой;
Его ты не поймала,
А твой
Кусокъ упалъ, вода его умчала,

Простися съ нимъ и будь какъ прежде голодна.
Колико зависть ты безумна и черна!

ТРОЕ МОЛОДЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ.

Три сына, богатыхъ родителей, скопили, отъ получаемыхъ ими на разныя бездѣлицы денегъ триста рублей.

Они согласились, чтобъ имъ для своего удовольствія съѣздить за сіи деньги посмотрѣть нѣкоторыхъ городовъ, и получили на то позволеніе отъ своихъ родителей,

И такъ отправились они и радовались напередъ, что поѣдутъ чрезъ многія хорошія мѣста и время проведутъ очень весело.

Но лишь отъѣхали нѣсколько верстъ, какъ увидѣли въ деревнѣ пожаръ.

Они поскакали туда и нашли нещастныхъ жителей сея деревни бѣгающихъ и старающихся тушить огонь, которой нѣсколько избъ обратилъ уже въ пепелъ.

Благородные сіи юноши не были простыми зрителями, но помогали сами тушить огонь, сколько могли. Напослѣдокъ пожаръ потухъ.

Стали ихъ благодарить за ихъ вспоможеніе; а они смигнувшись между собою и мысли другъ друга уразумѣвъ, пошли къ свя-

щеннику и отдали ему всѣ триста рублей, которые проѣздить хотѣли.

Употребите сіи деньги, сказали они ему, на поправку состоянія сихъ бѣдныхъ погорѣлыхъ людей.

Мы намѣренія своего достигнули и теперь можемъ возвратиться назадъ, ибо мы хотѣли издержать сіи деньги въ свое удовольствіе, что уже и исполнилось.

По сихъ словахъ оставили они удивленнаго священника и возвратились въ городъ, сопровождаемы благодарностію и усердными о здравіи ихъ молитвами отъ сихъ земледѣльцевъ, и отъ всѣхъ тѣхъ, которые о семъ похвальномъ дѣлѣ узнали.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Братъ.

Сестрица, душинька, посмотри какое у меня прекрасное яблочко! поди ко мнѣ, скушаемъ его вмѣстѣ.

Сестра.

Братецъ, голубчикъ, у меня ничего нѣтъ, чѣмъ бы я могла тебя также попотчивать.

Братъ.

Меня? да на что? естьли я одинъ съѣмъ это яблоко, то оно мнѣ не такъ покажется вкусно, хотя бы оно и вдвое больше бы-

ло; а когда съ тобою раздѣлю, сестрица, тогда и половинка будетъ для меня гораздо лучше цѣлаго яблока.

ЩАСТІЕ БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

Красны какъ пришли деньочки,
Я гулялъ въ лугу весной;
Тамъ всѣ птички и звѣрьочки
Веселилися со мной.

И гдѣ рѣчка протекаетъ
По зеленому лужку,
Тамъ, я видѣлъ, отдыхаетъ
Старичокъ на бережку.

Хворъ и сѣдъ, мое сердечко,
Жосткимъ рубищемъ покрытъ;
Отъ него тутъ недалечко
Посошокъ его лежитъ,

И кусочикъ чорства хлѣба
Положенъ въ его суму,
Убоясь знать кто-то неба
Христа ради далъ ему.

Онъ во снѣ поворотился,
И проснулся тотъже часъ:
Слезъ источникъ покатился
Горькихъ у него изъ глазъ.

Отъ чего старикъ любезной,
Съ сожалѣньемъ я спросилъ,
Отъ чего потокъ сей слезной?
Развѣ свѣтъ тебѣ не милъ?

Онъ въ уныніи глубокомъ
На меня тогда взглянулъ,
Бѣдный, толь печальнымъ окомъ,
Что и самъ я воздохнулъ.

„О дитя мое любезно!
Томнымъ голосомъ онъ рекъ:
„Житіе веду я слезно,
„И не кончится мой вѣкъ!

„Изнуренъ печалью злою,
„Тяжкой старостью согбенъ,
„Нѣтъ ни пищи, ни покою,
„А работать силъ лишенъ!

„Сынъ мой въ младости скончался,
„Сирыхъ мнѣ оставя чадъ.
„Я одинъ у нихъ остался.
„Малы всѣ и терпятъ гладъ.

„Испрошенный сей слезами
„Хлѣбецъ малый предъ тобой,
„Съ четверыми я дѣтями
„Раздѣлю пришедъ домой.

„Се послѣдня можешъ пища,
„Что рука имъ дастъ моя:
„Завтра—Боже призри нища!—
„Можешъ мертвъ ужъ буду я!

Онъ умолкъ, но мукой злою
Взоръ его былъ помраченъ;
Я крушась его тоскою
Самъ былъ въ слезы приведенъ.

У меня тогда по щастью
Кошелекъ въ карманѣ былъ;
Огорченному напастью
Старцу я его вручилъ.

О коль жаръ благодаренья
Въ хладномъ сердцѣ былъ великъ!
О коликаго почтенья
Былъ достоинъ сей старикъ!

Сладость помогать убогимъ,
Я впервые тутъ вкусилъ,
И съ веселіемъ премногимъ
Весь тотъ вечеръ проводилъ.

МОЛОДОЙ ОСЕЛЪ,

знатностію породы своей надутый.

Молодой оселъ, по имени Длинноухъ, наслышался, что онъ отъ знатнаго и весьма древняго поколѣнія происходитъ.

Собесѣдница его, утка, великая грамотѣиха, часто расказывала ему, какъ предки его славны въ лѣтописяхъ.

„Господа длинноухіе, говорила она, въ „старину были важныя въ свѣтѣ лица.

„Сказываютъ, на нихъ никто не ѣзжалъ, „кромѣ самыхъ первѣйшихъ особъ.

„Знатность муловъ уступаетъ имъ въ „древности, какъ то видно и по ушамъ ихъ, „которыя гораздо короче ослиныхъ; что касается до лошадей, они составляли простой народъ, и господа ослы никогда съ „ними не обращались.

Молодой господчикъ нашъ не пропустилъ ни одного слова изъ ея рѣчей.

Какъ только выгонятъ его въ поле, и прежніе товарищи его, игривые жеребятки, захотятъ съ нимъ порѣзвиться; то онъ съ презрѣніемъ отъ нихъ отворотится и скажетъ, чтобъ они играли съ подобными себѣ.

Съ того времени вовся не хотѣлъ онъ учиться.

Вить я не изъ простова народу, раз-

мышлялъ онъ; за чѣмъ мнѣ боярскому сынку, словно какъ простолюдинцу, мучить себя наукою? довольно одной знатной породы моей, чтобъ притти у всѣхъ въ любовь и почтеніе.

Разсуждая такимъ образомъ, никогда не хаживалъ онъ въ манежъ, а всегда смотрѣлъ только изъ дали на обучающихся лошадей, и почиталъ себя щастливымъ, что не подверженъ такому какъ они муштрованью.

И такъ выросъ онъ и ни чему не выучился.

Въ одинъ день вмѣстѣ съ простородными товарищами своими, которые сдѣлались уже весьма добрыми конями, отведенъ онъ былъ въ городъ на ярмонку.

Онъ надѣялся, что конечно сыщется какой нибудь царевичъ, которой за то, что у него такія длинныя уши, полюбитъ его и возметъ къ себѣ въ службу.

И подлинно былъ тамъ одинъ Князь.

Сей Князь лишь только увидѣлъ молодыхъ выученныхъ лошадей, тотчасъ онѣ ему полюбились, онъ подошелъ къ нимъ, сталъ гладить, купилъ ихъ и нарядилъ въ пребогатой конской уборъ.

А на господчика Длинноуха ниже взглянулъ кто нибудь.

Напослѣдокъ сыскался какой-то мѣльникъ, которой купилъ его, чтобъ возить на

немъ мѣшки съ мукою, и на первой случай сильнымъ ударомъ плѣти далъ ему разумѣть, что онъ долженъ съ нимъ идти.

Тогда-то господчикъ нашъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ.

Муа! муа! муа! зарычалъ онъ громко; а сіе значило:

„Не за того меня принимаютъ: я боярской сынъ Длинноухъ, одинъ изъ моимъ „предковъ служилъ великому Силену! (*)

Вотъ я тебѣ дамъ муа! сказалъ мѣльникъ и погналъ его плѣтью.

ФЕДЮШИНО УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ И МОЛИТВА.

Пріятный, теплый день насталъ,
Мракъ ночи хладной удалился:
Я здравъ и духомъ бодръ восталъ,
Мой сонъ сладчайшій прекратился.
Подобно такъ туманъ густой
Поля и нивы покрываетъ,
Но солнца красна лучъ златой,
Его мгновенно разсыпаетъ.

(*) Старикъ въ баснословной исторіи, котораго изображаютъ всегда ѣдущимъ на ослѣ.

Земля изсохшая въ песокъ
Когда туманомъ напоится,
Отъ влажности сея листокъ
И травка на полѣ родится:
Полезенъ и туманъ для насъ;
Но солнечны лучи любезны,
Еще, еще того въ пять разъ,
Или и болѣе полезны.

Хотя намъ ночью сонъ и милъ;
Съ высотъ ниспосланъ онъ небесныхъ,
Для укрѣпленья нашихъ силъ
Душевныхъ купно и тѣлесныхъ;
Но любо поутру возстать,
Какъ дневное взойдетъ свѣтило:
Всегда безпрестанно спать,
Кому бы то пріятно было?

Величественъ твой, солнце, зракъ,
Великолѣпно ты, прекрасно!
Ты разсыпаешь ночи мракъ,
И все даешь намъ видѣть ясно.
Все нужное для насъ сбирать
Своими можемъ мы руками,
Пить, ѣсть, ходить вездѣ, гулять,
Твоими веселясь лучами.

Мнѣ кажется, что въ этотъ часъ,
Какъ солнца всходитъ лучъ свѣтящій,
Отца чадолюбива гласъ

Съ небесъ я слышу низходящій:
Ну, дѣти, вотъ вамъ дневный свѣтъ,
Играйте, радуйтесь, скачите ,
И что кому на умъ вспадетъ,
То дѣлая, меня любите!

Тогда всѣ съ радостью встаютъ,
Повсюду люди шевелятся,
Творцу небесному поютъ,
Работаютъ и веселятся.
Твой свѣтъ, о боже! полнъ добротъ:
Онъ разумъ мой въ восторгъ приводитъ;
По истинѣ безуменъ тотъ,
Кто въ немъ утѣхи не находитъ.

Хотя еще незрѣлый умъ
Мой мало въ свѣтѣ искусился ,
Однако бы своихъ я думъ
Конечно крайне устыдился,
Когда бъ мнѣ въ голову пришло
Такое размышленье ложно,
Что все на свѣтѣ худо, зло ,
Что въ немъ довольну быть не можно.

Тогдабъ мой страхомъ каждый шагъ
Средь рощъ густыхъ сопровождался;
Во всякомъ деревѣ мой врагъ ,
Меня стрегущій, мнѣбъ мечтался;
Какъ будто бы со всѣхъ сторонъ
Меня злодѣи окружали,

И дикимъ голосомъ: вотъ онъ!
Вотъ онъ! отвсюду вопіяли.

Ахъ! Естьли правду говорятъ,
Что будто люди есть такіе,
Которые Творца хулятъ:
Какіе же они слѣпые:
Какъ долженъ быть ихъ умъ легокъ!
Какая слабость, нетерпѣнье!
Пыль, дождикъ, тучка, вѣтерокъ,
Уже ихъ вводитъ въ огорченье!

Нѣтъ, Боже праведный, Твою
Я чту премудрость безконечну,
Не умствую, но всю мою
Любовь и простоту сердечну
Тебѣ со вздохомъ приношу,
И лишь о томъ Тя, милосердый,
Со умиленіемъ прошу:
Даждь, даждь, всегда мнѣ духъ сей твердый.

ВЕЛИКОДУШІЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ.

Англинскаго корабельщика, именемъ Ричардсона, захватила неподалеку отъ Данцига жестокая буря. Съ великимъ трудомъ насилу могъ онъ войти въ гавань.

Другое судно, которое позади его слѣдовало, не было такъ щастливо: оно брошено было на мѣль, и шестнатцать чело-

вѣкъ бывшихъ на немъ ожидали ежеминутно, что судно ихъ проломится и они въ волнующемся морѣ потонуть.

Рихардсонъ увидѣлъ ихъ бѣдствіе; но собственное судно его находилось въ такомъ худомъ состояніи, и люди его такъ были трудами и смертнымъ страхомъ умучены, что не возможно ему было ни какъ возвратиться назадъ для поданія помощи страждущимъ.

Не взирая на то, сердце его не давало ему покоя: не могъ онъ быть празднымъ зрителемъ на злощастіе себѣ подобныхъ. Чтожъ онъ сдѣлалъ?

Онъ побѣжалъ къ корабельщику другаго судна, которое неподалеку отъ него стояло на якорѣ, и просилъ его исполнить долгъ человѣчества, котораго онъ самъ исполнить не въ силахъ.

Но этотъ корабельщикъ былъ одинъ изъ тѣхъ хладнокровныхъ и малодушныхъ людей, которые, когда дойдетъ до нихъ дѣло оказать кому либо какую услугу, напередъ размышляютъ и сами себя спрашиваютъ: нѣтъ ли тутъ собственной моей опасности? будетъ ли мнѣ отъ того какая прибыль?

Гнусный образъ мыслей!

И такъ, какія добросердечный Рихардсонъ ни дѣлалъ представленія, не могъ сего

малодушнаго корабельщика убѣдить, чтобъ онъ вдался самъ въ опасность для спасенія жизни другихъ.

Потомъ просилъ его Рихардсонъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ ему своего ялика, по тому что Рихардсоновъ яликъ былъ не такъ великъ и крѣпокъ какъ его; однакожъ сей недоброхотный человѣкъ и въ томъ ему отказалъ, опасаясь, чтобы въ такую великую бурю не лишиться своего ялика.

Праведнымъ огорченіемъ дышущъ и кипя великодушною ревностью, побѣжалъ Рихардсонъ на корабль свой и къ утомленнымъ матрозамъ возгласилъ: „други, есть ли въ васъ еще столько силы и мужества, чтобъ исполнить богоугодное и человѣколюбивое дѣло?

Видите вы сихъ нещастныхъ, которые стоятъ при концѣ жизни? въ комъ изъ васъ есть сердце, тотъ ступай за мною!„

Сказавъ сіе вскочилъ въ яликъ, куда четыре человѣка сильныхъ матрозовъ за нимъ послѣдовали.

Мужественно гребли они поверхъ пѣнящихся валовъ, и напослѣдокъ привалили благополучно къ стоящему на мѣли судну. Но въ маленькой яликъ свой не могли они вдругъ больше шести человѣкъ посадить.

И такъ отвезши сперва сихъ на берегъ,

два раза возвращались они потомъ для забранія всѣхъ остальныхъ.

Избавленные ими благодарили ихъ со слезами; сами же они плодами добраго дѣла своего услаждаясь, вкушали ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе.

Между шестнатцатью человѣками, которыхъ жизнь они спасли, былъ одинъ богатой купецъ изъ Смирны. Сей на другой день пришелъ къ Рихардсону и принесъ ему тысячу гиней, что сдѣлаетъ слишкомъ пять тысячъ рублей на наши деньги.

На что это, спросилъ Рихардсонъ?—— Это тебѣ, отвѣтствовалъ купецъ; прими ихъ пожалуй и поставь сіе за нѣкакой малой знакъ моей благодарности.

Чтобъ я ихъ принялъ? вскричалъ Рихардсонъ: сохрани меня Боже! развѣ я за тѣмъ спасъ твою жизнь, чтобъ взять съ тебя за то деньги?

Такимъ образомъ купецъ продолжалъ ему ихъ навязывать, а Рихардсонъ отъ нихъ отговариваться. Напослѣдокъ сей спросилъ: Скажи пожалуй! ты, которой хочешь сдѣлать мнѣ такой великой подарокъ,—развѣ ты такъ богатъ?

Такъ богатъ, отвѣтствовалъ купецъ, что я безъ разоренія себѣ могу сдѣлать тебя и всѣхъ твоихъ матрозовъ щастливыми.

Когда такъ, повторилъ Рихардсонъ, то я подарокъ твой возму. Посемъ взялъ онъ мѣшокъ съ деньгами, созвалъ матрозовъ своихъ на палубу и раздѣлилъ между ими все, не оставя себѣ ни полушки.

Между тѣмъ, какъ сіи отъ радости восклицали, Смирнской купецъ стоялъ и плакалъ.

Что съ тобою сдѣлалось?—Спросилъ у него Рихардсонъ.

Мнѣ досадно, отвѣчалъ купецъ, что человѣкъ, которому я обязанъ жизнію, столько гордъ, что не позволялъ мнѣ имѣть удовольствія оказать мою благодарность.

Божусь тебѣ, что ты обманываешься, вскричалъ Рихардсонъ: не изъ гордости раздѣлилъ я подарокъ твой между ими, но потому, что имъ гораздо нужнѣе нежели мнѣ, и что безъ ихъ помощи не могъ бы я тебя спасти.

Такъ ты, думаешь, продолжалъ купецъ, что я забылъ бы ихъ? Вотъ что! — (вытащивъ кошелекъ съ деньгами) вотъ что я имъ назначалъ!—но ты, какъ я уже сказалъ, презрѣлъ мою благодарность!

Клянусь тебѣ всею святостію, что я ее не презираю! вскричалъ Рихардсонъ съ нѣкоторымъ жаромъ.

Такъ возьми по крайней мѣрѣ вотъ это, примолвилъ купецъ, подавая ему драгоцѣн-

ный перстень, которой онъ снялъ у себя съ руки.

Рихардсонъ взялъ его.

Всѣ, слышавшіе сей почтенія достойный споръ, находились въ сомнѣніи, кому изъ двухъ должны они больше удивляться, великодушному ли корабельщику, или благодарному купцу, но всѣ согласны были въ томъ, что оба сіи мужи всякой чести и похвалы достойны.

ОСЕЛЪ И ЛОШАДЬ.

Въ какое-то, не помню, время,
Оселъ претяжкое несъ бремя,
Удобное ему дать мать..
Съ нимъ вмѣстѣ конь, не знаю что тому виною,
Съ порожней шелъ спиною.
Оселъ ему сказалъ: конь братъ!
Мой конь любезный!
Пожалуй сжалься ты на рокъ мой слезный;
Ты видишь ношу на моей спинѣ,
Будь добръ и помоги ты мнѣ.—
Кто? я? я за тебя работать стану?
Лѣнтяй! такому я, какъ ты, болвану
Могу ли быть слугой?—
О конь мой дорогой!
Пищалъ оселъ, я умираю.
Ты силенъ; я передъ тобой дитя,
Полъ-ноши ты моей снесешь шутя;

Спаси меня, я весь изнемогаю.
Нѣтъ, не хочу, конь гордо отвѣчалъ.
Оселъ бѣдняжка замолчалъ.
Въ уныніи глубокомъ,
Въ поту, въ жару жестокомъ,
Разъ пять еще ступилъ,
Упалъ и духъ свой испустилъ.
Тотчасъ сѣдло, подпруги, стремя,
Кульки, мѣшки и всякое беремя,
Съ осла долой,
Везти домой,
Взвалили на лошадь, на горду эту дуру,
И сверхъ того еще ослову шкуру.

МОЛОДОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Молодой скорохватъ, которой имѣлъ великую охоту путешествовать, отправился съ наставникомъ своимъ въ путь.

Лишь только успѣетъ онъ пріѣхать въ какое-нибудь чужестранное мѣсто, то ужъ и спрашиваетъ: кудажь мы отселѣ поѣдемъ? и никогда не хотѣлъ въ одномъ мѣстѣ пробыть столько времени, чтобъ осмотрѣть все, что̀ было тамъ добраго и примѣчанія достойнаго.

Такую великую имѣлъ нетерпѣливость переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто!

Наставникъ прашивалъ его иногда промѣшкать подолѣе, представляя, что пуше-

шествіе не принесетъ ему ни малой пользы, есть ли онъ станетъ только что перелетать изъ одного мѣста въ другое.

Тщетно! онъ не могъ его убѣдить. Но что послѣдовало? Когда сей молодой человѣкъ возвратился домой, то не умѣлъ онъ ничего сказать о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя пролеталъ, кромѣ одного ихъ имени.

Тогда позналъ онъ свою глупость, и долженъ былъ вознамѣриться вторично предпріять сіе путешествіе, когда хочетъ почерпнуть изъ того пользу.

Такъ точно бываетъ съ тѣми, которые не слушая хорошенько, что имъ учитель изъясняетъ, всегда только о томъ спрашиваютъ, что далѣе слѣдуетъ, и чрезъ то напослѣдокъ ничего не знаютъ.

Кто хочетъ чему твердо научиться, тотъ долженъ безъ всякой поспѣшности выслушивать, и не прежде за конецъ книги хвататься, какъ уже совершенно выразумѣвъ начало оной.

НЕТЕРПѢЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Съ однимъ уже немолодымъ мужикомъ, но которой въ молодости походилъ на скоскорохвата, подобное же случилось.

Онъ нанялъ плотника построить себѣ избу о трехъ срубахъ.

Между тѣмъ какъ плотникъ строилъ

первой срубъ, мужикъ шоропилъ его, чтобъ онъ поскорѣе принялся за другой.

Плошникъ увѣщевалъ его взяшь шерпѣніе, покуда ошдѣлаешся первой срубъ; но шошъ не давалъ ему ни на часъ покою, шребуя ошъ него, чшобъ онъ непремѣнно исполнилъ его волю и зачалъ сшроишь вшорой срубъ не докончивая хорошенько перваго.

Пошомъ когда вшорой срубъ началъ приходишь къ окончанію, шо сшалъ онъ опяшь шребовашь, чшобъ приняшься за послѣдній; ибо онъ въ крайней былъ нешерпѣливосши домъ свой поскорѣе видѣшь посшроеннымъ. Но чшо сдѣлалось?

Прежде нежели верьхъ дома былъ гошовъ, все зданіе обрушилось, пошому чшо срубы онаго не имѣли надлежащей между собою связи и укрѣпленія.

ВЛАСТЬ НАДЪ САМИМЪ СОБОЮ.

Горячъ Мишюша нравомъ былъ,
И хошь ошецъ ему швердилъ,
Чшобъ онъ себя воздерживашь сшарался
И сердцу воли не давалъ;
Мишюша обѣщался,
Но въ словѣ не сшоялъ:
За сущій вздоръ, за малосшь всяку,
Онъ часшо шумъ и драку

Съ дѣтьми другими поднималъ,
И послѣ такъ передъ отцомъ
Съ слезами извинялся:
Я виноватъ, раскаиваюсь въ томъ,
Но братецъ разсердилъ, и я не воздержался.
Послушай Митинька! сказалъ отецъ,
Воздержность въ нашей власти,
Кто хочетъ съ твердостью, отъ всякой на конецъ
Свободенъ будетъ страсти;
Тотъ лишъ ей рабъ,
Кто слабъ
Самъ управлять собою,
Поди ты въ садъ теперь, поди,
И тамъ покамѣстъ походи.
Я тотчасъ буду за тобою.
Митюша побѣжалъ и долго ждетъ,
Отецъ нейдетъ:
Терпѣть Митюша не умѣетъ,
Досадуетъ и гнѣвенъ онъ,
Однако же изъ сада вонъ
Уйти не смѣетъ:
Уставъ такой у насъ въ сердцахъ,
Что гнѣва въ нихъ сильнѣе страхъ.
Въ послѣдокъ съ прочими пришелъ отецъ сынзами.
Какъ ни былъ Митя разсерженъ,
Однако видъ казать веселый принужденъ,
Не льзя шутить съ отцами.
Съ начала онъ къ притворству прибѣгалъ,

А послѣ, какъ пришелъ къ нему умишко,
И какъ прошло его сердчишко,
Такъ онъ и вподлинну повеселѣе сталъ.
Отецъ имъ говоритъ: ну дѣтки!
Во что хотите вы играть?
Кто въ жмурки, кто въ веревку, кто въ насѣдки;
Митюшѣ жъ змѣй хотѣлося спускать:
Въ играхъ, гдѣ бѣгаютъ, онъ былъ не очень совокъ;
Ловитъ другихъ неловокъ;
Однако же на этотъ разъ
Играть въ насѣдки былъ всеобщій гласъ.
Митюша внутренно хотя и побѣсился,
Но дѣлать нечего, сжавъ сердце согласился.
Пошла игра и бѣги чередой,
Бѣгутъ отъ коршуна, а коршунъ ихъ хватаетъ,
Митюша коршунъ былъ худой,
Изъ рѣзвыхъ ни кого цыпляшокъ не поймаетъ
Онъ сердится, но сердце вишь не дастъ
Тому помоги,
Кто бѣгать не гораздъ,
Не сердце надобно тутъ, ноги.
Еще онъ побѣжалъ,
Спошкнулся, на траву упалъ,
И ноги къ верьху у Митюши
Торчатъ какъ зайчьи уши!
Упасть не грѣхъ,
Лишь только бъ не убиться;

Со всяким можетъ то случиться;
Однакожъ всѣхъ
Беретъ въ такомъ случаѣ смѣхъ.
Хохочутъ дѣти: Митя злится!,
Сердчишко въ немъ кипитъ:
Онъ радъ бы въ волосы вцѣпиться,
Да тутъ отецъ стоитъ!
И такъ, какъ ни было въ немъ сердце воспаленно,
Однако же, тая свои грѣхи,
Тудаже съ прочими, хотя и принужденно,
Кусая губы,
Хи хи, хи хи,
Ворчитъ сквозь зубы
Межъ тѣмъ не вѣченъ гнѣва пламень,
Вить сердце въ насъ не камень,
Оно смягчается и простываетъ:
Кто сердится когда играетъ?
Прошолъ Митюшинъ жаръ и пылъ,
Игра другая началася,
Онъ бѣгая, рѣзвясь, смѣяся,
Всемъ сердцемъ веселъ былъ.
Тогда отецъ ему спокойно
И съ кротостью сказалъ:
Вотъ, Мишинька! ты велъ себя благопристойно,
Рѣзвился и игралъ
Безъ всякой брани и безъ шуму;
Возмижъ себѣ ты крѣпко это въ думу
Что можемъ мы себя преодолѣть,

Лишь надо твердо захотѣть.
Когда бы прежде хорошенько
Подумалъ ты о семъ,
Давно бы велъ себя смирненько
И былъ любезенъ всѣмъ.
Севодни показалъ ты эту добродѣтель
За тѣмъ, что я былъ дѣлъ твоихъ свидѣтель;
Но ежели при мнѣ ты воздержаться могъ,
То какъ не разсуждаешь,
Что гдѣ ты ни бываешь,
И что ни дѣлаешь, всему свидѣтель Богъ?

У ДОБРАГО ГОСПОДИНА И СЛУГИ ДОБРЫЕ.

Изъ Кронона, что во Франціи, писали недавно слѣдующую пріятную вѣдомость:

Господинъ сего мѣста (которой конечно доброй человѣкъ, потому что любитъ добрыхъ людей) дѣлаетъ все что можетъ, дабы благодѣтельствовать своимъ домочадцамъ.

Онъ ежегодно удѣляетъ изъ своихъ доходовъ двѣсти талеровъ, и раздаетъ ихъ тѣмъ, которые хорошо себя ведутъ, взрослой ли то человѣкъ случится или мальчикъ, пожилая ли женщина или дѣвушка.

Онъ даетъ имъ сіи деньги всенародно

въ церквѣ: тамъ объявляютъ при всемъ собраніи ихъ имена, и расказываютъ ихъ добрыя дѣла, по которымъ они удостоились сего награжденія.

Изъ награжденныхъ въ нынѣшнемъ году суть одинъ старикъ и одна дѣвица.

Старикъ объявленъ добрымъ по тому, что онъ жилъ на свѣтѣ семдесять восемь лѣтъ, и ни кого не было, кто бы про него сказалъ что-нибудь худое, но напротивъ каждой утверждалъ, что онъ отъ самой юности своей всегда прилѣжно работалъ, что всегда былъ услужливъ и благопріязненъ къ каждому, и что шестерыхъ дѣтей воспиталъ, которыми всякъ былъ доволенъ; сверхъ того имѣлъ онъ осмидесятилѣтнюю жену, изъ давняго времени слѣпую, которая дряхлостію своею не малый трудъ ему наводила, и о которой однакожъ спокойствіи прилагалъ онъ всевозможное попеченіе, безъ всякаго притомъ роптанія, и ниже когда-либо на нее или на судьбу свою жаловался.

Что касается до дѣвушки, то мы не можемъ лучшаго сдѣлать описанія, какъ скажемъ то, что говорилъ о ней священникъ. Вотъ его слова:

,,Когда я пришелъ дѣвицѣ сей объявить, ,,что она есть та, которая назначается ,,нынѣшней годъ къ награжденію: то нашелъ ,,ее упражняющуюся въ шитьѣ плащка на

,,грудь больному своему отцу; и когда я ,,сказалъ ей, что въ будущее Воскресеніе ,,надѣнутъ на нее вѣнокъ, и она всенародно ,,получитъ отъ имени господина своего по- ,,дарокъ за извѣстныя уже всѣмъ ея добро- ,,дѣтели, то она отвѣтствовала: ,,я сего ,,не заслуживаю.

,,Добродѣтель твоя это заслуживаетъ, ,,повторилъ я.

,,Тогда взглянувъ на меня съ нѣкото- ,,рымъ удивленіемъ молвила она: ,,я ни о ка- ,,кой добродѣтели не знаю.

,,Какъ? сказалъ я, развѣ мы ее не за ту ,,принимаемъ? та ли это, которая на один- ,,натцатомъ году возраста своего пошла ,,служить въ чужіе люди?

,,Такъ говорила она, но я тогда не хо- ,,тѣла у бѣдныхъ родителей моихъ понапрас- ,,ну ѣсть хлѣбъ, а хотѣла его сама себѣ ,,доставать.

,,И такъ, спрашивалъ я далѣе, это та ,,самая, которою всѣ были довольны, кому ,,она ни служила?

,,Она повторила: ,,я старалась о томъ, ,,сколько могла, и сіе составляло все мое ,,желаніе.

,,Не правда ли, продолжалъ я спраши- ,,вать, что она на пятнатцатомъ году воз- ,,раста своего возвратилась назадъ и была ,,безотлучно въ домѣ своего отца?

,,На сіе она сказала: ,,такъ, это я. Матушка моя тогда занемогла, и надобно ,,было за нею ходить, а по смерти ея также и за батюшкою, которой, какъ вы видите, старъ и хворъ.

,,И такъ это та самая, продолжалъ я, ,,которая работою рукъ своихъ питала старика отца своего и маленькую сестру?

,,Я старалась о семъ сколько могла, ,,отвѣтствовала она; но сіе было бы весьма ,,гнусно, естьли бы кто сего дѣлать не ,,сталъ! онъ вить мой отецъ, онъ меня воспиталъ, а сестра моя не могла бы сего ,,сдѣлать: она еще очень мала.

,,Тутъ увидѣлъ я, что не ошибаюсь, и ,,для того сказалъ ей: будь спокойна, достойная дѣвица! скоро труды твои уменьшатся.

,,Сто талеровъ ты получишь, и чаятельно не умедлитъ найтиться доброй ,,человѣкъ, которой на тебѣ женится.—Она ,,отвѣтствовала: дѣло это еще не такъ ,,скоро сбудется! хотя мнѣ ужъ двадцать ,,одинъ годъ, но сестра моя мала еще и не ,,можетъ прокормить ни себя, ни батюшку.,,

Сіе расказывалъ священникъ объ этой доброй дѣвицѣ: изъ сего видно, кого нашъ господинъ и наши люди признаютъ за добрыхъ.

ГОЛУБЬ И ПЧЕЛА.

Фортуна колесо катящеесь по глади,
Вертится въ верхъ и въ низъ, покорствуя
судьбѣ:
Севодня нищему ты подалъ христа ради,
А завтра можетъ быть и онъ подастъ тебѣ.
Упала въ воду пчелка и тонула;
Увидѣлъ это голубокъ,
Принесъ и бросилъ ей листокъ.
И койкакъ на него вспрыгнула
Обмоклая пчела,
И къ берегу на немъ щастливо приплыла.
По нѣкоторыхъ дняхъ, въ смиреніи глубокомъ,
Сидитъ мой голубокъ на деревѣ высокомъ.
Охотникъ изъ ружья прицѣлялся въ него
Готовится ему смертельную дать муку.
Явилась вдругъ пчела и жаломъ тыкъ его
Въ хотящую уже курокъ спускати руку!
Ружье хотя и пафъ!
Однако голубокъ ты живъ и здравъ.

ПОВѢСТЬ

о трехъ добрыхъ мужахъ.

1. Волтемадъ.

Противъ мыса Доброй Надежды лежалъ на якорѣ корабль, которому надлежало идти въ Батавію.

Онъ ожидалъ благополучнаго вѣтра, но вдругъ поднялась сильная буря.

Она продолжалась двои сутки: волны возносили корабль высоко въ воздухъ, а потомъ свергался онъ въ глубокія бездны.

Напослѣдокъ поломались у него мачты, порвались якорные канаты, и бросило его на мѣль, гдѣ по нѣсколькихъ ударахъ онъ разсѣлся.

Жители лежащей на берегу деревни видѣли сіе.

Они охотно желали бывшимъ на кораблѣ нещастнымъ людямъ сдѣлать вспоможеніе, но не имѣли судовъ. Между ими находился одинъ семидесятилѣтній старикъ по имени Волтемадъ.

Сей, не говоря ни слова, бѣжитъ немедленно въ свой домъ, садится на лошадь, скачетъ назадъ къ берегу и кричитъ предстоящимъ: люди спасемъ людей!

Сказавъ сіе кидается съ лошадью въ пѣнящееся море, плыветъ посреди свирѣпыхъ волнъ на корабль, отстоящій отъ берега на триста шаговъ, и принесши къ нещастнымъ помощь и отраду такъ вопіетъ имъ:

„Двое изъ васъ скочивъ схватитесь за „гриву моей лошади! Богъ поможетъ намъ „переплыть; потомъ возвращусь я опять за „другими.

Въ одно мгновеніе ока двое изъ сихъ

людей схватились за гриву лошади его, и старикъ съ ними поплылъ.

Едва успѣлъ онъ благополучно привезть ихъ на берегъ, какъ вторично пускается въ свирѣпое море, паки къ опасному плаванію своему приглашаетъ съ корабля двухъ товарищей, привозитъ ихъ также на берегъ, и такимъ образомъ продолжая спасаетъ четырнатцать человѣкъ.

Родственники его и друзья со слезами въ очахъ заклинаютъ его, и сами избавленные имъ почти уже просятъ, чтобъ онъ въ новую опасность не вдавался.

Но тщетны всѣ прозьбы!

Волтемадъ не слышитъ и не видитъ ни чего кромѣ тѣхъ, которые находятся еще въ опасности; онъ вырывается изъ рукъ умоляющихъ его, плыветъ опять къ кораблю и вызываетъ отчаянныхъ по прежнему.

По несчастію не послушавъ словъ его бросается съ корабля еще третій человѣкъ; съ разлету хватается онъ за узду утомленной уже лошади, втягиваетъ голову сей бѣдной твари въ море, и утопляетъ самаго себя, двухъ товарищей, а съ ними—ахъ! и великодушнаго Волтемада!

2. Бусардъ.

Не давно случилось, что одно купецкое суднишко долгое время носимо было крѣпкими вѣтрами по морю, такъ что находив-

шіеся на немъ нещастные люди не имѣли у себя больше ни сухарей ни воды.

Продолжающаяся буря, голодъ и безпрестанная работа въ такое привели ихъ изнеможеніе и отчаяніе, что они перестали управлять судномъ и предали себя на произволъ судьбѣ.

Нѣсколько времени спустя прибило ихъ къ одному Францускому порту, которой окруженъ былъ подводными каменьями и мѣлями, весьма опасными для мореплавателей, а особливо никогда въ семъ мѣстѣ не бывавшихъ, и слѣдовательно не могущихъ знать, какова пути надлежитъ держаться, чтобъ пройти безбѣдственно въ пристанище.

Тогда наступилъ уже вечеръ, и темнота ночная присоединила страхъ свой къ ужасу свирѣпствующаго моря.

Бывшіе на семъ суднишкѣ нещастные люди, увидя близко берегъ и городокъ, частію обрадовались, частію же испугались; ибо приближалась минута, опредѣляющая имъ либо спасеніе либо смерть.

Напослѣдокъ собравшись съ послѣдними силами стали они держать прямо къ городу.

Бѣдные, они того не вѣдали, что сей путь ведетъ на каменья, гдѣ лютая смерть, челюсть свою разинувъ, уже ихъ ожидала.

Городскіе жители хотя видѣли сіе суд-

вишко идущее на неизбѣжную погибель, но удерживаемые страхомъ угрожающей бури, не могли инаго сдѣлать, какъ только сожалѣли о находящихся на немъ нещастныхъ людяхъ.

Вдругъ сыскивается между сими жителями одинъ великодушной мужъ, которой собственную жизнь свою вознамѣрился подвергнуть опасности, чтобъ спасти жизнь незнакомыхъ ему людей.

Бусардъ имя его: а состояніе и чинъ?— Не больше какъ убогой лоцманъ!

Сперва хотѣлъ было онъ взять большую трубу и напрягши всѣ силы голоса кричать судну, чтобъ оно отъ сего опаснаго мѣста прочь поворотило; но далекое разстояніе и шумъ стенящаго моря дѣлали сіе намѣреніе его тщетнымъ.

И такъ, не видя инаго способа, вырывается онъ изъ рукъ удерживающихъ его родственниковъ, садится на маленькую лодочку, и не взирая на великое волненіе пускается въ море.

Но едва успѣлъ онъ нѣсколько саженъ отдалиться отъ берегу, какъ нашедшій внезапу страшный валъ лодку его опрокинулъ, и онъ поглощенъ былъ водою.

Однако къ великому щастію его слѣдовавшій позади столь же грозный валъ въ

одно мгновеніе она выбросилъ его паки на берегъ.

Сіе неудачное и опасное покушеніе ни мало не погасило въ немъ искръ жалости и человѣколюбія: устремивъ всѣ свои мысли къ спасенію нещастныхъ, и только того опасаясь, чтобъ судно ихъ не разбилось о каменіе и чрезъ то не сдѣлало помощь его позднюю, ниже хотѣлъ онъ столько промѣшкать, чтобъ перемѣнить мокрое платье свое, но тотчасъ бросился искать другую лодку, и сѣвъ въ нее пустился вторично въ море.

Сидя на толь маленькой лодочкѣ борется съ вѣтромъ и волнами, употребляетъ все свое искуство къ защищенію себя отъ нападающей на него смерти, не столько собственной погибели своей страшась, сколько помня то, что въ его спасеніи заключается спасеніе и тѣхъ нещастныхъ.

Наконецъ присталъ онъ благополучно къ сему въ то самое время, когда оно отъ скрытыхъ подъ водою пагубныхъ камней уже не болѣе какъ на нѣсколько саженъ находилось.

Кто можетъ изобразить радость сихъ бѣдныхъ мореплавателей, когда они сего мужа, какъ бы съ небесъ для избавленія ихъ низпосланнаго, увидѣли?

Кто можетъ описать благодарность

ихъ, когда они узнавъ о причинѣ опаснаго пріѣзда его къ нимъ, изъ отчаянія пришли въ надежду?

Они хотѣли всѣ упасть къ его ногамъ, но Бусардъ говорилъ имъ: друзья мои! прежде станемъ править судномъ; я буду поворачивать имъ куда надобно, а вы между тѣмъ управляйтесь съ парусами, и когда войдемъ благополучно въ гавань, тогда предадимся нашей радости.

Онъ не удовольствовался тѣмъ, что спасъ ихъ жизнь и судно ввелъ въ гавань, но изнемогшихъ отъ многихъ трудовъ и голода позвалъ къ себѣ въ теплую избу, и тамъ къ насыщенію ихъ представилъ все, что имѣлъ у себя лучшаго, и что могъ достать у своихъ сосѣдей.

Тогда сей великодушной избавитель посреди спасенныхъ имъ людей, радостными слезами ему благодарность свою изъявляющихъ, вкушалъ небесное удовольствіе.

3. Безъименной.

Въ Италіи находится городъ по имени Верона, а чрезъ него протекаетъ рѣка называемая Эчь. Сія Эчь въ прошлую зиму замерзла.

Внезапно сдѣлалась теплая погода, ледъ вдругъ распустился, и рѣка разлилась широко.

Несомыя быстриною льдины разорвали

мостъ съ обоихъ концовъ; одна средняя часть онаго нѣсколько еще держалась. На ней стоялъ маленькой домикъ, въ которомъ жилъ таможенной приставъ со всею своею семьею.

Вопль сихъ нещастныхъ, молящихъ о помощи, привлекъ великую толпу зрителей; но изъ оныхъ не выискался ни одинъ, которой бы отважился подать имъ помощь.

Между тѣмъ сія остальная часть моста отчасу больше разламывалась; и каждую минуту ожидали совершеннаго ея паденія.

Внезапно явился между толпою сожалѣющихъ зрителей одинъ Графъ, (Сполверини было его имя) которой держалъ къ верьху мѣшокъ съ деньгами, обѣщая отдать оныя тому, кто спасетъ нещастнаго пристава и его семью.

Однакожъ ни кто не сыскался; ибо опасность жизни, въ какую надлежало вдаться, казалась каждому велика и ужасна.

Напослѣдокъ продрался сквозь толпу одинъ бѣдной земледѣлецъ, о которомъ никто не думалъ, чтобъ онъ былъ такъ великодушенъ.

Сей бросился въ лодку и сталъ грести къ колебающемуся уже остатку моста, не смотря ни на силу льда ни на свирѣпство рѣки.

Объятая смертнымъ страхомъ семья

приставова спустилась кое какъ въ его лодку; и онъ выплылъ съ ними благополучно.

Едва вышли они на берегъ, какъ отрывокъ моста и съ маленькимъ ихъ домикомъ обрушился въ рѣку: воздухъ наполненъ былъ веселымъ восклицаніемъ зрителей.

Тогда подошелъ къ нему Графъ съ обѣщанною избавителю наградою .... Но кто бы не удивился, увидя сего бѣднаго земледѣльца, отступившаго назадъ и не хотѣвшаго принять мѣшка!

За деньги, говорилъ онъ, не отважилъ бы я своей жизни. Вотъ нещастная семья, которая теперь всего своего имѣнія лишилась: отдайте ей, что мнѣ назначено было.

Сказавъ сіи слова поворотился онъ и скрылся въ множествѣ народа.

Имя его между людьми не извѣстно; но оно вписано на небесахъ въ книгу вѣчности.

НАУКИ.

Любезные дѣти! молодость и свойственная лѣтамъ вашимъ склонность къ веселію и гульбѣ не позволяютъ вамъ иногда разсуждать здраво о пользѣ ученія.

Часто забавы обманчивою пріятностію своею такъ васъ къ себѣ привлекаютъ, что вы только объ нихъ и думаете, не помышляя ни мало о нужныхъ упражненіяхъ и трудахъ.

Но послушайте! видалиль вы когда весною розу подлѣ куста? прекрасная роза обращаетъ на себя ваши взоры, вы на нее любуетесь, и кустъ съ голыми прутьями своими кажется вамъ ничто предъ нею: вы рады выдернуть его изъ земли и бросить, лишь бы никто не трогалъ нашу розу. Дѣти, вы обманываетесь! чрезъ нѣсколько дней роза увянетъ и превратится въ непригожую завялую травку, а между тѣмъ кустъ раскинется, одѣнется зелеными листками, покроется бѣлыми цвѣточками и премножество будетъ на немъ висѣть сладкой малины.

Точно также обманетесь вы, ежели всю юность проведете въ однѣхъ забавахъ: чрезъ нѣсколько лѣтъ забавы ваши перестанутъ васъ утѣшать, и ежели вы въ юности своей пренебрегли чрезъ полезныя упражненія и труды обогатить умъ свой знаніями, возвышающими душу, приносящими честь и славу, то роза ваша исчезнетъ, а малины вамъ не видать.

И такъ будьте благоразумны, любезные дѣти, веселитесь, играйте, но посреди игры и забавъ своихъ помните о наукахъ, которыя нѣкогда принесутъ вамъ великое утѣшеніе. Послушайте что говоритъ о нихъ сладкорѣчивый нашъ писатель Ломоносовъ:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щасшливой жизни украшаютъ,
Въ нещасшной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ непомѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

НЕВИННОСТЬ.

Васинька читалъ отцу своему книжку; и между прочимъ попалось ему слово *невинность*, при которомъ онъ остановился и сказалъ: не знаю для чего, батюшка, только я отмѣнно это слово люблю, и хотя кажется довольно его понимаю, однакожъ можетъ быть заключаетъ оно въ себѣ нѣчто больше нежели я себѣ представляю, и для того желалъ бы я знать точное его знаменованіе.

Я очень радъ, мой другъ, отвѣчалъ отецъ, что слово это тебѣ нравится; оно дѣйствительно изображаетъ многія добродѣтели: невинность значитъ незлобіе, тихость нрава, добросердечіе. Но чтобъ лучше дать тебѣ почувствовать разумъ и силу этова

слова, что я подарю тебѣ стишки: вотъ они! на прочитай ихъ. Стишки сіи были слѣдующаго содержанія:

Невинность зависти не знаетъ,
Охотно хвалитъ, но не льститъ;
Невинность въ спорѣ уступаетъ,
Обидъ не дѣлаетъ, не мститъ,
Довольна завсегда собою,
Не платитъ за вражду враждою,
Не трубитъ вѣкъ себѣ похвалъ;
Невинность совѣсти послушна,
Трудолюбива, добродушна:
Прещастливъ ею старъ и малъ.

БОГЪ.

Безначальный, присносущный, безконечный, благій, праведный, всемогущій, Богъ и Господь нашъ есть: люди молитесь ему! сотворшаго небо и землю силы небесныя пойте! первобытному, несозданному, единому, имъ же вся бысть, источнику милосердія, глубинѣ премудрости, жизни и свѣта подателю—тому, твари покланяйтесь! ты, его великій, пространный, прекрасный, предивительный, міръ, со всѣми твоими огненными шарами—тебя не было! онъ повелѣлъ: и ты сталъ!—духомъ устъ его соз-

данный сталъ быть, и се нынѣ существуетъ, великолѣпный, огромный, пышный, безпредѣльный!—твари, предъ создавшимъ его падите ницъ! сто тысячъ пламенныхъ небесныхъ тѣлъ, возсіявшія предъ нимъ, текутъ каждое предписаннымъ ему путемъ! сто тысячъ земныхъ шаровъ, волю его исполняющіе, шествуютъ вращаясь на своихъ осяхъ! сто тысячъ безплотныхъ ангеловъ и херувимовъ стоятъ въ кругъ его престола!—скудный разумъ нашъ не умѣетъ иначе его уподобить, какъ царю царей сѣдящему на престолѣ, но онъ не царь! не князь! онъ существо превыше всѣхъ существъ! онъ Богъ, вездѣсый, вся исполняяй! престолъ его вселенная? подножіе ногъ его небеса!—твари, молитесь ему! Кто былъ свидѣтелемъ дѣлъ его? кому повелѣлъ онъ притти и видѣть—видѣть, какъ онъ все сіе сотворилъ? Кто бездну премудрости его проникъ? кто знаетъ, како повинуется ему океянъ, повинуется толико, что изъ безчисленной глубины водъ его ни единая капля не смѣетъ выступить изъ предписаннаго ей предѣла? кто знаетъ, како ни къ чему не присоединенная и высоко въ горнемъ воздухѣ плавающая луна, ни упасть, ни отъ пути своего уклониться не дерзаетъ? Ахъ! ни кто, ни кто не можетъ того сказать, какъ онъ все сіе сдѣлалъ!—твари, покланяйтесь ему!

отъ тебя, о ты малый шарикъ, съ котораго мы сто тысячъ миліоновъ шаровъ свѣтящихся тамо видимъ, до тебя, о ты великій солнечный шаръ, и отъ тебя до Сиріуса, въ миліонъ разъ еще и тебя большаго, хотя бѣдному червю земному единою токмо точкою кажущагося! — отъ тебя о ты малѣйшая мошка, до тебя, живая гора, слонъ, и отъ всѣхъ васъ до того, который есть существо всѣхъ существъ, Богъ! — о колико степеней! о коликое неудобьизмѣримое пространство! — а тамо, во всѣхъ сихъ миліонахъ, тамо, во всемъ дышущемъ и не дышущемъ теряется мой умъ! О единственный, всяческая всѣхъ, Богъ и Господь нашъ! твари молитесь ему!

НЕЧАЯННОЕ СВИДАНІЕ.

Англинской купецъ, по прозванію Эдмундъ, отправился въ Тунисъ.

Съ нимъ поѣхалъ одинъ юноша, лѣтъ около четырнатцати, котораго взялъ онъ къ себѣ вмѣсто сына. Имя ему было Карлъ, а прозвище его не извѣстно.

Этотъ юноша любилъ учиться.

Для того часто хаживалъ онъ вездѣ, и осматривалъ все, что ему въ чужой землѣ примѣчанія достойнымъ казалось.

И какъ онъ умѣлъ уже рисовать, то ходилъ иногда за городъ, чтобъ снимать виды и положенія прекрасныхъ сторонъ.

Между тѣмъ усыновившій его купецъ надсматривалъ за всѣми его дѣлами.

Однажды, идучи сквозь пріятный лѣсокъ неподалеку отъ моря лежащій, увидѣлъ онъ стараго человѣка, сидящаго печально близъ источника.

Одежда его показывала, что онъ одинъ изъ сихъ нещастныхъ людей, которые въ семъ мѣстѣ, подобно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, носятъ на себѣ имена невольниковъ и съ ними какъ съ безсловесными тварями поступаютъ.

Подлѣ него лежалъ давно уже завялый вѣнокъ, которой онъ отъ времени до времени бралъ въ руки, печально на него смотрѣлъ и проливалъ слезы.

Любопытство и сожалѣніе понудили юнаго Англичанина къ нему приближиться.

Онъ началъ дружелюбно съ нимъ разговаривать, сѣлъ подлѣ него, и спрашивалъ о причинѣ его печали.

Старикъ воздохнулъ, посмотрѣлъ на юнаго чужестранца горестными очами и сказалъ:

Не принуждай меня, о юноша, разсказывать тебѣ о моихъ приключеніяхъ: естьли ты жалостливъ и можешь сочувство-

вать мои нещастія, что я повѣствованіемъ оныхъ возмущу твое спокойствіе.

Юноша, котораго жалость и любопытство симъ паче умножились, пожалъ у него руку, и просилъ неотступно расказать ему о своихъ нещастіяхъ.

Старикъ началъ:

Знай же, добросердечный юноша, что сей холмъ подлѣ котораго мы сидимъ, сокрываетъ въ себѣ тѣло одной изъ добродѣтельнѣйшихъ, изъ вѣрнѣйшихъ женъ, которую нѣкогда я называлъ моею.

Она отважилась ѣхать со мною за море, потому что не могла безъ меня жить.

Жестокая буря принесла насъ къ Африканскимъ берегамъ, гдѣ напали на насъ морскіе разбойники и взяли всѣхъ въ плѣнъ.

Богъ уменьшилъ наше нещастіе тѣмъ, что мы не были разлучены: ибо я съ добродѣтельною моею женою и купно съ груднымъ еще нашимъ младенцомъ, проданы были одному господину.

Возложили на насъ тяжкіе труды, и часто безчеловѣчнымъ образомъ съ нами поступали.

Но мы судьбу свою сносили терпѣливо: любовь въ страданіяхъ нашихъ подавала намъ отраду и утѣшеніе.

Такимъ образомъ жили мы два года, какъ вдругъ угодно стало Богу.....

Тутъ залился старикъ горькими слезами, и рѣчь его въ устахъ пресѣклась.

Что мнѣ тебѣ сказать, о юноша? продолжалъ онъ напослѣдокъ.

Ты видишь холмъ сей, и онъ тебѣ все сказываетъ! въ немъ лежитъ погребено все щастіе и спокойствіе моей жизни!

Нѣчто у меня еще оставалось, которое печальную душу мою прилѣпляло къ свѣту.

То былъ дражайшій залогъ любви нашей, маленькой сынъ мой, отрада и утѣшеніе старости моей, котораго лишился я нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Когда бывало садился я подлѣ сего священнаго для меня холма, дабы пролитіемъ слезъ горестное сердце мое облегчить, тогда невинное сіе дитя лежало спокойно на моихъ колѣняхъ, и обнимая меня ручонками, просило чтобъ я не плакалъ; тогда въ лицѣ его распознавалъ я черты дражайшей его матери, и прижимая его съ горячностію къ моей груди, думалъ въ немъ лобызать образъ возлюбленной моей супруги. О! тогда во умиленіи чувствъ моихъ, горестную сію и купно для меня сладчайшую минуту, не промѣнялъ бы я на обладаніе цѣлаго свѣта!

Однажды какъ я, по обыкновенію моему, въ такоежъ какъ теперь полуденное время, въ которое мнѣ позволяютъ нѣсколько от-

дыхать, сидѣлъ здѣсь и горести моей предавался, любезной малютка мой бѣгалъ и рвалъ цвѣтки, чтобъ сплести вѣнокъ, которой хотѣлось ему повѣсить надъ гробомъ своей матери.

Въ намѣреніи нарвать побольше цвѣтковъ, оставилъ онъ у меня вѣнокъ свой почти уже готовый, и побѣжалъ къ берегу.

Внезапный крикъ, въ которомъ слышился мнѣ голосъ его, возбудилъ меня отъ задумчивости.

Я бросился тотчасъ къ берегу, и — о Боже! увидѣлъ любезнаго сына моего въ рукахъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ, отвалившихъ уже отъ берега и распустившихъ парусы свои!

Тщетно призывалъ я на помощь небо и землю, Бога и человѣковъ; тщетно трепещущія руки мои простиралъ къ немилосердымъ хищникамъ, прося ихъ, чтобъ они по крайней мѣрѣ взяли и меня съ собою!

Они были уже такъ далеко, что не могли слышать моего вопля: и сынъ мой, нещастный сынъ......

Онъ здѣсь въ твоихъ объятіяхъ!—Вскричалъ молодой Англичанинъ, бросясь въ безмѣрномъ восторгѣ къ старику на шею.

Долгое время охватясь руками пребыли они безмолвны, доколѣ наконецъ сильное

движеніе чувствъ изліяніемъ радостныхъ слезъ не укротилось.

Родительское сердце вскорѣ по всѣмъ признакамъ нашло и удостовѣрило щастливаго старика, что онъ не мечтою ослѣпленъ, но подлинно любезнаго сына своего паки обрѣтшагося въ объятіяхъ держитъ.

Когда по укрощеніи первыхъ движеній могли они разговаривать, тогда расказалъ Карлъ, что онъ помнитъ, какъ ходилъ за цвѣтами и какъ увезли его разбойники, но что въ продолженіе времени не могъ онъ упомнить ни имени своего отца, ни той земли, въ которой жилъ съ нимъ во время своего малолѣтства.

Разбойники привезли его тогда въ Америку и продали одному Гишпанцу.

А Гишпанецъ продалъ одному Англинскому купцу, которой вскорѣ полюбилъ его какъ сына, привезъ съ собою въ Англію, и будучи самъ бездѣтенъ, сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія.

И сей-то благодѣтель его вмѣстѣ съ нимъ, какъ мы уже видѣли, по нѣкоторымъ торговымъ дѣламъ пріѣхалъ въ Тунисъ.

Сіе повѣствованіе часто прерываемо было новыми обниманіями и новымъ изъявленіемъ сердечной радости и сына и отца.

Потомъ спѣшилъ обрадованный юноша

сыскать своего благодѣтеля и увѣдомить его о нечаянномъ своемъ щастіи.

Едва старикъ и Эдмундъ успѣли поздороваться, какъ взоры ихъ неподвижно другъ на друга устремились.

Скажи мнѣ, какъ твое прозваніе?—спросилъ купецъ.

Меня называютъ Эдмундъ, сказалъ старикъ, а тебя?—

Меня—твоимъ щастливымъ братомъ! вскричалъ младшій Эдмундъ, и бросился безгласенъ въ объятія удивленному старику.

Молодой Карлъ съ отверстыми устами и уставленными на нихъ глазами стоялъ, подобно окаменѣлому, не говоря ни слова.

Что каждый изъ нихъ въ сіи минуты чувствовалъ, того ни какимъ перомъ описать не можно.

Напослѣдокъ стали разговаривать: и вышло, что младшій Эдмундъ брата своего считалъ мертвымъ, понеже съ самаго отъѣзда его изъ Англіи не было о немъ никакова слуха, и по тому оплакавъ его, взялъ онъ во владѣніе къ себѣ все его въ немаломъ количествѣ состоящее имѣніе.

Также расказывалъ, что молодой Карлъ, когда онъ его купилъ, на природномъ своемъ языкѣ не умѣлъ ничего говорить; и для того не только не могло ему притти въ голову, чтобъ то былъ его племянникъ, но

что онъ не иначе считалъ его, какъ сыномъ какова нибудь Гишпанца.

Послѣ сего младшій Эдмундъ побѣжалъ тотчасъ къ господину своего брата, и понесъ съ собою за него выкупъ.

,,Ты свободенъ, любезнѣйшій братъ! ,,сказалъ онъ возвратившись; и завтра мы ,,поѣдемъ въ Англію.,,

Но къ крайнему сожалѣнію своему услышалъ, что братъ его твердо вознамѣрился остатокъ жизни своей проводить на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ прахъ дражайшей его супруги.

Всѣ уговариванія были тщетны.

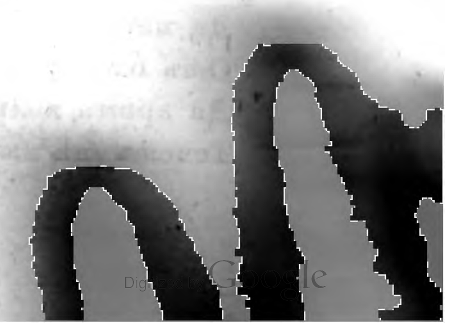
И такъ положено было на семъ мѣстѣ построить маленькой домикъ.

Карлъ пожелалъ остаться съ отцомъ своимъ, чтобъ соблюдать при старости покой его въ семъ домикѣ.

Младшій Эдмундъ поѣхалъ въ Англію и распродавъ тамъ всѣ свои товары, возвратился назадъ, чтобъ также быть при своемъ братѣ, пока жизнь его продолжится.

СОЛНЦЕ.

Ты зрѣлъ ли утра мракъ?
Багряну зрѣлъ ли зорю,
Какъ солнца красный всходъ

Она предвозвѣщала?
Что сердце ощущало?
Что мыслилъ ты тогда,
Какъ зрѣлъ сего свѣтила
Великолѣпный видъ?

Любовію и страхомъ,
Зря Божье чудо въ немъ,
Душа моя наполнись,
Благослови Творца!
Тамъ каждый лучь сіяетъ
Его щедроты полнъ:
О люди! всеблагому
Воспойте Богу пѣснь!

Всемощною десницей
Онъ солнце сотворилъ,
Онъ блещущимъ украсилъ
Чело его вѣнцемъ,
Онъ ризой лучезарной
Одѣлъ его вокругъ,
Отъ той во всю вселенну
Да сыплетъ вѣчно свѣтъ!

Се мракомъ окруженно
Является оно:
Да наши не померкнутъ
Отъ блеску очеса,
Да зримъ колико пышно
Течетъ на высоту,

И все, что было тьмою,
Преобращаетъ въ свѣтъ!

Творя Господню волю,
Что зришъ окрестъ себя,
Во все то жизнь вливаешь
Добротою луча.
Поставленный на тверди
Вселенныя Творцемъ,
Во вѣкъ неистощимый
Источникъ вѣчныхъ благъ!

Смотрите, коль высоко
Стоитъ вознесено!
Кто смертный взявъ рукою
Повергъ его туда?
Который царь уставилъ
Такой ему законъ,
Однимъ да непрестанно
Течетъ всегда путемъ?

Чью волю исполняетъ
Спросите у него!
Въ неизмѣримой безднѣ
Безмолствуя грядетъ,
И славословитъ Бога,
Егоже славы всѣ
Вселенныя предѣлы
Въ себѣ не умѣстятъ!

Когдажъ лице скрываетъ
Отъ насъ оно свое,

Багровый свѣтъ играетъ
Тогда вокругъ его.
Въ величествѣ садится,
Въ другой отходитъ край;
Не зная вѣкъ покоя,
Даетъ намъ всѣмъ покой.

ПТИЧКА И ПТИЦЕЛОВЪ.

Птицеловъ поймалъ птичку; птичка говорила ему: посмотри, какая я маленькая! на что я тебѣ гожусь? пусти меня опять въ лѣсъ; изъ благодарности я тебѣ скажу нѣсколько прекрасныхъ стишковъ.

Изрядно! сказалъ птицеловъ, посмотримъ, какимъ стишкамъ можетъ научить меня чижикъ.

Птичка обрадовалась и сказала птицелову: вотъ мои стишки:

,,Разумной можетъ заблуждаться,
,,Равно какъ человѣкъ простой;
,,Однако же спѣшитъ хвататься
,,Онъ паки за разсудокъ свой,
,,И тѣмъ себя во вѣкъ не станетъ мучить злобно,
,,Чему сбыться не удобно.

Хороши стишки! сказалъ птицеловъ, каждой робенокъ это знаетъ. — Но добро! быть такъ, я тебя пущу.

Птичка взлетѣвъ на вѣтку ближняго дерева размышляла: посмотримъ, человѣкъ этотъ, которой стишки мои такъ уничтожаетъ, выдержитъ ли надъ собою опытъ!

О глупинькой! сказала она птицелову, чижикъ тебя обманулъ! знай что внутри меня есть драгоцѣнный камень: двѣ бочки золота стоитъ онъ, а ты меня упустилъ!

Сказавъ сіе птичка улетѣла, а птицеловъ—впалъ въ превеликую печаль.

ШЕРСТОБОЙ АНДРЕЙ.

Андрей, веселый шерстобой,
Доволенъ будучи собой,
Съ великою всегда охотой,
Въ гульбѣ и за работой,
Хотъ хлѣба чуть кусокъ имѣлъ,
Но цѣлый день все пѣсни пѣлъ.
Всякъ стройной звонкости дивился,
Съ какою гласъ его носился;
Мужъ говоритъ женѣ своей:
Чу, слышишь ли поетъ Андрей!
Съ нимъ рядомъ жилъ богачъ спѣсивый,
Изнѣженный, празднолюбивый,
Кой ночью пироватъ охочъ,
Изъ дня частенько дѣлалъ ночь.
Но долгимъ бдѣньемъ изнуренны,

Свои зѣницы утомленны
Едва онъ закрывать начнетъ,
Какъ вдругъ Андрей нашъ запоетъ!
Чортъ побери твою работу,
И злую горло драть охоту,
О ты проклятой шерстобой!
Ворчитъ богачъ сердяся мой.
Коль сонъ какъ толкъ бы продавался,
Отъ пѣсенъ ябъ не просыпался.
Проходятъ утро и обѣдъ,
Богачъ пѣвца къ себѣ зоветъ,
И говоритъ: Андрей веселый,
Въ трудахъ проводишь ты день цѣлый,
Скажи, какой своимъ ты въ годъ
Достанешь ремесломъ доходъ?
На вашу рѣчь, сударь, я эту
Дать право не могу отвѣту,
Сказалъ Андрей; какъ можно намъ
Щитать доходы по годамъ?
А вотъ: что добылъ ввечеру,
То съѣлъ севодня по утру;
И такъ доходъ мой въ сущемъ дѣлѣ
Семь пообѣдать разъ въ недѣлѣ.—
,,Однакоже безъ всякой лжи
По скольку, право, въ день? скажи.“—
Въ васъ видно любопытство бродитъ.
День на день, сударь, не приходитъ,
А какъ случится, такъ и есть;
Кусокъ мясца всегда мнѣ въ честь;
Вотъ праздники меня съѣдаютъ,

А особливо какъ бываютъ
Дни по два или по три въ рядъ,
Ну тутъ ужъ я и хлѣбцу радъ!
Богачъ для своего покоя
Узнавши то отъ шерстобоя,
Что онъ хотя большой пѣвецъ,
Но очень голый молодецъ,
Пошелъ какъ будто для прогулки,
И вынялъ изъ своей шкатулки
Сотъ съ пять серебряныхъ рублей,
Принесъ и говоритъ: Андрей!
Возми ты эту денегъ груду,
Но долженъ ты мнѣ слово дать,
Во вѣки пѣсенъ не орать,
Доколь я жить на свѣтѣ буду.
Пѣвецъ то слыша задрожалъ,
Ему казалось то мечтою:
Онъ столько денегъ предъ собою
Ниже во снѣ когда видалъ.
Отъ радости въ немъ сердце таетъ;
Онъ съ деньгами мѣшокъ хватаетъ,
Отвѣся богачу поклонъ,
Давъ клятву соблюдать законъ,
Что впредь ужѐ не токмо громко,
Ушамъ богатаго грубя,
Пѣть пѣсни онъ, ниже тихонько
Мурлычать будетъ про себя.
Съ мѣшкомъ веселый шерстобой
Въ восторгѣ побѣжалъ домой;
Прещастливымъ себя считаетъ,

Не можетъ щошу деньгамъ дашь,
Все съ нова хочется считашь;
Мѣшокъ цалуетъ, обнимаетъ;
Не можетъ досыть наглядѣться,
Не вѣдаетъ куда съ нимъ дѣться,
Въ коробку прячетъ, въ сундучокъ,
Боится что собьютъ замокъ,
Несетъ ихъ въ новые затворы,
Но мнитъ: и тамъ украдутъ воры.
Всю въ страхѣ ночь безъ сна лежитъ;
Собака чуть пошевелится,
Иль кошка мимо пробѣжитъ,
Онъ вскочетъ и ему ужъ мнится,
Что нѣтъ сокровища его;
Вдругъ вора бить спѣшитъ къ полѣну,
Но часто бьется лбомъ объ стѣну,
Въ потьмахъ не видя ничего.
Впослѣдокъ онъ примѣтилъ *ясно*,
Что льстился щастіемъ напрасно,
Что щастіе не въ барышахъ,
Но въ кроткихъ царствуетъ душахъ,
Что выгоды его суть плохи:
Онъ пѣсни промѣнялъ на вздохи,
И что лишась веселыхъ дней
Онъ нынѣ скучный сталъ Андрей.
Однакожъ вскорѣ онъ очнулся.
Въ немъ прежній духъ воспрепенулся,
Бѣжитъ проворно къ богачу
И говоритъ: нѣтъ, не хочу,
Для всѣхъ сокровищей я болѣ,

Въ шакой жестокой быть неволѣ,
Чтобъ вмѣсто пѣть и ухъ и ахъ,
Стоять у денегъ на часахъ!
Не прочны ваши мнѣ совѣты.
Извольте взять свои монеты
Обратно, баринъ, отъ меня;
Боюсь я снова огня;
Онъ все спокойствіе снѣдаетъ,
Желаньи вѣчны въ насъ рождаетъ.
Пускай завидуетъ вамъ всякъ,
Я вашимъ щастьемъ не плѣняюсь,
На вашу пышну жизнь никакъ
Своею скудной не мѣняюсь,
И быть хочу, любя покой,
Андрей, веселый шерстобой.

ГНѢВЪ.

Тимоша былъ добрый мальчикъ; не проходило дня, чтобъ онъ чему не научился, или бы не поправилъ себя въ своихъ погрѣшностяхъ.

Отъ однаго только порока долго не могъ онъ отстать, и чуть было не довелъ себя чрезъ то до страшнаго раскаянія.

А именно: онъ былъ очень вспыльчивъ, и тотчасъ осердится, коли кто изъ товарищей нечаянно ему досадитъ.

Начнетъ толкаться, весь покраснѣетъ,

насилу можешъ говоришь, и словомъ появяшся въ немъ всѣ знаки бѣснующагося и разумомъ своимъ не владѣющаго человѣка. Учишели сколько ни сшарались, не могли его воздержашь ошъ сего порока.

Случилось однажды, что одинъ изъ его шоварищей показывалъ ему нѣчшо шакое, что онъ самъ у своего учишеля перенялъ.

Тимошино любопытсшво шакъ было велико, что онъ все свое вниманіе обрашилъ на шо, чтобъ слушашь.

Къ нещасшію прибѣжалъ маленькой Ѳедюша и дернулъ его раза два за полу, зовя играшь съ собою въ садъ.

Тимоша вдругъ осердился, шолкнулъ его ошъ себя, и шакъ крѣпко, что бѣдной Ѳединька не усшоялъ на ногахъ и шреснулся головою о камень.

Онъ расшянулся шушъ на мѣсшѣ безъ чувсшвъ—И какъ у камня былъ осшрой уголъ, о кошорой онъ ударился, шо кровь изъ головы у него пошекла ручьями.

О Боже! какая минуша для нещасшнаго Тимоши, кошорой любилъ Ѳединьку и ошнюдь не былъ въ намѣреніи сдѣлашь ему какое либо зло!

Онъ упалъ на него и кричалъ громко:— ахъ умеръ! умеръ! — я убилъ Ѳединьку! — и вмѣсшо чтобъ помышляшь о способѣ помочь ему, онъ лежалъ подлѣ него и рыдалъ.

По щастію одинъ изъ учителей сидя подлѣ окошка услышалъ этотъ крикъ.

Онъ тотчасъ выбѣжалъ, взялъ не говоря ни слова маленькаго Ѳедюшу, отнесъ его на постелю, и прыснувъ на него холодною водою, привелъ его чрезъ нѣсколько минутъ въ чувство.

Тимошу нѣсколько сіе утѣшило, однакожъ онъ былъ въ чрезвычайномъ страхѣ о его жизни.

Рану освидѣтельствовали и нашли, что она была не смертельна.

Позвали лѣкаря, которой ее перевязалъ. Къ Ѳедюшѣ пристала горячка: онъ началъ бредить.

Тимоша день и ночь безотлучно сидѣлъ у его постели, какъ на смерть осужденный, безмолвенъ и въ крайнемъ уныніи. Никто не говорилъ съ нимъ ни слова! ибо никто утѣшить его не могъ, а упрекать ему въ семъ случаѣ было бы жестокосердо.

Лишь Ѳединька часто ему въ бреду кричалъ: — „Любезной Тимоша! — что я тебѣ „сдѣлалъ, что ты меня такъ больно убилъ? — „Виноватъ! виноватъ! впредь я тебя ни „чѣмъ не огорчу!“

Сіи слова до того умножили Тимошину горесть, что онъ былъ въ жалчайшемъ состояніи нежели самъ больной.

Напослѣдокъ далъ Богъ, что горячка

прошла, рана стала заживать, и чрезъ нѣсколько дней Ѳедюша могъ уже сидѣть на постелѣ.

Кто можетъ изобразить радость Тимошину? Тотъ развѣ, кто бы могъ чувствовать страхъ его во время опасности Ѳедюшиной.

Радость его была несказанна, однакожъ смѣшена съ такимъ раскаяніемъ и съ такимъ твердымъ намѣреніемъ впредь отъ сего порока воздержаться, что она была въ немъ почти не примѣтна.

Когда Ѳединька совершенно выздоровѣлъ, тогда Тимоша сталъ по прежнему веселъ; онъ сдержалъ данное себѣ слово, и ужъ товарищи его никогда не имѣли причины жаловаться на его вспыльчивость.

Онъ былъ щастливъ, что заплатилъ въ семъ случаѣ недорого за избавленіе себя отъ толь опаснаго порока: ибо у Ѳединьки рана зажила, и только остался маленькой рубчикъ на вискѣ, котораго Тимоша не могъ никогда безъ жалости видѣть, и часто цаловалъ его, благодаря провидѣніе.

Выжъ, любезные дѣти, естьли кто изъ васъ подверженъ пороку гнѣва, подумайте, не лучше ли заблаговременно себя исправить, чѣмъ приключить самому себѣ или другому смертную опасность?

УТРЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Братцы вставайте! день разсвѣтаетъ,
Солнце высоко входитъ на верьхъ;
Нѣгу оставьте; блескомъ пріятнымъ
Свѣтлый насъ будитъ солнечный лучь.

Пышно, прекрасно, тамъ надъ зеленымъ
Рдѣясь сіяетъ лугомъ оно.
Путь простирая свѣтитъ полъ свѣту,
Сладкой полъ свѣта тѣнью хладитъ.

Свѣтъ и веселье сыплетъ на землю,
Сонъ прерывая жизнью даритъ,
Знойными поле грѣя лучами
Плодъ производитъ красенъ и зрѣлъ

Се, добродѣтель, образъ твой точный!
Естьли и скроетъ облакъ его,
Мрачныя тучи сквозь проницая
Къ намъ низсылаетъ щедрость свою.

Божья премудрость съ тѣмъ сотворила
Солнце и мѣсяцъ, землю и твердь,
Воздухъ и воды, насъ человѣковъ,
Всяко дыханье, всякую тварь,

Кийждо да будетъ крайнею силой
Свѣту полезно въ званьи своемъ.
Мыжъ человѣки Богу подобны,
Намъ ли пристойно свѣтъ тяготить?

Правда, мы малы, ахъ, неспособны
Дѣлать большія въ мірѣ дѣла!
Даромъ! мы можемъ многимъ ученьемъ
Умъ приготовить къ важнымъ дѣламъ.

Эй посмотрите! солнце высоко:
Вся веселится здѣшня страна,
Часъ возвращенья всякъ поздравляя
Гласомъ усерднымъ славитъ Творца.

Братцы вставайте! пѣснь благодарну
Вышнему Богу мы принесемъ;
Въ общемъ веселъѣ слышенъ да будетъ
Также и дѣтскій нѣжный нашъ гласъ.

САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ И САМОЕ ЛЕГКОЕ.

Изъ семи разумныхъ Греческихъ мужей, которыхъ семью мудрецами называютъ, одинъ именовался Ѳалесъ. Сего нѣкогда спросили: что всего тяжелѣе, и что всего легче?

Всего тяжелѣе, отвѣчалъ онъ, знать самаго себя и свои пороки: всего легче знать пороки другихъ людей.

Тотъ же Ѳалесъ поклонился однажды встрѣтившемуся съ нимъ человѣку весьма учтиво, но человѣкъ этотъ не откланялся ему и прошелъ гордо мимо его.

Пріятели Ѳалесовы думали, что онъ за

это осердится, и что ему, как мужу знаменитому, должно быть обидно, для чего тот ему не откланялся.'

Но Ѳалесъ говорилъ имъ: развѣ это мнѣ обидно, что я его учтивѣе?

ЕЗОПЪ.

Прохожій усмотря Езопа на пути,
Спросилъ: какъ скоро я могу дойти
Отсель до перваго ночлега?
Поди: сказалъ Езопъ.—
Прохожій повторилъ я знаю самъ конечно,
Что естьли не пойду, такъ тамъ не буду
вѣчно;
Но ты мнѣ объяви, во сколько я часовъ....
Такъ инъ поди! сказалъ опять Езопъ.
Прохожій про себя ворчитъ и разсуждаетъ:
Я толку отъ него какъ видно не добьюсь,
Отъ сумасшедшаго скорѣе отвяжусь;
Зачѣмъ правительство такихъ не запираетъ?
И больше не спросивъ Езопа ни о чемъ,
Поворотясь онъ пошелъ своимъ путемъ.
Гей! гей! вскричалъ Езопъ, чрезъ два часа
иль менѣ.
Ты будешь тамъ, повѣрь;
Прохожій удивясь такой въ немъ перемѣнѣ,
А почемужъ, спросилъ, ты знаешь то теперь?

Я зналъ, сказалъ Езопъ, далеколь до ночлега.
Но скороль ты придешь, шого узнашь не
могъ,
Не видя бѣга
Твоихъ я ногъ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ.

Ученики Сократа приносили иногда къ нему подарки, каждый по своей возможности. Одинъ шолько Эсхинъ былъ изъ нихъ шакъ бѣденъ, что ничего ему принесть не могъ.

Я ничего шакова не имѣю, говорилъ онъ Сокрашу, чѣмъ бы я шебя подаришь могъ, и для шого шолько и сожалѣю о моей бѣдносши. Однакожъ я все шебѣ даю, что имѣю— самого себя. Не отвергай сего малаго подарка, и помни, что другіе хотя много шебѣ дали, но еще больше у себя осшавили.

Сокрашъ отвѣтствовалъ:

Ты не малой мнѣ даешь подарокъ, Эсхинъ, хотя не ставишь себя за велико. Я всѣ силы упошреблю возврашишь шебя самому шебѣ назадъ гораздо въ лучшемъ сосшояніи, нежели въ какомъ шебя получаю.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Ослу лисица говоритъ:
Признаться надлежитъ,
Что конь прекрасная скотина:
Какой предлинной хвостъ!
Какія ноги, грива, поступь, мина!
Какой высокой ростъ!
Смотри, какъ этотъ важно выступаетъ!
Какъ грозенъ и спѣсивъ!
А тотъ, что на лугу играетъ,
Какъ рѣзовъ и красивъ!
Давно позорища не зрѣла я такова.—
Куда же ты оселъ? посмотримъ на часокъ,
,,Чево смотрѣть пустова:
,,Я мастеръ прыгать самъ,
,,И лучшему коню не уступлю ни мало.—
Ты прыгать, ты? такова чуда не бывало.—
„Такъ вѣрь же ты своимъ глазамъ.—
По сихъ словахъ пошла потѣха:
Оселъ сталъ бодро выступать,
И прыгать и скакать:
Лисица чуть не умерла отъ смѣха.

КЪ УВЯДШЕЙ РОЗѢ.

Не давно, нѣжна роза, ты
Гордилась въ пышности собою;

Теперь лишенна красоты
Стоишь блѣдна передо мною.

Тебѣ подобна буду я,
Мнѣ часто батюшка вѣщаетъ,
Минется молодость моя,
Которa нынѣ всѣхъ прельщаетъ.

Коль правилами дѣлъ благихъ
Душа не будетъ украшенна,
Лишася прелестей своихъ
Я буду такъ какъ ты презрѣнна.

СТРАННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Нѣкто богатый и знатный Китаецъ гордился тѣмъ, что носилъ на себѣ платье, усаженное драгоцѣнными каменьями. Старый и худо одѣтый Бонза (такъ называютъ духовныхъ людей въ Китаѣ) ходилъ за нимъ по всѣмъ улицамъ и кланяяся низко благодарилъ его неоднократно за бриліанты.

Другъ мой, сказалъ однажды богатой, не знаю, за что ты меня благодаришь, *я ни* когда тебѣ бриліантовъ моихъ не давалъ.

Это правда, отвѣтствовалъ Бонза; но вы всегда подаете мнѣ случай ихъ видѣть а другова изъ нихъ употребленія и сами вы

сдѣлать не можете. И такъ нѣтъ между нами иной разности, кромѣ что вы имѣете трудъ носить ихъ и беречь а я никакова о нихъ попеченія не имѣя, стольножъ какъ вы ими наслаждаюсь.

РОСА НА РОЗОВОМЪ ЛИСТКѢ.

Взгляни на эту перлу,
Какъ въ солнечныхъ лучахъ
Она блистаетъ свѣтло
На розовомъ листкѣ!

Вчера во время грому
Я видѣлъ сей цвѣтокъ;
Въ него ревѣла буря
И сильной дожжикъ лилъ:

Казалось разлетятся
Всѣ врознь его листки;
Но буря миновала,
Умолкъ и вѣтръ и громъ.

Се въ солнечномъ сіяньи
Румянецъ умножая,
По прежнему гордится
Листочками она.

Невинности есть образъ
Сей розовой цвѣтокъ.

Не рѣдко въ жизни бури
Намъ пагубой грозятъ.

Въ бѣдахъ не будь отчаянъ,
И въ щастьи не взносись:
Ихъ случаи приносятъ
И случаи берутъ.

Но добродѣтель твердо
Храни всегда въ груди;
Она узда во щастьи
Она въ нещастьи щитъ.

ДѢЯНІЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Весьма ошибаются, ежели думаютъ, что одни знатные люди удобны дѣлать и мыслить благо. Часто въ покрытой соломою хижинѣ больше скрывается добродѣтели, нежели въ огромныхъ палатахъ! послушайте, что недавно сдѣлалъ одинъ мужичокъ, живущій въ окружности города Цириха.

Онъ трудами своими и бережливостію собралъ себѣ небольшое имѣньице. Предъ недавнымъ временемъ почувствовавъ слабость здоровья захотѣлъ онъ распорядить свои вещи.

Такимъ образомъ роясь нѣкогда въ старыхъ бумагахъ нашелъ онъ давно уже заплаченной щотъ одного плотника, которой

ему изъ своего лѣсу строилъ домъ и со всѣми нужными къ тому пристройками.

При первомъ взглядѣ показалось ему, что сумма подведенная въ семъ щетѣ мала въ разсужденіи верхнихъ числъ; и такъ начавши повѣрять нашелъ онъ, что плотникъ ошибся въ сложеніи, и взялъ съ него пятьюдесятью талерами меньше, нежелибъ надлежало.

,,Ахъ, Боже мой! говорилъ онъ самъ себѣ, какую ошибку одѣлалъ этотъ доброй человѣкъ! Какъ мнѣ жаль, что я по незнанію моему такъ много ему не доплатилъ, и сію ошибку теперь лишь, спустя тритцать лѣтъ послѣ его смерти, примѣчаю!

Однокожъ я могу ее поправить: послѣ него живутъ дѣти и внучата, имъ деньги сіи должны быть отданы.“

Сказалъ и сдѣлалъ. Не могши самъ выходить изъ дому просилъ онъ одного изъ своихъ пріятелей, чтобъ тотъ сіе число денегъ доставилъ плотниковымъ наслѣдникамъ. Сей самый пріятель его насъ о семъ увѣдомилъ: а честной этотъ мужичокъ самъ ни кому о томъ не сказываетъ.

Дѣти! разсуждая по надлежащему, дѣло сіе можетъ назваться просто *справедливостію*, а не *благодѣяніемъ* и не *великодушіемъ*. Но естьли бы всякой человѣкъ былъ

только такъ справедливъ, какъ бы хорошо было жить въ обществѣ съ людьми!

ПѢСНЯ

юнаго мореплавателя по утишеніи бури.

Море гладко и сіяетъ
Фебовъ ясный лучь въ сей часъ,
Рыба рѣзвая играетъ
Цѣлымъ стадомъ вокругъ насъ.

Всѣ спокойны, всѣ смѣются;
Весело, какъ дома, намъ,
И далеко раздаются
Наши пѣсни по водамъ.

Буря страшная ревѣла,
Нѣсколько тому часовъ;
Бездна поглотить хотѣла
Насъ трепещущихъ пловцовъ.

Вѣтеръ вылъ, стонало море,
Всюду тьма была и мракъ,
Душу всю снѣдало горе,
Молнія слѣпила зракъ.

Разсыпаяся надъ нами
Ударялъ сердито громъ:

На колѣни со слезами
Всѣ мы пали предъ Творцомъ.

Наши прозьбы досязаютъ
До жилищъ, гдѣ вѣчный день:
Вѣтръ и буря умолкаютъ,
Исчезаетъ ночь и тѣнь.

Милость Божья несказанна:
Звѣздъ число не мѣра ей,
Ни же неба твердь пространна;
Ни же глубина морей.

Радуйся корабль стремяся,
Воду на двое дѣля:
Скоро съ мачты веселяся
Закричитъ матрозъ: земля!

СМѢШНОЙ ЛОВЪ ОБЕЗЬЯНЪ.

При рѣкѣ Ореноко въ Америкѣ употребляютъ странной способъ ловить обезьянъ. Вотъ описаніе онаго:

Обезьяны находятъ нѣкоторой особливой вкусъ въ Индѣйскомъ пшенѣ, называемомъ маисъ.

Положатъ сего пшена нѣсколько въ сосудъ, къ которому придѣлана узкая трубочка, такъ чтобъ обезьяна могла только про-

сунуть лапу. Сосудъ этоть ставять подъ дерево, на которомъ увидять сидящую обезьяну, и пойдуть оттуда прочь.

Обезьяна какъ скоро сіе примѣтитъ, тотчасъ сойдетъ съ дерева, просунетъ лапу сквозь трубочку, и захватитъ цѣлую горсть пшена въ сосудѣ.

Послѣ сего она выдернуть уже не можетъ, а пшена не хочетъ выпустить чего бы ей то ни стоило.

Такимъ образомъ начинаетъ изо всей силы кричать, словно какъ бы она была въ превеликой бѣдѣ, хотя совершенно въ ея волѣ состоитъ освободиться.

Жадность ея такъ велика, что она лучше умретъ, нежели выпуститъ изъ лапы пшено.

Охотники увѣряютъ, что имъ не случилось еще ни одной такой обезьяны видѣть, которая бы выбросила пшеницу изъ лапы и ушла.

Сія чудная глупость обезьянъ подала причину къ выдумкѣ слѣдующаго разговора:

ОБЕЗЬЯНА И НЕВОЛЬНИКЪ.

Невольникъ.

Меня дожидаешься? о безумная!

Обезьяна.

Чево ты хочешь?

Невольникъ

Хочу тебя убить.

Обезьяна.

Меня убить? за горсточку пшеницы? и! братъ человѣкъ, какой ты скупецъ!

Невольникъ.

Я не для себя это дѣлаю, исполняю волю господина моего.

Обезьяна.

По этому господинъ твой самой лютой звѣрь, а ты невольникъ его, самая подлая тварь.

Невольникъ.

Вотъ я тебѣ дамъ лаяться!—

Обезьяна.

Увы! что дѣлать? мое нещастіе велитъ мнѣ умереть. Но ты признайся по крайней мѣрѣ, что стыдно быть невольникомъ, и исполнять по принужденію волю другаго; я хотя обезьяна, однакожъ я свободна.

Невольникъ.

Добро ужъ, быть такъ: на этотъ разъ я тебя пощажу. Ступай убирайся куда хочешь.

Обезьяна.

Ахъ! ты видишь, что я этова сдѣлать не могу.

Невольникъ.

Розожми лапу!

Обезьяна.

Не льзя:, пшеница высыплится!

Невольникъ.

О! шакъ и между звѣрями есть невольники! надо мною господствуетъ бѣлой человѣкъ, а надъ шобою горсточка пшена. Умри невольница! я долженъ волю господина своего исполнять шакже, какъ шы своего исполняешь.

НАГРАЖДЕННОЕ СОСТРАДАНІЕ.

Маленькая Аннушка была очень жалостлива и сострадательна къ людямъ и скотамъ. Лишь увидитъ нещастнаго, то и спѣшитъ ему помочь, чѣмъ только можетъ.

Однажды ѣхала она домой, и подъѣзжая къ мосту, увидѣла множество ребятишекъ, которые навязавъ бѣдной собакѣ пѣтлю на шею, тащили ее утопить въ рѣкѣ. Собака эта вся была въ грязи и собою очень дурна.

Постой! закричала Аннушка кучеру, и кучеръ остановился.

Тутъ она спросила у ребятишекъ, не хотятъ ли они продать собаку?—Пожалуй купи отвѣчали они. Она дала имъ серебряной рубль, велѣла собаку вымыть и посадила ее съ собой въ коляску.

Нянюшки ея находили, что собака очень дурна, и совѣтовали ей выбросить ее назадъ, однако Аннушка сказала имъ: я не смотрю на то, худа ли она, хороша ли; она бѣдниньская въ жалкомъ состояніи, и это побуждаетъ меня взять ее подъ мое попеченіе. Я помню, гдѣ то въ Священномъ Писаніи сказано: *блаженъ иже и скоты милуетъ*.

Дома всѣ смѣялись надъ ея *постельною* собачкою, называя такъ ее въ насмѣшку; но Аннушка на то не смотрѣла. Она всякой день сама ее кормила, и собака такъ привыкла къ ней, что ни на минуту не отходила отъ нее прочь.

Однажды когда Аннушка въ вечеру легла спать, и заснула уже, собака вскочила вдругъ на постелю къ ней, схватила ее зубами за рукавъ, трясла головою и выла такъ громко, что Аннушка проснулась. Она испугалась, и какъ собака не переставала ворчать и лаять, и все смотрѣла подъ кровать, то напослѣдокъ она принуждена была встать и кликнуть людей.

Люди прибѣжали и нашли подъ кроватью—ково бы вы думали?—вора, которой повинился, что онъ хотѣлъ Аннушку убить и обокрасть.

И такъ спасеніемъ своимъ обязана была она состраданію, какое имѣла нѣкогда къ бѣдной собакѣ.

УГОРЬ И ЗМѢЯ.

Главу имѣя гордо вознесенну,
Вѣщала угрю такъ змѣя:
Взглянико угрь, не чудналь красота моя?
Видалъ ли кожу ты толико испещренну?
Твоя хотя гладка,
Однако отъ моей гораздо далека,
Моя прекрасна и гладка,
Сосѣдка, отвѣчалъ ей угрь, конечно
Прекрасна ты, я худъ и не пригожъ;
Да отъ чегожъ,
Позволь спросить тебя чистосердечно,
Всѣмъ сносенъ образъ мой,
А ты съ твоею красотой
Страшнѣе всякаго урода,
Гнушается тобой природа,
И пеструю твою кто лишь увидитъ кожу,
Во всю тотъ мочь?
Бѣжитъ скорѣе прочь,
Отворотивши рожу?
То правда, говоритъ змѣя,
Но для чего бѣгутъ, сама не знаю я;
А угорь ей: загадочку такую,

Коль хочешь, я тебѣ, сосѣдка, растолкую:
Прекрасна ты на взглядъ,
Да въ сердцѣ у тебя и жолчь и ядъ.

БУРЯ.

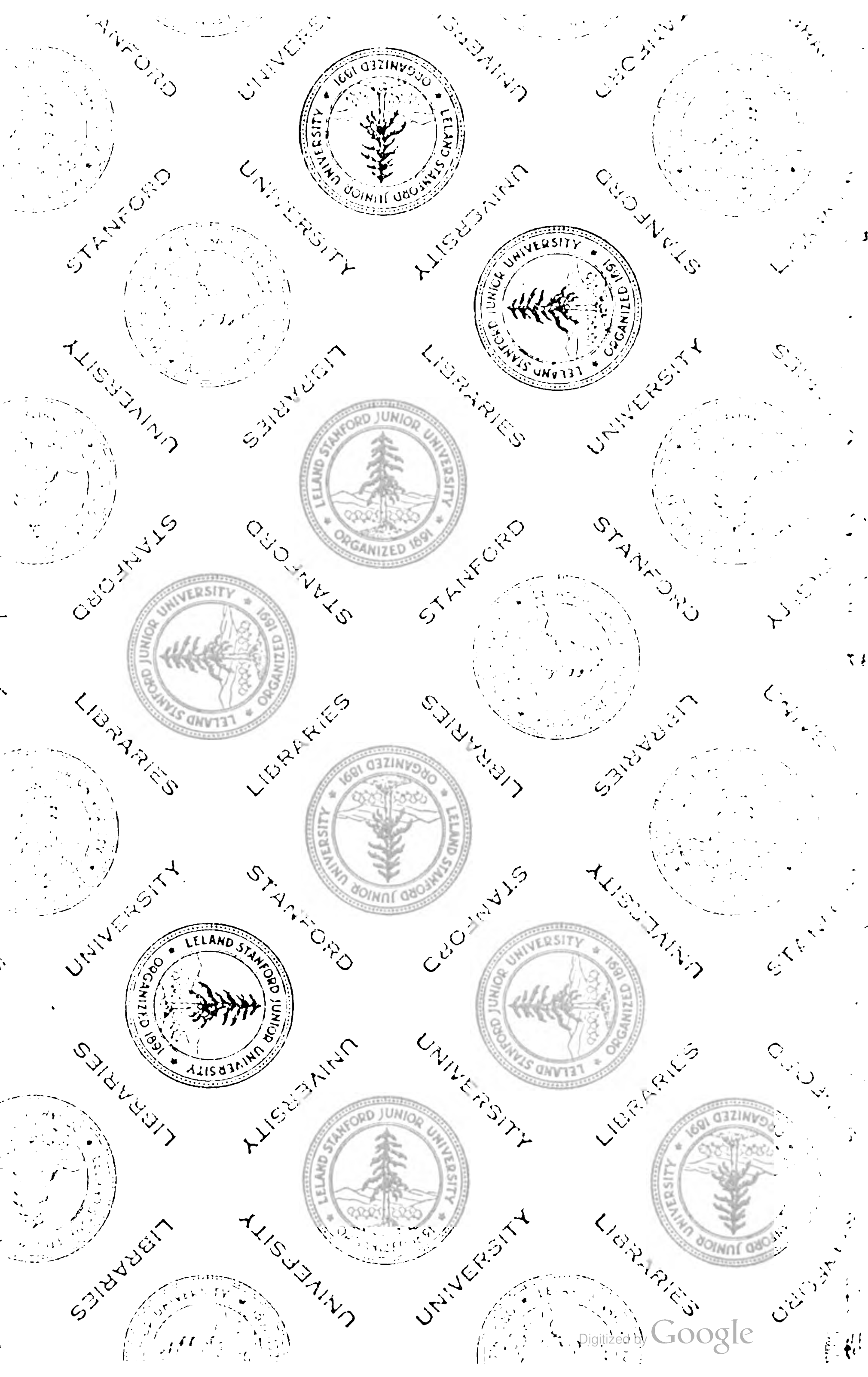
Съ какою лютостью, чело свое нахмуря,
На крилахъ пламенныхъ несется грозна буря!
Предъ нею страхъ летитъ, и дымъ и пыль столпомъ;
Въ ея утробѣ вихрь и молнія и громъ.
Что встрѣтитъ на пути, все ломитъ, низвергаетъ:
Се кедръ высокій ей противустать дерзаетъ;
Но крѣпкій силами, стоящій много лѣтъ,
Исторженъ изъ земли со трепетомъ падетъ.
Воззри на глубину, какъ тамъ смятенья полны,
Тѣснятся, мечутся, другъ друга давятъ волны,
Уподобляяся то безднѣ то горамъ,
Изъ пропасти корабль кидаютъ къ облакамъ.
Се свѣтлый день она въ нощъ темну превращаетъ,
Жизнь изливающій лучъ солнца погашаетъ,
И мглою черною покрывъ небесный сводъ,
Съ багровыхъ крилъ своихъ стрясаетъ море водъ,

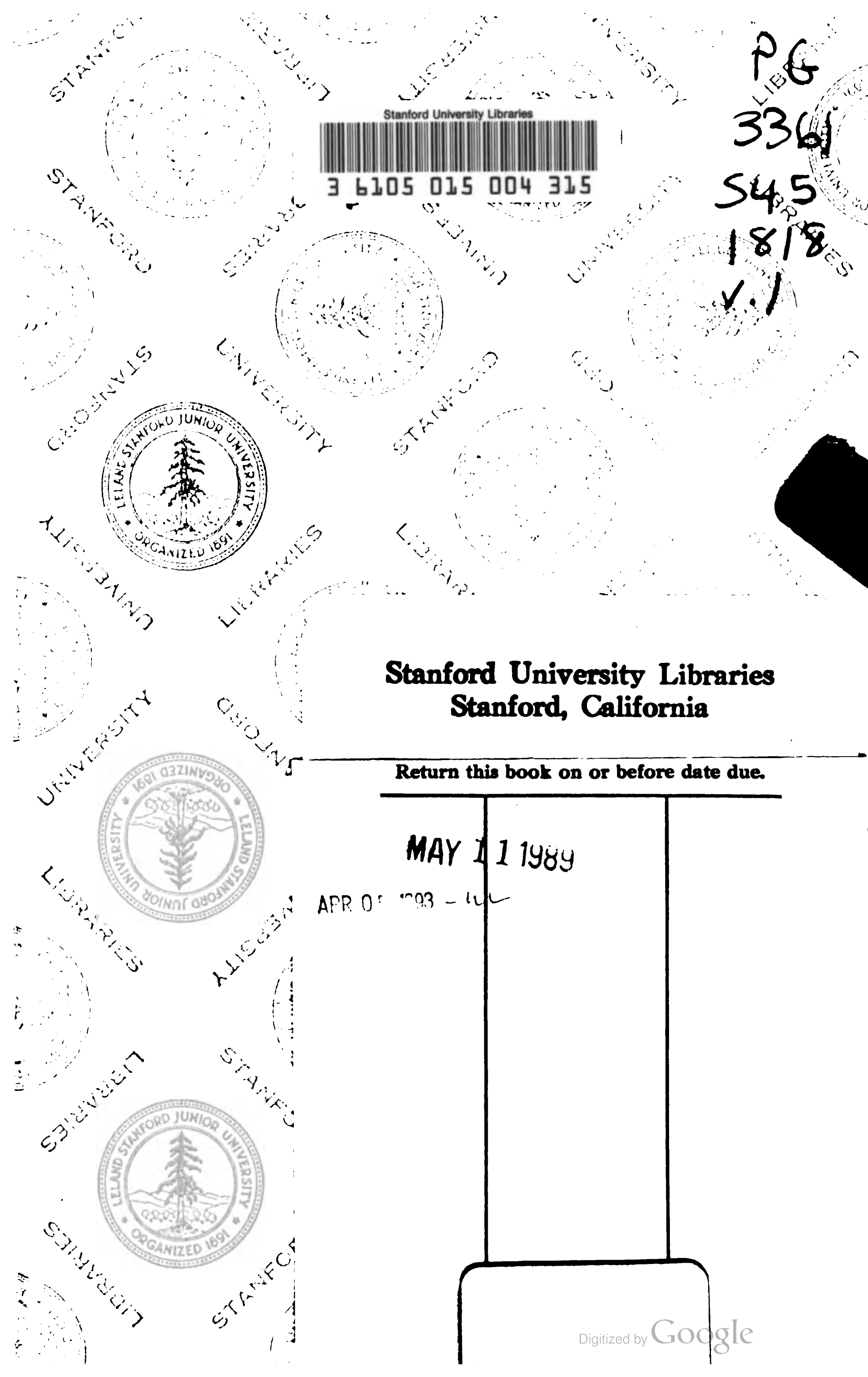
Текущихъ потопитъ въ садахъ цвѣтущи
крины,
Разрушитъ хижины, опустошитъ долины,
Изъ тварей дышущихъ исторгнутъ робкій
духъ:
Се плаваютъ уже и стадо и пастухъ!
Убійца лютая! доколѣ будешь злиться?
Ахъ! вскорѣ вся земля въ пустыню превра-
тится.

Внидь въ сожалѣніе, отвергни злость свою,
Дай солнечнымъ лучамъ проникнуть ночь сію,
Мы погибаемъ всѣ.—Но кто сей бурѣ темной
Изъити повелѣлъ изъ храмины подземной?
Кто тяжкія ея оковы разрѣшилъ?
Царь неба и земли, властитель горнихъ силъ.
Тебѣ ль, живущему среди надежды, страха,
Тебѣ ли, о червь! имъ созданный изъ праха,
Тебѣ ли, человѣкъ, дѣла его судить?
Твой долгъ есть ницъ лежать, *святую* волю
чтить,
И зря на чудное подсолнечной строенье,
Премудрость познавать и почерпать сми-
ренье;
Твой разумъ данъ тебѣ отъ щедраго Творца
На то, чтобъ ты въ немъ зрѣлъ, и Бога и отца.
Во славѣ страшенъ онъ: перунъ въ его дес-
ницѣ!
Но съ кротостью сѣдящъ во свѣтлой ба-
гряницѣ,
Отъ преисполненныхъ любви его очей

Ліется щастіе и радость твари всей.
Когда онъ росу къ намъ, иль дождь низпосылаетъ,
Иль землю солнечнымъ лучемъ обогрѣваетъ,
Иль легкимъ дуть велитъ съ прохладой вѣтеркамъ,
Чтобъ дать нагимъ въ лѣсахъ раскинутся древамъ,
Чтобъ тьмой обогатить поля произрастеній,
Не вѣстники ли то его благотвореній?
Но что же бури суть? тѣжъ вѣстники щедротъ,
Тѣжъ проповѣдники всевышняго добротъ.
И мразы зимніе, и теплый солнца лучъ,
И ясность свѣтлыхъ дней, и мраки темныхъ тучъ,
И бури и зефиръ и молніи и грады,
Употребляетъ онъ для общей всѣхъ отрады.
Господь нашъ праведенъ: страшиться намъ чего?
Спокойно жребій свой возвержемъ на него,
И потуша въ себѣ уныніе душевно,
Увѣримся изъ благъ ліющихся вседневно,
Что Богъ, и въ радостный и въ страшный самый часъ,
Всегда есть Богъ благій, пекущійся объ насъ.

Конецъ первой части.

Stanford University Libraries
3 6105 015 004 315
PG
3361
S45
1818
v.1
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
MAY 1 1 1989
Digitized by Google

